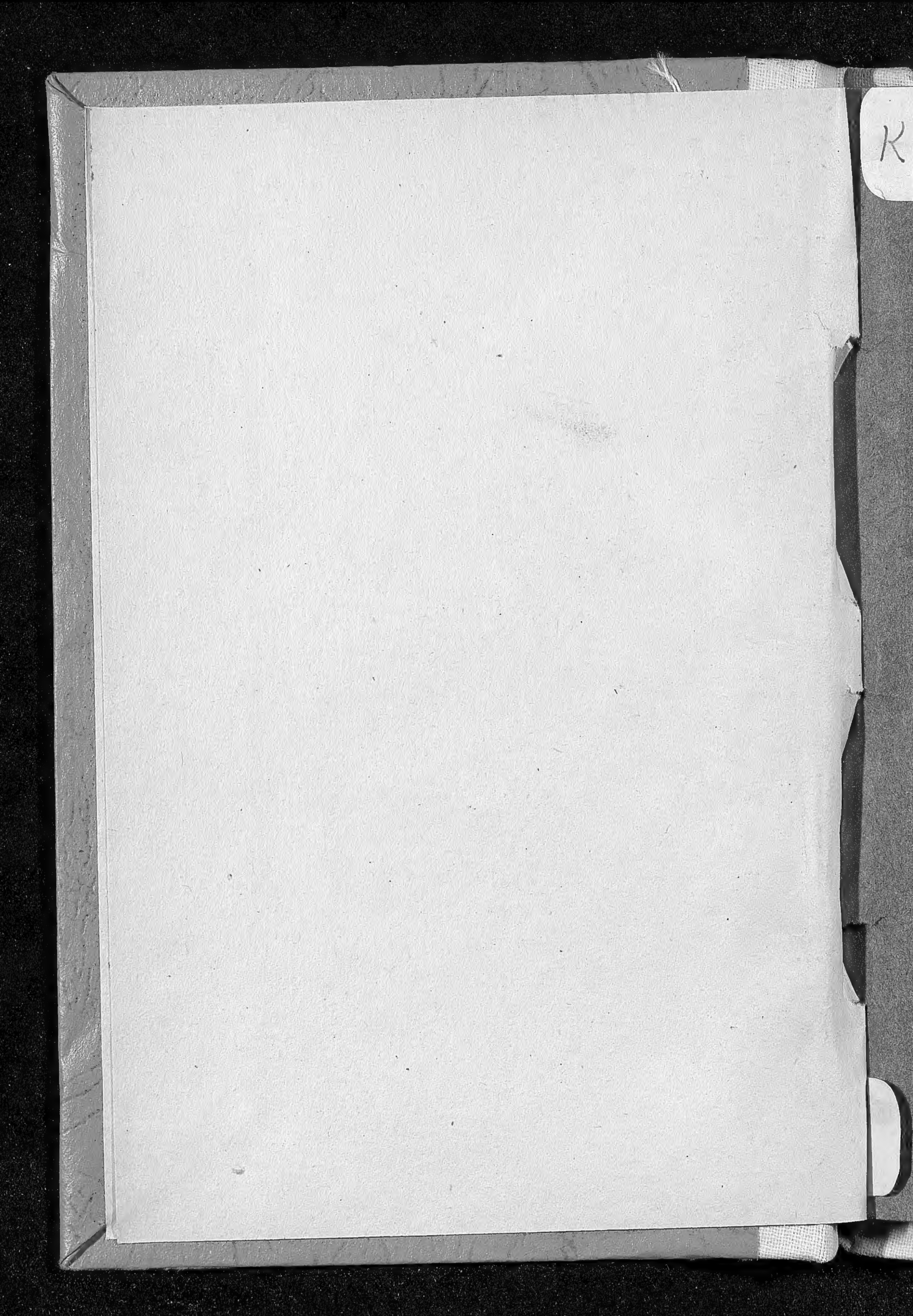

А. Б. Петрищевъ.

По пути къ синоду.

(Изъ исторіи восточкой государственной церкви).

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Сѣверъ», Садовая, 60.
1908.

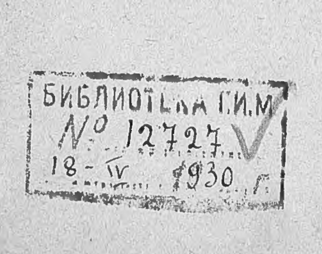
А. Б. Петрищевъ.

По пути къ синоду.

(Изъ исторіи восточной государственной церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Сѣверъ», Садовая 60.
1908.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое государственная церковь?

Эта книжка посвящена обозрѣнію наиболѣе выдающихся событій изъ жизни государственной православной церкви. И съ самаго начала приходится объяснить, что такое государственная церковь? Какая разница между просто церковью и церковью государственной? Обыкновенно, въ русскихъ школахъ различіе это объясняютъ такъ:

— Около трехсотъ лѣтъ христіане испытывали жестокое гоненіе отъ римскихъ императоровъ, вельможъ и отъ еврейской знати. За исповѣдованіе вѣры христовой людей преслѣдовали и мучили. Христіанамъ запрещено было имѣть храмы и совершать богослуженія. Затѣмъ въ Римѣ воцарился императоръ Константинъ, названный Равноапостольнымъ. Онъ прекратилъ гоненія, сталъ покровительствовать христіанамъ и даже самъ принялъ христіанство. Такъ вотъ, когда христіанская церковь подвергалась гоненію отъ императоровъ,—тогда она была негосударственной. А когда императоры стали оказывать ей покровительство, — тогда она стала государственной.

Объясненіе это до нѣкоторой степени правильно. Дѣйствительно, государственная церковь всегда пользуется покровительствомъ со стороны свѣтскихъ властей, а церковь негосударственная часто претерпѣваетъ гоненія, хотя это бываетъ далеко не всегда, да и первыхъ христіанъ тоже не всегда преслѣдовали. Но это различіе чисто внѣшнее. Есть другое, внутреннее, болѣе глубокое и важное.

Церковью называется общество людей, которые одинаково вѣруютъ въ Бога. Кромѣ вѣры въ самого Бога, это общество можетъ также вѣровать въ ангеловъ, въ Божію Матерь, въ иконы, въ святыхъ угодниковъ. И вотъ, положимъ, среди одинаково вѣрующихъ нашелся человѣкъ, который почему-либо сталъ вѣрить иначе. Онъ говоритъ, напримѣръ, что Іисусъ Христосъ не Богъ, а человѣкъ, что Божія Матерь—обыкновенная женщина, родившая не отъ Духа Святого, а отъ мужа; или что тотъ или иной угодникъ,—положимъ, Серафимъ Саровскій—вовсе не угодникъ. Что дѣлать обществу съ такимъ человѣкомъ? Очевидно, оно въ концѣ концовъ скажетъ ему:

— Вѣруешь ты не по нашему, а потому уходи отъ насъ.

И это будетъ правильный отвѣтъ, такъ какъ люди разной вѣры не могутъ составить общество одинаково вѣрующихъ. Но если одинаково вѣрующіе составили общество только для того, чтобы совмѣстно служить Богу, то нѣтъ никакого смысла преслѣдовать и наказывать иначе вѣрующаго. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, мой сосѣдъ не такъ вѣруетъ, какъ я. Пусть даже, по моему мнѣнію, слова сосѣда — тяжкій грѣхъ противъ Бога. Но этотъ грѣхъ лежитъ на его, сосѣдовой, душѣ. За это его будетъ судить и накажетъ Богъ. И не мнѣ замѣнять Божій судъ моимъ человѣческимъ самосудомъ и Божіе наказаніе моею кулачной расправою.

Такъ надо разсуждать, если церковь свободна и учреждена только для служенія Богу. Такъ и разсуждали христіане до императора Константина. Церковь государственная разсуждаетъ иначе. Если тотъ или иной человѣкъ станетъ утверждать, положимъ, что Христосъ не Богъ, а человѣкъ, то государственная церковь называетъ такого человѣка еретикомъ или богохульникомъ. И не ждетъ она, пока Богъ накажетъ за ересь или хулу. По Уложенію, напр., русскаго государя Алексѣя Михайловича, за богохульство полагалось сжечь живьемъ на кострѣ, а по нынѣшнимъ русскимъ законамъ, полагается сослать на каторгу или на поселеніе. Первымъ христіанамъ приходилось, конечно, исключать людей изъ своей среды съ общаго между собою согласія. Но отлученный отъ

церкви (по гречески: „анаѳема“) не подвергался карамъ. Въ церкви государственной отлученіе производится не по приговору общества, а по распоряженію начальства, при чемъ отлученный лишается гражданскихъ правъ и подвергается болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ: встарину—сожженію на кострѣ, въ ближайшія къ намъ времена—ссылкѣ и заточенію.

Возможно, что тотъ или иной человѣкъ, ставшій вѣрить иначе, захочетъ самъ добровольно уйти изъ „общества одинаково вѣрующихъ“. Такой добровольный выходъ изъ церкви безпрепятственно совершался среди христіанъ до императора Константина. Безпрепятственно совершается онъ и теперь въ тѣхъ странахъ, гдѣ церковь не считается государственной. Въ свободной церкви на этотъ счетъ господствуетъ такое мнѣніе:

— Хорошо, если человѣкъ молится по нашему. Но молитва, по словамъ евангельскимъ, только тогда имѣетъ цѣну, если она приносится отъ всего сердца и отъ всего помышленія. А если человѣкъ лишь наружно молится по нашему, а сердце его лежитъ къ другому и мысли у него тоже о другомъ, то ни къ чему такая молитва. Самъ Христосъ сказалъ, что всуе чтутъ Его тѣ люди, которые приближаются къ нему только языкомъ своимъ, и сердце которыхъ далеко отъ Него.

Государственная церковь смотритъ на дѣло иначе. Человѣка, перемѣнившаго вѣру, она называетъ еретикомъ и раскольникомъ. И, по старому русскому закону, уличенныхъ въ ереси и расколѣ полагалось сжигать на кострѣ. По тому-же закону—онъ былъ изданъ въ 1684 г.—каждаго, кто пересталъ ходить въ храмъ, не приглашаетъ священника на требы, не исповѣдуется и не причащается, надо арестовать, подвергнуть „крѣпкой пыткѣ“, и если онъ „покоренія не принесетъ“, сжечь на кострѣ *). По нынѣшнему Уложенію о наказаніяхъ, человѣкъ, который по отзыву приходскаго священника, отпалъ отъ православія, предается суду духовнаго начальства; кромѣ того, все имущество отпавшаго отбирается въ опеку, малолѣтніе дѣти его также отбираются (статьи 185 и 188) и поступаютъ на попеченіе полиціи (статья 57 „Устава

*) «Полное Собраніе законовъ», томъ II, № 1102.

о предупрежденіи и пресѣченіи“). Въ 1905 г. эти законы смягчены, но и теперь каждый человѣкъ, желающій уйти изъ православной церкви, можетъ это сдѣлать не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. При чемъ, если даже разрѣшеніе будетъ дано, дѣти отпавшаго моложе 14 лѣтъ поступаютъ на попеченіе полиціи. И если полиція или приходскій священникъ удостовѣрятъ, что отпавшій отецъ совращалъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, то, по новому Уголовному Уложенію, полагается заключеніе въ крѣпости до трехъ лѣтъ (статьи 82 и 83).

Къ церкви негосударственной каждый человѣкъ принадлежитъ только по доброй своей волѣ. Между прочимъ, по этой причинѣ негосударственная церковь называется свободной. Церковь государственная есть союзъ принудительный.

До императора Константина, многіе христіане, отчасти подъ вліяніемъ гоненій, предпочитали креститься лишь въ преклонныхъ годахъ. Иногда даже крещенные не торопились крестить дѣтей. Было и такъ, что у христіанки былъ мужъ язычникъ или у христіанина была жена язычница. Апостолъ Павелъ убѣждалъ не расторгать такихъ браковъ и не препятствовать имъ: „почему ты знаешь, жена,—спрашивалъ онъ—не спасешь-ли мужа? или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь-ли жены?“ (I Коринѳ. VII, 16). До Константина христіане не знали такого правила, что надо непремѣнно вѣнчаться у священника въ храмѣ. Часто женихъ и невѣста просили духовное лицо благословить ихъ брачное сожительство. Но это не по обязанности, а лишь по доброй волѣ. Ниже мы увидимъ, что даже долго спустя послѣ Константина обрядъ вѣнчанія не считался обязательнымъ, какъ не признается онъ обязательнымъ нынѣ въ тѣхъ странахъ, гдѣ церковь свободна Государственная церковь, въ Россіи, напримѣръ, устанавливаетъ иные порядки. По нынѣшнимъ русскимъ законамъ, если надъ мужемъ и женою не совершенъ обрядъ вѣнчанія, дѣти считаются „внѣбрачными“ и не имѣютъ права на отцовское наслѣдство. Такія дѣти могутъ получить право наслѣдства лишь послѣ особыхъ хлопотъ, которыя не всякому посильны. Иначе говоря, государственная церковь принуждаетъ къ совершенію брачнаго обряда и

дѣлаетъ этотъ обрядъ обязательнымъ. Въ свободной церкви апостолъ Павелъ благословилъ браки христіанъ съ язычниками. Въ государственной церкви, если, напр., русскій православный священникъ благословилъ бракъ православной христіанки, съ иновѣрцемъ, то подлежитъ церковному суду. Въ государственной церкви, по русскимъ законамъ, родители должны заботиться, чтобы ихъ новорожденный младенецъ былъ крещенъ. Отецъ и мать, не исполнившіе этой обязанности, могутъ быть преданы церковному суду. По ст. 18 нынѣшняго Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, на полицію и на приходское духовенство возложена обязанность слѣдить, чтобы „всякій православный хотя однажды въ годъ исповѣдовался и причащался святыхъ таинъ“. Съ этою цѣлью приходское духовенство и ведетъ „запись исповѣдниковъ“. Запись эта ведется на основаніи 21 статьи того же Устава о предупрежденіи и пресѣченіи. Иные удивляются, почему исповѣдники за записываніе своихъ именъ вносятъ особую плату. Дѣло, однако, въ томъ, что хотя священникъ и обязанъ вести запись, но нужна она не ему, а прихожанамъ. По нынѣшнему закону, если православный христіанинъ не говѣлъ два года, или хотя говѣлъ, но пропущенъ въ спискѣ причастниковъ, то надъ нимъ, по желанію священника или полиціи, можетъ быть учрежденъ духовный судъ. Если судъ признаетъ преступника не раскаяннымъ, то дѣло можетъ кончиться ссылкою. По статьѣ 19 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, на полицію и на приходское духовенство возложена обязанность слѣдить, чтобы родители приводили своихъ дѣтей, достигшихъ 7 лѣтъ, на исповѣдь ежегодно. По статьѣ 23 того же Устава, полиція и приходское духовенство обязаны слѣдить, чтобы во время праздниковъ, а также въ царскіе дни православные христіане „отдыхали отъ трудовъ“ (т. е. не смѣли работать) и ходили къ обѣднѣ. Въ старые годы принужденіе выполнять обряды было гораздо замѣтнѣе, чѣмъ теперь. Такъ, напр., одинъ изъ указовъ царя Алексѣя Михайловича отъ 25 октября 1650 года предписывалъ: „всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Филипповъ постъ нынѣшняго года поститься со всякимъ благоговѣніемъ и къ святымъ Божіимъ церк-

вамъ къ вечерни и къ заутрени и къ литургіи по вся дни приходить" *).

Такимъ образомъ, человѣкъ принадлежащій къ свободной церкви выполняетъ обряды по своей доброй волѣ. Церковь государственная обязываетъ къ выполненію обрядовъ страхомъ наказанія.

До Константина христіане сами выбирали себѣ священниковъ и епископовъ. Такимъ образомъ, высшая церковная власть принадлежала всѣмъ тѣмъ людямъ, которые входили въ составъ церкви. Въ государственной церкви высшая власть принадлежитъ государю. Въ Россіи, напр., митрополитовъ и епископовъ назначаетъ государь. Впрочемъ, у насъ долгое время оставался въ силѣ старый обычай, чтобы сами прихожане выбирали себѣ священника. Теперь и этого обычая нѣтъ: приходское духовенство назначается поставленными государемъ архіереями и митрополитами.

Въ свободной церкви духовенство можетъ имѣть только то пропитаніе, какое назначатъ и дадутъ міряне. Въ государственной церкви главные доходы въ особенности высшаго духовенства зависятъ не отъ мірянъ, а отъ правительства. И, по газетнымъ свѣдѣніямъ, сейчасъ въ Россіи, напр., московскій митрополитъ получаетъ жалованья 6,000 руб., столовыхъ 4,000 руб., доходовъ отъ архіерейскаго дома 8.000 руб., отъ Чудова монастыря 6,000 руб., отъ Сергіевской лавры 12,000 р., и отъ Иверской часовни до 40,000 р., а всего 76,000 р.; петербургскій митрополитъ получаетъ жалованья 5,000 р., столовыхъ 4,000 р., доходовъ отъ Невской лавры 250,000 р., а всего 259,000 р.; кіевскій митрополитъ получаетъ жалованья 5,000 р., столовыхъ 4,000 р., доходовъ отъ архіерейскаго дома 10,000 р. и отъ Печерской лавры 65,000 р., а всего 84,000 р.; новгородской архіепископъ получаетъ жалованья 1,500 р., доходовъ отъ архіерейскаго дома 2,000 р., съ Новгородскаго подворья 300,000 р., а всего 303,500 р.; владимірскій и казанскій получаютъ каждый 50,000 р. и т. д.

Ниже мы увидимъ, что есть и еще важныя различія между свободной и государственной церковью. Но и ска-

*) Полное собраніе законовъ, т. I. № 47.

заннаго достаточно, чтобъ понять, почему государственную церковь никакъ нельзя смѣшивать съ церковью свободной. А такъ какъ возникновеніе христіанской государственной церкви началось при императорѣ Константинѣ, то объ этомъ императорѣ необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Императоръ Константинъ и начало вселенскихъ соборовъ.

Люди искони старались понять, что такое Богъ, и поклонялись Богу. Но не всегда они представляли Его одинаково. Было, напр., такое время, когда каждая семья полагала, что у нея есть свой богъ, который помогаетъ именно ей, этой семьѣ. Остатки этого стариннаго повѣрья уцѣлѣли до сихъ поръ. Еще и теперь мѣстами есть семьи, которыя увѣрены, что въ ихъ домѣ живетъ добрый духъ—домовой, и если домовому угождать, то онъ оказываетъ большую помощь, а если раздражать, то онъ причиняетъ большой вредъ. Было другое время, когда отдѣльныя семьи стали постепенно объединяться. Появились племена, которыя подчинялись одному начальнику. Племя чтило всѣхъ боговъ, которымъ поклонялись входившія въ его составъ семьи. Но само собою понятно, боги однихъ особенно счастливыхъ семей пріобрѣтали большую извѣстность и больше поклонниковъ, чѣмъ боги семей, впавшихъ въ несчастье и разорившихся. Въ концѣ концовъ богъ какой-либо особенно счастливой семьи оказывался наиболѣе чтимымъ, и его считали главнымъ богомъ всего племени. Было и такое время, когда отдѣльныя племена, враждовавшія между собою, постепенно объединялись въ одно государство. Естественно, что въ государствѣ ока-

зывался почетъ всѣмъ главнымъ богамъ отдѣльныхъ племенъ. И естественно также, что богъ самаго сильнаго племени считался главнымъ богомъ всего государства.

Такъ и сложилось многобожіе, которое не совсѣмъ правильно смѣшиваютъ съ язычествомъ. Язычникъ разсуждаетъ такъ, какъ и теперь еще разсуждаютъ нѣкоторые дикіе народы въ Россіи: бога надо сытно накормить и напоить, дать ему выспаться, тогда онъ приходитъ въ хорошее расположеніе и оказываетъ помощь; бываетъ, однако, что богъ и накормленъ и напоенъ и выспался, но лѣнится; въ такихъ случаяхъ его полезно высѣчь. Мѣстами кочевникъ въ Россіи и теперь еще послѣ удачной охоты вынимаетъ изъ-за пазухи куклу и мажетъ ее кровью и саломъ—это онъ кормитъ своего бога; послѣ охоты неудачной онъ ту же куклу бьетъ—т. е. наказываетъ бога за лѣность; если богъ сталъ часто лѣниться, то дикарь бросаетъ старую куклу и дѣлаетъ или покупаетъ себѣ новую. Вотъ это язычество. И заключается оно въ томъ, что человѣкъ куклу, кусокъ дерева или камня или иную вещь смѣшиваетъ съ Богомъ и поклоняется, какъ Богу. Многобожіе же состоитъ въ поклоненіи нѣсколькимъ богамъ, наиболѣе чтимымъ въ данной мѣстности или въ данномъ государствѣ.

Въ Римскомъ государствѣ почитались многіе боги: Юпитеръ, Сатурнъ, Діана, Юнона и др. Затѣмъ римляне покорили и объединили подъ своей властью множество государствъ. Городъ Римъ сталъ называться столицею всего міра. Въ немъ сосредоточилось поклоненіе главнымъ богамъ многихъ народовъ и государствъ. Каждый народъ называлъ своего главнаго бога по своему: греки Зевесомъ, римляне Юпитеромъ, египтяне Озирисомъ. Но какая собственно разница между Зевесомъ или Юпитеромъ,—понять было нельзя. И какого бога считать самымъ главнымъ и настоящимъ,—было неизвѣстно. Любопытно, что появились даже храмы съ надписью: „Неизвѣстному богу“. Неизвѣстно было и то, какого собственно бога считать общимъ для всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ римскаго государства. Такимъ общимъ для всѣхъ богомъ велѣно было счи-

тать императора. На этомъ основанiи въ храмахъ ставились статуи императоровъ, и всѣ подданные были обязаны молиться передъ этими статуями и приносить имъ жертвы. Но это богъ земной. А кого же считать общимъ для всѣхъ народовъ богомъ небеснымъ?

Въ такое именно время, когда приходилось строить храмы неизвѣстному богу, и жилъ императоръ Константинъ. Полное имя его Гай-Флавiй-Валерiй-Константинъ. Церковные историки утверждаютъ, что передъ самою смертью принялъ христiанское крещенiе. И въ то время онъ до самой смерти своей былъ главнымъ жрецомъ римскихъ боговъ. И самъ считался богомъ, какъ и всѣ бывшiе до него императоры. Его статуи также стояли въ языческихъ храмахъ и передъ ними совершались жертвоприношенiя. На первомъ вселенскомъ соборѣ въ 325 году христiанскихъ епископовъ онъ называлъ „братьями и сослужителями". А черезъ восемь лѣтъ разрѣшилъ посвятить языческiй храмъ себѣ и своимъ сыновьямъ. Онъ покровительствовалъ христiанству. И одновременно съ этимъ приказалъ день, посвященный египетскому богу солнца, считать общимъ праздникомъ и рыночнымъ днемъ. Какого же бога Гай-Флавiй-Валерiй-Константинъ могъ считать истиннымъ?

Онъ былъ образованнымъ человѣкомъ. И въ молодости слушалъ уроки самыхъ ученыхъ людей того времени. Что онъ могъ узнать на этихъ урокахъ? Тогдашнiе образованные люди хорошо понимали, что Богъ одинъ. За 600 лѣтъ до Рождества Христова греческiй философъ Ксенофанъ проповѣдовалъ вѣру въ „Единаго Бога". „Люди—говорилъ онъ—глупо думаютъ, что боги рождаются такъ же, какъ мы, носятъ одежду, подобно намъ, похожи на насъ и говорятъ по-нашему. Эфiопы думаютъ, что у ихъ боговъ лица черныя, а носъ приплюснутый. Голубоглазые и краснолицые фракiйцы изображаютъ своихъ боговъ съ голубыми глазами и красными лицами. Если бы у быковъ были руки и пальцы, они изобразили бы своего съ рогами и хвостомъ". „Богъ одинъ" — на этомъ сходились многiе мудрецы, жившiе еще до Христа. Но откуда взялась земля и все живущее на ней, откуда солнце, луна, звѣзды, откуда человѣкъ съ его разумомъ и даромъ слова? Легко ска-

зать: Богъ создалъ. Но изъ чего онъ могъ все это создать? По нынѣшнему православному ученію, Богъ создалъ все изъ ничего,—т. е. былъ вѣчно только Богъ, и никакой матеріи, изъ которой состоитъ земля, солнце, всѣ свѣтила и звѣзды, не было. Затѣмъ Богъ создалъ матерію, а изъ матеріи уже все, что мы видимъ. Это ученіе было извѣстно до Рождества Христова. Но тогдашніе ученые, какъ и многіе нынѣшніе, отвергали его. Изъ ничего—говорили они—можетъ выйти только ничего. И какимъ образомъ изъ ничего могъ появиться матеріалъ для созданія земли, солнца, всѣхъ свѣтилъ и всего живущаго—этого до сихъ поръ никто объяснить не въ состояніи.

Было другое ученіе,—что, кромѣ Бога, искони существовала матерія. Матерія была, такъ сказать, готовая, изъ нея Богъ и создалъ солнце, землю и все остальное. Это ученіе на первый взглядъ кажется яснымъ и понятнымъ. Но его послѣдователи въ концѣ концовъ очутились въ положеніи того индійца, который утверждалъ, что земля стоитъ на слонѣ. Когда у него спросили: „а слонъ на чемъ стоитъ?—онъ отвѣтилъ: „на черепахѣ“.—„А черепаха на чемъ?“... На этотъ вопросъ у индійца отвѣта не нашлось. Такъ и здѣсь. Богъ создалъ міръ изъ готовой матеріи, но откуда взялась эта матерія? На это приходилось отвѣтить, что матерія существуетъ такъ же вѣчно и такъ же самостоятельно, какъ и Богъ. Но это значитъ, что существуютъ собственно два Бога. И такимъ образомъ попытка объяснить, какъ единый Богъ сотворилъ міръ, приводила къ выводу, что есть не одинъ, а два Бога. Замѣчу кстати, что ученіе о вѣчномъ Богѣ-Духѣ и вѣчномъ богѣ-матеріи, существуетъ до сихъ поръ. Отчасти подъ вліяніемъ этого ученія окрѣпла уцѣлѣвшая понынѣ вѣра, что, кромѣ Бога, есть еще дьяволъ, который слабѣе Бога, но котораго Богъ не можетъ уничтожить.

Было, наконецъ, и такое ученіе, что Богу вовсе не надо было создавать матерію, такъ какъ между Богомъ и матеріею въ сущности нѣтъ никакой разницы. Видимые нами камни, букашки, деревья, солнце, звѣзды, — все это лишь различные виды одного и того же Бога. Въ одномъ случаѣ Богъ принимаетъ видъ камня, въ дру-

гомъ видъ рѣки, въ третьемъ видъ человѣка, въ четвертомъ видъ цвѣтка или птицы. Намъ кажется, что это разныя вещи. А между тѣмъ это лишь разные виды единаго, всемогущаго и вездѣсущаго Бога. Въ этомъ ученіи какъ будто нѣтъ тѣхъ противорѣчій, какъ въ первыхъ двухъ. Оно не допускаетъ, что изъ ничего можно сдѣлать все. Его послѣдователямъ не приходится рядомъ съ Богомъ-творцомъ міра ставить Бога-матерію. Но невольно является такой, напримѣръ, вопросъ:

— Рядомъ живутъ два человѣка—Иванъ и Василій. Намъ говорятъ, что оба они—лишь разные виды одного и того же Бога. И какъ разные виды одного и того же Бога, Иванъ и Василій должны бы жить въ полномъ единодушіи и согласіи. На дѣлѣ же между ними непримиримая вражда. И наконецъ Иванъ такъ изобляется, что убиваетъ Василія. Какъ это понять?

Удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ не было.

Почти одновременно съ Христомъ жилъ въ городѣ Александріи (въ Египтѣ) ученый еврей Филонъ. Онъ предложилъ новое ученіе, впослѣдствіи развитое грекомъ Плотиномъ. Конецъ своей жизни Плотинъ провелъ въ Римѣ и умеръ приблизительно за 40 лѣтъ до воцаренія Императора Константина. По этому ученію, Богъ, дѣйствительно, существуетъ въ разныхъ видахъ, но этихъ видовъ только три. Они постоянны и неизмѣнны. Плотинъ назвалъ ихъ „ипостасями.“ Одна ипостась сотворила міръ и постоянно даетъ ему жизнь. Это и есть тотъ Духъ, благодаря которому всякая тварь живетъ. Другая ипостась направляетъ жизнь всѣхъ тварей къ тому, чтобы она была разумна. Этой ипостаси Филонъ и Плотинъ дали греческое названіе: „логосъ“. По-русски „логосъ“ означаетъ разумъ и слово. Напомню кстати, что у евангелиста Іоанна Іисусъ Христосъ также названъ „Логосомъ“. Въ русскомъ переводѣ Евангеліе Іоанна такъ и начинаетъ: „Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“. Плотинъ и Филонъ называли вторую ипостась также „сыномъ“. Наконецъ, по ихъ ученію, есть и еще одна ипостась, которую они называютъ то „Вѣчной Душой“, то „Отцомъ“. Эта ипостась управляетъ міромъ.

Первая ипостась (Духъ) даетъ жизнь одинаково и жуку или саранчѣ, и человѣку. Если жизнь человѣка разумна, а жизнь жука или саранчи неразумна, то таково дѣйствіе второй ипостаси („Сына"). И если человѣку данъ разумъ, а саранчѣ не дано, — то такова, значитъ, была воля „Отца" — ипостаси, управляющей міромъ. Если изъ двухъ людей Иванъ живетъ глупо, а Василій умно,—то опять таки такова воля Отца. Если два человѣка, которые отъ одного Духа получили жизнь и отъ одного Сына разумъ, тѣмъ не менѣе живутъ во враждѣ и убиваютъ другъ друга,—то такова опять таки воля Отца. И мы должны вѣрить, что Онъ направляетъ жизнь къ лучшему, хотя не можемъ этого понять и объяснить.

Можно бы сказать:

— Но, вѣдь, это значитъ, что, вмѣсто одного Бога, признавать трехъ боговъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Плотинъ—хотя ипостаси существуютъ самостоятельно и дѣйствуютъ также самостоятельно, но всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ одного Бога. Такъ что Богъ одинъ, но въ трехъ видахъ или лицахъ, которыя постоянно раздѣлены и постоянно вмѣстѣ.

Плотинъ признавалъ, что этого нельзя понять, но говорилъ онъ—этому надо вѣрить, и другого способа объяснить нынѣшнее существованіе міра у насъ нѣтъ. Ученіе Плотина о трехъ ипостасяхъ въ то время, когда жилъ Константинъ, было господствующимъ въ Александріи, гдѣ жили знаменитѣйшіе ученые того времени. Сюда собирались отовсюду люди, чтобы получить высшее образованіе, узнать высшую мудрость. У александрійскихъ послѣдователей Плотина учились и приверженцы старыхъ боговъ, и христіане. Тѣ и другіе одинаково признавали ученіе о трехъ ипостасяхъ истиннымъ, хотя между христіанскими и нехристіанскими учеными были сильныя разногласія, доходившія до вражды. Нѣкоторые христіане утверждали, что вторая ипостась—это Іисусъ Христосъ, который и есть Богъ - Сынъ, Богъ - Слово. Нѣкоторые приверженцы старыхъ боговъ увѣряли, что вторая ипостась—это римскій богъ Сатурнъ, котораго, по ихъ мнѣнію, и надо считать богомъ-сыномъ, богомъ-словомъ. Далѣе, христіанскіе ученые признавали ученіе

о трехъ ипостасяхъ правильнымъ потому, что оно открыто людямъ самимъ Богомъ какъ черезъ Моисея, Давида, Исаію и другихъ еврейскихъ пророковъ, жившихъ до Рождества Христова, такъ и христовымъ Евангеліемъ. Нехристіанскіе же ученые говорили, что дѣло тутъ вовсе не въ тѣхъ или иныхъ словахъ Моисея и Давида, да и слова эти неясны и могутъ быть истолкованы, какъ угодно. Суть, по мнѣнію тогдашнихъ нехристіанскихъ ученыхъ, не въ божьемъ откровеніи, а въ человѣческомъ разумѣ.

Разумъ дошелъ до познанія трехъ ипостасей, а что онъ дошелъ до истины, для этого вовсе не нужно ссылаться на пророковъ, ибо даръ пророчества можетъ быть достигнутъ каждымъ человѣкомъ, стоитъ лишь привести свое тѣло въ такое состояніе, чтобы оно не мѣшало душѣ чувствовать Бога-Духа, Бога-Сына и Бога-Отца. Самъ Плотинъ для этой цѣли старался изнурить себя и говорилъ, что стыдится, что у него есть тѣло, такъ какъ оно мѣшаетъ душѣ вполнѣ познать Бога. Это мнѣніе, что даръ пророчества можно получить, если изнурять собственное тѣло, существовало, впрочемъ, до Плотина и существуетъ до сихъ поръ. Нѣкоторыми будійцами, напр., практикуется такой способъ приблизиться къ Богу: изнуривъ себя долговременнымъ голодомъ, человѣкъ начинаетъ пристально смотрѣть на свой пупъ и при этомъ повторяетъ безпрерывно одну и ту же краткую молитву до тѣхъ поръ, пока не впадетъ въ безпамятство. Для той же цѣли у нѣкоторыхъ русскихъ хлыстовъ устраиваются «радѣнья», т. е. люди, собравшись вмѣстѣ, прыгаютъ, кружатся, поютъ до полнаго изнеможенія и безпамятства. Съ тою же цѣлью — изнурить тѣло и приблизиться къ Богу—нѣкоторые закапываютъ себя по грудь въ землю, долго ни принимаютъ пищи, растравляютъ на тѣлѣ язвы, опутываютъ себя желѣзными цѣпями, и т. д.

Таковы вкратцѣ тѣ познанія о Богѣ, какія могъ получить Константинъ отъ своихъ учителей. Онъ зналъ плотиновское ученіе о трехъ ипостасяхъ, какъ теперь мы знаемъ отъ нынѣшнихъ ученыхъ, что земля вращается вокругъ солнца, и что намъ лишь кажется, будто надъ нами небо, а въ дѣйствительности земля кружится

въ безграничномъ пространствѣ, гдѣ безчисленное множество такихъ же солнцъ, какъ наше, и такихъ же земель, какъ наша, и мы видимъ лишь незначительную часть этихъ отдаленныхъ солнцъ и называемъ звѣздами, а многія изъ нихъ такъ далеко, что ихъ не только простымъ глазомъ, но и въ зрительную трубу нельзя видѣть. Разница лишь въ томъ, что ученіе нынѣшней науки можетъ быть провѣрено, и желающій можетъ самолично убѣдиться въ его истинности. Ученіе же Плотина можно было принять лишь на вѣру. И желающему укрѣпиться въ этомъ ученіи предлагалось лишь изнурить тѣло и тѣмъ приблизить душу къ познанію Бога.

Но жизнь Константина сложилась вовсе не такъ, чтобы думать о такихъ подвигахъ. Съ 18 лѣтъ ему пришлось быть заложникомъ при императорскомъ дворцѣ, и здѣсь даже неосторожное слово могло грозить ему смертью. 32 лѣтъ отъ роду онъ началъ междоусобную войну противъ императора Максиміана; потомъ надо было воевать съ сыномъ Максиміана Максенціемъ. Только послѣ шести лѣтъ войны Константину удалось добиться того, что онъ сталъ императоромъ западной или римской половины государства, но въ это время зять его Лициній завладѣлъ восточной или греческой половиной. Пришлось вскорѣ начать войну противъ зятя. Въ концѣ концовъ Лициній сдался. Въ это время Константину было около 50 лѣтъ. Такимъ образомъ, почти двадцать лѣтъ онъ провелъ или въ войнѣ, чтобы добиться вполнѣ императорскаго трона, или въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Послѣ этого Константину пришлось вести войны съ разными народами, нападавшими на его имперію. Во время одного изъ такихъ походовъ онъ и умеръ (въ 337 году).

Семейную жизнь Константина трудно назвать спокойной. Его сынъ отъ первой жены Криспъ имѣлъ воинскіе таланты. И своими побѣдами на морѣ помогъ отцу одержать вверхъ надъ Лициніемъ. Отъ второй жены Фаусты Константинъ также имѣлъ сыновей. Фауста добивалась, чтобы престолъ перешелъ къ ея дѣтямъ, а не къ пасынку. Она убѣдила мужа, что Криспъ хочетъ взбунтовать войско противъ отца и захватить въ свои руки власть. Константинъ повѣрилъ и, по настоянію ма-

чехи Криспъ былъ убитъ,—въ 326 году. Пришлось опасаться также измѣны со стороны побѣжденнаго зятя Лицинія. Константинъ обѣщалъ Лицинію не лишать его жизни. Около двухъ лѣтъ онъ выполнялъ это обѣщаніе. Но затѣмъ, по приказанію императора, Лициній былъ обвиненъ въ попыткѣ устроить бунтъ и казненъ (въ октябрѣ 325 года).

Императору, который считалъ опасными для себя даже ближайшихъ своихъ родственниковъ, трудно было обдумывать и провѣрять ученіе Плотина. Подобно многимъ образованнымъ людямъ своего времени, онъ просто узналъ о трехъ ипостасяхъ отъ своихъ учителей. И, подобно многимъ, считалъ это ученіе высшею мудростью и высшей истиной.

Однако, онъ не могъ быть равнодушнымъ къ спорамъ о томъ, какая вѣра истинная. Въ ту пору было много разныхъ вѣръ. Но наиболѣе распространенными были двѣ: вѣра въ старыхъ боговъ, или язычество, и христіанство. Въ самой арміи, состоявшей главнымъ образомъ изъ язычниковъ, было много христіанъ. Даже во времена гоненій, христіанъ было много и при императорскомъ дворцѣ. До Константина нѣкоторые римскіе императоры,—напримѣръ, Александръ Северъ и Филиппъ Арабъ, пытались привлечь на свою сторону христіанъ. Но противъ обоихъ названныхъ императоровъ возмутилось войско, и они погибли. Чаще всего предшественники Константина преслѣдовали христіанъ за отказъ поклоняться и приносить жертвы статуямъ императоровъ. Соперники Константина: Максиміанъ, Максенцій и Лициній, также притѣсняли христіанъ. Константинъ велъ себя иначе: онъ не отталкивалъ язычниковъ и въ то же время оказывалъ покровительство христіанамъ. Онъ принялъ званіе языческаго жреца и совершалъ языческія богослуженія, а одновременно съ этимъ въ 312 году издалъ манифестъ, которымъ разрѣшалъ всѣмъ своимъ подданнымъ принимать христіанство; въ 313 году онъ издалъ новый манифестъ, которымъ предписывалось возвратить христіанамъ недвижимыя имущества, отнятыя во время гоненій. Въ 325 году Константинъ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ перваго вселенскаго собора. По свидѣтельству церковнаго историка Евсевія, именно

Константинъ предложилъ, между прочимъ, собору признать Бога-Сына „единосущнымъ“ Богу-Отцу. Слово „единосущный“ было принято соборомъ, внесено въ символъ вѣры и до сихъ поръ признается православною церковью правильнымъ. По окончанiи собора, онъ издалъ окружную грамату всѣмъ христiанамъ, убѣждая ихъ вѣровать, какъ установлено соборомъ. А затѣмъ разрѣшилъ язычникамъ построить храмъ въ честь «бога Константина съ сыновьями».

Въ своемъ войскѣ Константинъ, вмѣсто старыхъ языческихъ знаменъ, ввелъ новое знамя. Знамя это имѣло такой видъ. На древкѣ была укрѣплена доска съ надписью: «симъ побѣждай». А вверху древка кругъ съ шестью лучами, расположенными на подобiе спицъ колеса. Христiане видѣли въ этомъ знамени знакъ креста. И сложилось сказанiе, что императоръ передъ рѣшительнымъ сраженiемъ съ Максенцiемъ увидѣлъ на небѣ крестъ, именно такой, какъ онъ изображенъ на знамени, и съ такою же надписью: «симъ побѣждай». Язычники же видѣли въ этомъ кругѣ съ шестью лучами изображенiе бога солнца.

Послѣ побѣды надъ Лицинiемъ Константинъ покинулъ языческiй Римъ и основалъ себѣ новую столицу Константинополь на мѣстѣ древняго города, называвшагося Византiей. Въ ту пору это значило, что главный языческiй жрецъ покинулъ главные языческiе храмы. Но Константинъ не оставилъ язычниковъ окончательно подъ этимъ непрiятнымъ для нихъ впечатлѣнiемъ, и установилъ повсемѣстный праздникъ въ честь бога солнца.

Такое умѣнье не отталкивать однихъ и привлекать къ себѣ другихъ много помогло Константину въ его борьбѣ съ противниками. Особенно дѣятельно помогали ему христiане. Съ ихъ помощью онъ побѣдилъ Максенцiя. И съ помощью христiанъ онъ одержалъ побѣду надъ Лицинiемъ. Между прочимъ, во время войны противъ Лицинiя христiане усердно молились въ своихъ храмахъ о дарованiи побѣды Константину.

Была и еще одна черта, привлекавшая Константина на сторону христiанства. Каждому государю особенно дороги подданные, которые вѣрны разъ данному объ-

щанію. У христіанъ нарушить слово, подтвержденное упоминаніемъ Христова имени, считалось безчестьемъ, преступленьемъ, за которое Господь покараетъ и въ сей жизни и въ будущей. Для нихъ Христосъ былъ, дѣйствительно, святыня. И они, дѣйствительно, вѣрили въ загробную жизнь, гдѣ праведниковъ ждетъ царство небесное, а грѣшниковъ — геена огненная. Язычники относились къ своимъ богамъ не столь благоговѣйно. О загробной жизни, греческіе, напр., язычники полагали, что тамъ всѣ одинаково и—грѣшники и праведники—попадутъ въ адъ, т. е. въ темное мрачное подземелье, такъ что «лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ». О христіанахъ можно было съ увѣренностью сказать, что они повинуются Христу и боятся, что онъ накажетъ ихъ послѣ смерти. Это свойство христіанъ императоръ не могъ не цѣнить. Но у язычниковъ были другія свойства, очень нужныя государю, чтобъ держать подданныхъ въ повиновеніи. Язычники вѣрили такъ, какъ говорили имъ жрецы, а жрецы были какъ бы чиновниками и повиновались верховному жрецу; званіе же верховнаго жреца принадлежало императору. Такимъ образомъ, языческое духовенство въ дѣлахъ вѣры подчинялось государю, и относительно язычниковъ можно было надѣяться, что они станутъ вѣрить такъ, какъ прикажетъ императоръ. Вѣра христіанъ тоже въ сильной степени зависила отъ того, что говорили священники и епископы. Но христіанское духовенство избиралось самими христіанами; оно не подчинялось въ дѣлахъ вѣры императору. И надъ вѣрою христіанъ императоръ не имѣлъ власти.

Константину пришлось убѣдиться въ этомъ вскорѣ послѣ побѣды надъ Лициніемъ. Между александрійскимъ епископомъ Александромъ и священникомъ Аріемъ возникъ споръ объ ипостасяхъ. Епископъ Александръ училъ, согласно Плотину, что Богъ-Сынъ равенъ Богу-Отцу и такъ же вѣченъ, какъ и Богъ-Отецъ. По мнѣнію же Арія, вѣченъ только Богъ-Отецъ; Онъ сотворилъ Сына, а потому Богъ-Сынъ, какъ твореніе Божіе, не можетъ быть равенъ Отцу. Споръ сводился къ тому, какъ почитать Христа. Арій приближался къ тому мнѣнію, что Христосъ—человѣкъ, и что Божію Матерь по-

этому надо называть Христородицею, а не Богородицею. Между противниками Арія существовали разныя мнѣнія; одни находили, что Христосъ есть Богъ-Отецъ. Другіе, въ томъ числѣ епископъ Александръ, что Богъ-Сынъ. Но во всякомъ случаѣ Богъ, а не человѣкъ, и Божія Матерь не Христородица, а Богородица. Мнѣнія эти существовали среди христіанъ издавна. Еще во времена первыхъ апостоловъ, были христіане, утверждавшіе, что Христосъ-человѣкъ. Но такъ какъ христіанство было вѣрой гонимой, то разногласія не доходили до вражды. При Константинѣ гоненія прекратились. И старый споръ, начатый сызнова Аріемъ и Александромъ, чрезвычайно обострился. Въ немъ приняло участіе большая часть тогдашняго духовенства. Единомышленники Арія старались перетянуть мірянъ на свою сторону, единомышленники Александра—на свою. Императоръ велѣлъ духовенству прекратить эту распрю и «хранить свои особыя мнѣнія въ тайникѣ души». Для духовенства языческаго это слово верховнаго жреца и земного бога было бы закономъ. Духовенство же христіанское не могло подчиниться, если бы даже хотѣло, ибо ему приходилось отвѣчать на вопросы мірянъ, и отъ того или иного отвѣта мірянамъ зависѣло, кого они выберутъ своимъ священникомъ или епископомъ. Повелѣніе Константина осталось неисполненнымъ. Тогда онъ пригласилъ разныхъ духовныхъ лицъ для совмѣстнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Съѣзжаться Константинъ велѣлъ въ городъ Никею. Въ іюнѣ 325 года сюда собралось 318 епископовъ. Они и составили такъ называемый первый вселенскій соборъ. Собору было предложено выработать краткій перечень того, чему обязанъ вѣрить христіанинъ. На засѣданіяхъ собора предсѣдательствовалъ самъ Константинъ. И подъ его руководствомъ этотъ краткій перечень или символъ вѣры былъ выработанъ. По свидѣтельству Евсевія, епископа кесарійскаго, Константину даже принадлежала главная роль при составленіи символа вѣры.

Соборъ постановилъ:

1) Каждый христіанинъ обязанъ вѣрить въ первую ипостась, т. е. въ Бога-Отца. Именно—христіанинъ обязанъ вѣрить, что Богъ-Отецъ есть Творецъ и Все-

держитель (верховный правитель) всего міра какъ видимаго, такъ и невидимаго. Подъ міромъ невидимымъ разумѣются ангелы свѣтлые и ангелы падшіе, или бѣсы.

2) Каждый христіанинъ обязанъ вѣрить, что Іисусъ Христосъ есть вторая ипостась, или Богъ-Сынъ. Именно — христіанинъ обязанъ вѣрить, что Богъ-Сынъ рожденъ, а не сотворенъ Богомъ Отцомъ, такой же истинный Богъ, какъ и Отецъ, существуетъ вѣчно и безъ Него ничто не можетъ быть.

3) Христіанинъ обязанъ вѣрить, что Богъ - Сынъ ради насъ и ради нашего спасенія сошелъ, принялъ плоть (воплотился) и сталъ, какъ человѣкъ (вочеловѣчился), страдалъ, воскресъ, вознесся на небо и снова сойдетъ, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ.

Это постановленіе собора императоръ утвердилъ. Въ императорскомъ манифестѣ оно было названо «мыслью Божіей, объявленною Духомъ Святымъ черезъ согласіе столь многихъ и столь великихъ епископовъ». Такимъ образомъ, постановленіе собора стало гражданскимъ закономъ; и каждый, несогласный съ этимъ постановленіемъ, отнынѣ становился еретикомъ, — ослушникомъ императорскихъ указовъ и законовъ. Въ числѣ главнѣйшихъ еретиковъ и ослушниковъ указа о вѣрѣ, Арій былъ сосланъ.

По примѣру перваго собора собирались и дальнѣйшіе соборы. То есть каждый соборъ созывался не иначе, какъ по волѣ императора. При чемъ на соборѣ участвовали только тѣ лица, которые приглашены или допущены императоромъ. Предсѣдательство Константина на первомъ соборѣ вызвало нареканія. Помимо того, что Константинъ, предсѣдательствуя на соборѣ, не былъ христіаниномъ, раздавались жалобы, что на собраніи, гдѣ предсѣдательствуетъ императоръ, не всякій рѣшается высказать свое мнѣніе откровенно. На послѣдующихъ соборахъ императоры рѣдко присутствовали лично. Но всякое рѣшеніе собора предварительно сообщалось государю. И только то рѣшеніе, которое утверждено государемъ, считалось правильнымъ И только утвержденныя государемъ постановленія собора опубликовывались во всеобщее свѣдѣніе, какъ „мысль Божія,

объявленная Духомъ Святымъ", и какъ обязательный для всѣхъ законъ.

Послѣ 325 года Константинъ получилъ возможность именемъ Божіимъ требовать отъ христіанъ послушанія въ дѣлахъ вѣры. Между прочимъ, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ примирился съ Аріемъ, вернулъ его изъ ссылки и приказалъ, не считать еретикомъ. Противъ александрійскаго епископа Аѳанасія, который отказался подчиниться этому приказу, начаты были преслѣдованія [1]). Дѣлами же языческими Константинъ управлялъ въ качествѣ верховнаго жреца. Званіе верховнаго языческаго жреца носили и ближайшіе преемники Константина. Оно было уничтожено лишь сорокъ лѣтъ спустя послѣ его смерти,—при императорѣ Граціанѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Установленіе вселенской вѣры.

Послѣ смерти Константина три сына его: Константинъ, Константъ и Констанцій, начали междоусобную войну изъ-за престола. Побѣдилъ и сдѣлался императоромъ Констанцій. Слѣдуя отцу своему, который подъ конецъ жизни покровительствовалъ Арію, Констанцій былъ приверженецъ аріанства. Приверженцемъ аріанства былъ и одинъ изъ преемниковъ Констанція, — императоръ Валентъ. При Валентѣ всѣ болѣе или менѣе знатные и высокопоставленные люди уже перешли въ христіанство. И среди христіанскаго духовенства язычество стало насмѣшливо называться „мужицкой вѣрою", по-латыни: „религіо паганорумъ". Съ тѣхъ поръ латинское слово: „паганусъ", т. е. мужицкій, сельскій, стало прилагаться къ язычникамъ. Изъ Константинополя слово это перешло и къ намъ въ Россію и до сихъ поръ употребляется, какъ ругательное: поганый, поганецъ и т. д.

---

[1]) Аѳанасій александрійскій провелъ въ ссылкѣ около 20 лѣтъ.

Когда среди знатныхъ людей язычество стало называться мужицкой вѣрой, императовъ Граціанъ отказался отъ званія верховнаго языческаго жреца.

Между тѣмъ, среди христіанъ шли споры. Императоры, старавшіеся успокоить аріанцевъ, вооружали противъ себя остальное духовенство. Покровительствуя неаріанцамъ, императоры вызывали неповиновеніе среди аріанцевъ. Помимо этого стараго спора, возникло много новыхъ. Особенно обострился споръ изъ-за третьей ипостаси (Богъ-Духъ). Константинопольскій епископъ Македоній высказалъ мнѣніе, что третья ипостась не можетъ почитаться такимъ же Богомъ, какъ Отецъ и Сынъ. Святой Духъ, по мнѣнію Македонія, есть лишь твореніе Бога-Отца и Бога-Сына. Противъ Македонія возстали приверженцы первоначальнаго ученія о трехъ ипостасяхъ. Императоръ Граціанъ, не зная, какъ разобраться въ этихъ спорахъ, объявилъ, что всѣ секты въ равной мѣрѣ обладаютъ свободой вѣроисповѣданія. На основаніи этого указа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Антіохіи, появилось сразу по два епископа. Часть міряпъ выбирала одного, а другая часть другого. Каждый изъ этихъ епископовъ считалъ себя настоящимъ, а своего соперника еретикомъ. Чтобы избавиться отъ соперника пускались въ ходъ доносы, недобросовѣстныя обвиненія, подкупъ лжесвидѣтелей. Вотъ для примѣра одно изъ такихъ дѣлъ.

Епископъ александрійскій Аѳанасій былъ обвиненъ своими противниками, во-первыхъ, въ томъ, что зарѣзалъ нѣкоего Арсенія, во-вторыхъ въ томъ, что отрубилъ у этого зарѣзаннаго Арсенія руку, а въ третьихъ въ томъ, что при помощи этой руки занимается колдовствомъ. Дѣло дошло до суда. На судѣ свидѣтели подтверждали, что Арсеній, дѣйствительно, зарѣзанъ, что епископъ, дѣйствительно, занимается колдовствомъ; представлена была даже рука, найденная будто бы при обыскѣ у Аѳанасія. Затѣмъ, со стороны Аѳанасія выступилъ свидѣтель и заявилъ суду, что онъ—Арсеній,—именно тотъ Арсеній, въ убійствѣ котораго обвиняется епископъ. Тогда прежніе свидѣтели стали кричать, что это самозванецъ, подкупленный Аѳанасіемъ. А сторонники Аѳанасія кричали, что всѣ прежніе свидѣтели

подкуплены. Произошла свалка, во время которой епископъ едва не былъ задушенъ.

Разобраться въ такихъ распряхъ, кто правъ и кто виноватъ, не было возможности. Добиться общаго подчиненія тоже было нельзя, тѣмъ болѣе, что законъ Константина, обязавшій всѣхъ признавать никейскій символъ вѣры, былъ отмѣненъ Граціаномъ. При такихъ условіяхъ преемникъ Граціана, императоръ Θеодосій I, созвалъ второй вселенскій соборъ. Собору предлагалось „утвердить во всей имперіи никейское ученіе", т. е. императоръ желалъ добиться, чтобы установленный первымъ соборомъ символъ вѣры снова сталъ обязательнымъ для христіанъ. Въ виду этого приглашать на соборъ пришлось съ большимъ разборомъ. Изъ западныхъ (римскихъ) епископовъ никто не былъ приглашенъ. Александрійскихъ также не пригласили.

Въ 381 году въ Константинополѣ собралось всего 150 епископовъ. Изъ этого числа 36 македонскихъ епископовъ заявили, что они не считаютъ возможнымъ рѣшать дѣла при такомъ малолюдствѣ, и удалились. Предсѣдательствовать на соборѣ было поручено антіохійскому епископу Мелетію. Но онъ вскорѣ умеръ. Затѣмъ сталъ предсѣдательствовать Григорій Богословъ. Но послѣ нѣсколькихъ засѣданій онъ послѣдовалъ примѣру македоніанскихъ епископовъ, т. е. вовсе удалился съ собора. Тогда, по желанію Θеодосія, на должность константинопольскаго епископа былъ избранъ Нектарій, бывшій начальникъ константинопольской полиціи. Нектарію поручили предсѣдательство. И онъ довелъ работы собора до конца. Императоромъ Θеодосіемъ были утверждены, между прочимъ слѣдующія постановленія собора:

1) Христіане обязаны вѣровать всему, что опредѣлено на первомъ вселенскомъ соборѣ.

2) Христіане обязаны вѣровать, что Христосъ для воплощенія на землѣ сошелъ съ небесъ.

3) Христіане обязаны вѣровать, что Онъ за насъ распятъ и погребенъ, т. е., что Христосъ не только страдалъ, но и дѣйствительно умеръ, и тѣло Его было предано погребенію. Слова же „распятъ за насъ" имѣютъ такой смыслъ. Адамъ ослушался приказанія Божія,—

съѣлъ плодъ съ древа познанія добра и зла. За этотъ первородный адамовъ грѣхъ должны нести отвѣтственность всѣ потомки Адама. И первородный грѣхъ такъ великъ, что человѣкъ своими заслугами не могъ получить прощенія и наслѣдовать Царство Небесное. Вотъ затѣмъ-то и явился Христосъ на землю, чтобы искупить первородный грѣхъ. Онъ своею жизнью и своими страданіями далъ такую сокровищницу благодати, какой не могли и не могутъ дать всѣ люди отъ начала и до конца вѣковъ. И если бы на одну чашку вѣсовъ положить всѣ грѣхи всѣхъ людей, а на другую святость страданій Христовыхъ, то вторая чашка оказалась бы во множество разъ тяжелѣе. И потому, если человѣкъ увѣруетъ во Христа и чистосердечно раскается, то его грѣхи могутъ быть покрыты святостью страданій Христовыхъ, а, слѣдовательно, и прощены. А такъ какъ святость страданій неизмѣрима, то сколько бы ни покрывать ею людскихъ грѣховъ, она не уменьшится. Эта святость неисчерпаема, какъ море. Власть отпускать грѣхи послѣ чистосердечнаго раскаянія предоставлена священникамъ (на исповѣди). Впослѣдствіи римскіе епископы создали ученіе о благодати святыхъ. Ученіе это вкратцѣ таково. Святые люди совершили гораздо больше добрыхъ дѣлъ, чѣмъ требуется для того, чтобы попасть въ рай. Эти, такъ сказать, сверхурочныя добрыя дѣла составляютъ преизбыточествующую или лишнюю благодать. Право распоряжаться этой благодатью Богъ предоставилъ римскому папѣ. Въ концѣ концовъ грѣхи и благодать были расцѣнены на деньги. Положимъ, какой-либо человѣкъ совершилъ грабежъ. Этотъ грѣхъ расцѣнивался, напримѣръ, въ 25 рублей. Грабитель покупалъ у папскихъ торговцевъ патентъ, въ которомъ значилось, что такому-то отпущено благодати на 25 руб. Послѣ этого грѣхъ считался покрытымъ и прощеннымъ. Ученіе о сверхъурочной благодати святыхъ людей православною церковью отвергнуто.

4) Христіанинъ обязанъ вѣрить, что Христосъ „воскресъ въ третій день *по писаніямъ*“, т. е. какъ предсказано въ еврейской Библіи. Это значило также, что христіанинъ обязанъ признавать, что Библія написана Духомъ Свя-

тымъ черезъ пророковъ. Но до Рождества Христова еврейскими пророками было написано много книгъ. Возникъ поэтому вопросъ, всѣ ли онѣ написаны Духомъ Святымъ. Послѣ многихъ споровъ было рѣшено признавать, что Духомъ Святымъ написаны только 22 книги, какъ предлагалось въ сочиненіяхъ александрійскихъ епископовъ Аѳанасія и Кирилла. Эти 22 книги названы книгами Ветхаго Завѣта. Рядомъ съ этимъ возникъ вопросъ, какъ признавать книги, написанныя послѣ Рождества Христова. Въ ту пору существовало множество евангелій. Были, напр., евангелія Евы, Ѳомы, Никодима, 12 апостоловъ, Петра, Маркіана и многія другія. Точно также было множество посланій, о которыхъ говорили, что они написаны апостолами. Было много разныхъ разсказовъ о дѣяніяхъ апостоловъ. И много было разныхъ книгъ пророческихъ, т. е. такихъ, въ которыхъ предрекалось будущее. Наконецъ, однѣ и тѣ же книги ходили въ разныхъ спискахъ. И возникали споры о томъ, какой списокъ считать правильнымъ. Въ концѣ концовъ было избрано четыре списка евангелій: Матѳея, Марка (ученикъ ап. Петра), Луки (ученикъ ап. Павла) и ап. Іоанна. Эти четыре Евангелія было повелѣно считать написанными Духомъ Святымъ. Такими же были признаны: одинъ списокъ дѣяній апостольскихъ и 21 апостольскихъ посланій (Іакова, Іуды, Петра, Іоанна и Павла). Изъ книгъ пророческихъ было велѣно признавать боговдохновеннымъ только одинъ Апокалипсисъ, написанный, по преданію, апостоломъ Іоанномъ. Всего такимъ образомъ было признано боговдохновенными 27 книгъ, которыя стали называться книгами Новаго Завѣта. Эти 22 книги Ветхаго Завѣта и 27 Новаго и составляютъ нынѣшнюю христіанскую Библію. Христіане должны относиться къ Библіи, какъ къ несомнѣнному слову Самого Господа. Надо, однако, замѣтить, что споры о нѣкоторыхъ книгахъ, вошедшихъ въ Библію, продолжаются до сихъ поръ. Такъ, напр., нѣкоторые ученые утверждаютъ, что списокъ Евангелія Іоанна выбранъ неудачно, такъ какъ не все въ этомъ спискѣ принадлежитъ Іоанну; есть вставки, сдѣланныя переписчиками. Не прекратились споры и о томъ, дѣйствительно ли вошедшее въ Библію посланіе апостола Павла къ евреямъ принадлежитъ

апостолу Павлу? Не прекратились споры и объ Апокалипсисѣ; существуетъ мнѣніе, что онъ написанъ не апостоломъ Іоанномъ; и т. д.

5) Христіанинъ обязанъ вѣрить, что Христосъ по вознесеніи на небо сидитъ по правую сторону отъ Бога Отца, что Онъ вторично сойдетъ на землю „со славою", и что послѣ вторичнаго пришествія „Его царствію не будетъ конца".

6) Христіанинъ обязанъ вѣрить, что третья Ипостась, Святой Духъ, есть Господь, что Онъ творитъ жизнь (Животворящій), исходитъ только отъ Бога-Отца (а не отъ Отца и Сына, какъ принято впослѣдствіи римскимъ духовенствомъ), равенъ Отцу и Сыну и черезъ пророковъ открываетъ людямъ волю Божію.

7) Христіанинъ обязанъ вѣрить въ одну церковь „соборную и апостольскую", и, соотвѣтственно этому, признавать только то ученіе, которое утверждено вселенскими соборами, и только тѣхъ духовныхъ лицъ, которые получили преемственное апостольское рукоположеніе. Преемственное апостольское рукоположеніе значитъ вотъ что. Новообращенные апостолами христіане имѣли священниковъ и епископовъ, рукоположенныхъ также апостолами. Напр., Павлу, названному за свои труды по распространенію христіанства апостоломъ, возложилъ руки на голову одинъ изъ семидесяти учениковъ Христовыхъ Ананія. Павелъ въ свою очередь рукоположилъ, напримѣръ, Филимона. Филимонъ Назарія, Назарій Стефана, Стефанъ Іосифа, и такъ далѣе, до нынѣшнихъ временъ, такъ что каждый нынѣшній священникъ считается поучившимъ апостольское рукоположеніе. И правило второго вселенскаго собора означаетъ, что христіане не должны признавать тѣхъ духовныхъ лицъ, которые не рукопоположены въ установленномъ порядкѣ.

8) Христіанинъ обязанъ признавать, что только черезъ таинство крещенія можно получить прощеніе первороднаго грѣха и что принять крещеніе человѣкъ можетъ только однажды.

9) Христіанинъ обязанъ постоянно ожидать воскресенія мертвыхъ (при второмъ Христовомъ пришествіи) и жизни будущаго вѣка (послѣ страшнаго суда).

Всѣ эти обязанности изложены въ краткомъ символѣ вѣры, который имѣетъ силу закона до сихъ поръ. По имени соборовъ, составившихъ этотъ символъ, онъ называется „никеоконстантинопольскимъ“, или „никеоцареградскимъ“. Такимъ образомъ, на первыхъ двухъ соборахъ было изложено, признано истиннымъ, и узаконено господствующее ученіе тогдашняго времени о трехъ ипостасяхъ. Св. Аѳанасій александрійскій излагалъ это ученіе такъ: „Одинъ Богъ въ Троицѣ и Троица—одно. Ипостасіи не сливаются и не существуютъ раздѣльно. Одно—Отецъ, другое Сынъ, третье Духъ, но Отецъ, Сынъ и Духъ одинъ Богъ. Несозданъ Отецъ, несозданъ Сынъ, несозданъ Духъ; непостижимъ Отецъ, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ; вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ; но не три не созданы, не три непостижимы, не три вѣчны, а Одинъ Богъ несозданъ, непостижимъ и вѣченъ“. Имѣли большое значеніе и слова символа вѣры, что Христосъ сошелъ *съ небесъ* вознесся *на небо*, сидитъ „одесную Отца“. Этими словами признавалась и узаконялась тогдашняя наука объ устройствѣ вселенной (или космогонія). Признавалось и узаконялось, что вокругъ земли есть небесный сводъ, по которому и движутся солнце, луна и звѣзды.

Такъ какъ первый и второй соборы были признаны вселенскими, то и ученіе, изложенное ими, стало называться вселенскимъ, или по-гречески католическимъ (каѳолическимъ тожъ). А пріемлющіе это ученіе каѳоликами или католиками. Противъ же несогласныхъ съ постановленіемъ соборовъ, какъ противъ еретиковъ, начались гоненія. Еретиковъ, однако, оказалось очень много. Почти всѣ римскіе и александрійскіе епископы отказались признать постановленія второго собора. Императоръ Ѳеодосій I принялъ строгія мѣры. Но изъ-за этихъ строгостей кое-гдѣ вспыхнули безпорядки. Тогда императоръ рѣшилъ созвать новый соборъ опять въ Константинополѣ. Соборъ этотъ происходилъ въ 383 г. На этотъ разъ были приглашены и католики и еретики. Вначалѣ засѣданія имѣли мирный характеръ. Католики предложили еретикамъ вопросъ:

— Признаете ли вы истинными мнѣнія святыхъ отцовъ, жившихъ до вселенскихъ соборовъ?

Еретики отвѣтили:

— Признаемъ.

Католики снова спросили:

— Обѣщаетесь ли вы присоединиться къ вселенской церкви, если мы докажемъ вамъ, что эти святые отцы учили именно такъ, какъ постановлено вселенскими соборами?

Еретики отвѣтили:

— Святые отцы учили, какъ говоримъ мы, а не такъ, какъ постановили соборы.

Было рѣшено сообща разсмотрѣть спорныя мѣста. Но едва дѣло до этого дошло, католики устроили особое совѣщаніе и постановили:

— Спорныхъ мѣстъ въ ученіи святыхъ отцовъ не разсматривать, а еретиковъ предать анаѳемѣ.

Это постановленіе Ѳеодосій утвердилъ. И, сверхъ того, издалъ два новыхъ закона: въ силу перваго закона, еретикамъ запрещалось совершать богослуженія не только въ зданіяхъ, но и за городомъ на открытомъ воздухѣ; второй законъ запрещалъ еретикамъ выбирать себѣ епископовъ. Началось преслѣдованіе еретиковъ, такое же упорное, какъ и преслѣдованіе христіанъ до Константина. Отъ обвиненій въ ереси не спасались даже завѣдомые католики. Въ числѣ многихъ пострадавшихъ въ это время оказался даже знаменитый константинопольскій архіепископъ Іоаннъ Златоустъ, позже причисленный къ лику святыхъ.

Іоаннъ Златоустъ сталъ архіепископомъ въ Константинополѣ послѣ Нектарія, предсѣдательствовавшаго на второмъ соборѣ. Въ это время Ѳеодосій уже умеръ. И царствовалъ сынъ его Аркадій. Жена Аркадія, по имени Евдоксія, вела развратную жизнь. Іоаннъ Златоустъ упомянулъ объ этомъ въ своихъ проповѣдяхъ. По желанію раздраженной Евдоксіи, составился соборъ, на которомъ предсѣдательство было поручено александрійскому епископу Ѳеофилу. Соборъ призналъ Іоанна еретикомъ. Черезъ 2 мѣсяца Іоаннъ былъ приговоренъ съ ссылкѣ. Его сослали сначала въ армянскій городокъ Кукузу; черезъ три года его велѣно было гнать подъ конвоемъ въ другой городъ. Полицейскіе гнали знамени-

таго святителя по горамъ до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ отъ изнеможенія [1]).

Преемникъ Златоуста, константинопольскій архіепископъ Несторій возбудилъ среди католиковъ новыя разногласія. Въ символѣ вѣры говорится, что Христосъ рожденъ отъ Дѣвы Маріи, страдалъ и умеръ. Объясняя эти слова, Несторій высказалъ, что хотя во Христѣ, когда Онъ жилъ на землѣ, и пребывала вторая Ипостась, но рожденъ Онъ, какъ человѣкъ, страдалъ и умеръ тоже, какъ человѣкъ. Поэтому Христа правильнѣе называть Богоносцемъ, а не Богочеловѣкомъ, а Дѣву Марію Христородицею, а не Богородицею. Папа римскій Целестинъ, архіепископъ александрійскій Кириллъ и вліятельный константинопольскій архимандритъ Евтихій заявили, что это ересь. Архіепископъ антіохійскій Іоаннъ, наоборотъ, заявилъ, что Несторій правъ. Посыпались доносы, обличенія, обвиненія. Духовныя лица проклинали другъ друга. Императоръ Ѳеодосій II (сынъ Аркадія и внукъ Ѳеодосія I) велѣлъ созвать соборъ въ городѣ Эфесѣ. Этотъ городъ былъ избранъ потому, что здѣсь, по преданію, жила Божія Матерь въ послѣдніе годы своей жизни.

Лѣтомъ 431 года начался съѣздъ епископовъ въ Эфесъ. Не дожидаясь, пока пріѣдетъ Іоаннъ антіохійскій и другіе сторонники Несторія, Кириллъ александрійскій 22 іюня поспѣшно открылъ засѣданія собора. И въ тотъ же день Несторій былъ признанъ еретикомъ и осужденъ. Но вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ Іоаннъ антіохійскій. Подъ его предсѣдательствомъ составилось особое засѣданіе, на которомъ ученіе Несторія было признано правильнымъ, а Кириллъ александрійскій преданъ анаѳемѣ. Несторій имѣлъ сильныхъ покровителей при царскомъ дворѣ. И сначала императоръ склонился было на его сторону. Кириллъ александрійскій былъ заключенъ подъ стражу. Но сторонники Кирилла въ свою очередь составили засѣданіе собора и предали Несторія и Іоанна

[1]) Іоанномъ Златоустомъ, между прочимъ, составлена литургія, которая служится въ церквахъ до сихъ поръ. Кромѣ златоустовой литургіи, до сихъ поръ служится литургія Василія Великаго (10 разъ въ году) и литургія Григорія Богослова (15 разъ въ году— Великимъ постомъ).

антіохійскаго проклятію. Кромѣ того, имъ удалось отчасти привлечь на свою сторону сестру императора Пульхерію, которая собственно и управляла государствомъ, ибо Ѳеодосій II былъ весьма малоспособенъ. Такимъ образомъ въ Эфесѣ образовалось одновременно два вселенскихъ собора, проклинавшихъ другъ друга. Всего хуже было то, что на окраинахъ имперіи (и между прочимъ въ Антіохіи и Александріи) въ это время шли политическія броженія. Окраины стремились отдѣлиться отъ императора и могли воспользоваться религіозными спорами, какъ предлогомъ. Не зная, что дѣлать, Ѳеодосій призвалъ къ себѣ представителей отъ обоихъ эфесскихъ соборовъ, въ надеждѣ примирить ихъ. Но примиреніе не удалось. Этимъ поспользовались приверженные архимандриту Евтихію монахи. Былъ составленъ заговоръ. Заговорщики шумною толпою ворвались во дворецъ съ криками:

— Царь, защити Богородицу отъ еретика Несторія.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Ѳеодосій велѣлъ Кирилла александрійскаго освободить, а Несторія сослать. Противъ этого часть эфесскаго собора подъ предсѣдательствомъ Іоанна антіохійскаго заявила протестъ, а о Кириллѣ александрійскомъ повторила проклятія. Тогда Ѳеодосій приказалъ: „прекратить всякіе споры, дабы водворился на землѣ миръ Господень“. Но, разумѣется, споры не прекратились. Архимандритъ Евтихій, пользуясь покровительствомъ всесильнаго въ то время министра Хриспа, продолжалъ обличать Несторія. И, между прочимъ высказалъ ту мысль, что хотя Іисусъ Христосъ и былъ рожденъ Дѣвой Маріей, какъ человѣкъ, и жилъ на землѣ въ образѣ человѣка, но это лишь по внѣшности. А по существу Іисусъ Христосъ и во время своей земной жизни не переставалъ быть Богомъ. Такъ какъ Евтихій признавалъ во Христѣ только одно естество—божеское, то и ученіе его было названо монофизитствомъ, т. е. ученіемъ объ одномъ естествѣ. Противъ этого возсталъ опять римскій папа и новый константинопольскій архіепископъ Флавіанъ, которому покровительствовала царская сестра Пульхерія. Для рѣшенія спора былъ созванъ въ 448 году въ Константинополѣ соборъ, спрозванный „домашнимъ“. На этомъ

домашнемъ соборѣ присутствовали 32 епископа, подчиненные Флавіану. Они осудили Евтихія. Соперничающій съ Пульхеріей министръ Хриспъ убѣдилъ Ѳеодосія созвать новый вселенскій соборъ,—опять въ Эфесѣ.

Этотъ соборъ происходилъ въ 449 году. Предсѣдательствовать на немъ было поручено архіепископу александрійскому Діоскору (преемнику Кирилла). Діоскоръ сталъ подражать Кириллу. Подъ разными предлогами сторонники Флавіана и римскаго папы были удалены. Затѣмъ ученіе Евтихія соборомъ было признано правильнымъ, а Флавіанъ преданъ осужденію. Тогда папа римскій собралъ свой соборъ, на которомъ Діоскоръ былъ приравненъ къ разбойникамъ, а самый соборъ въ Эфесѣ названъ разбойничьимъ соборомъ. Флавіанъ искалъ защиты у своей покровительницы Пульхеріи. Въ это время императоръ Ѳеодосій II умеръ и на престолъ вступилъ мужъ Пульхеріи, Маркіанъ.

По приказанію Маркіана, въ городѣ Никеѣ въ 451 году собранъ новый соборъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ соборовъ,—на немъ участвовало до 630 человѣкъ. Но въ это число, по желанію императора, входило много сенаторовъ, придворныхъ, министровъ и другихъ сановниковъ. Сановники и составляли большинство. Такъ какъ императоръ пожелалъ неотступно слѣдить за всѣми засѣданіями, то соборъ былъ перенесенъ изъ Никеи въ лежащій близъ Константинополя городъ Халкидонъ. На первомъ же засѣданіи было предложено заняться дѣломъ Діоскора, который такъ неосторожно старался угодить сопернику Пульхеріи Хриспу. Діоскоръ былъ осужденъ. Затѣмъ было приступлено къ обсужденію ученій Несторія и Евтихія. Соборъ разсудилъ такъ, что приверженцы того и другого ученія могли счесть себя удовлетворенными. Было постановлено, что Христосъ есть истинный Богъ и въ то же время истинный человѣкъ. Въ немъ одно лицо, но два естества— божеское и человѣческое. Оба эти естества во Христѣ не сливаются и не раздѣляются, не измѣняются и не разлучаются. Человѣческій разумъ не можетъ этого понять. Но христіане должны вѣрить, что это истина. Когда императору донесли о такомъ постановленіи, онъ лично пріѣхалъ на соборъ и произнесъ радостную рѣчь. Онъ

выражалъ надежду, что теперь послѣдователи Несторія примирятся съ послѣдователями Евтихія. Примирительно дѣйствовалъ и соборъ. Онъ подтвердилъ постановленіе той части Эфесскаго собора 431 г. гдѣ предсѣдательствовалъ Кириллъ александрійскій, и гдѣ Несторій былъ осужденъ. Было подтверждено также и постановленіе „домашняго собора" 448 года, гдѣ осужденъ былъ досадившій Пульхеріи Евтихій. Но важнѣйшія сочиненія въ защиту Несторія, написанныя знаменитыми въ то время учеными: Ѳеодоромъ мопсуетскимъ, Ѳеодоритомъ кирскимъ и Ивою едесскимъ, соборъ не сталъ разсматривать и осуждать, хотя сочиненія эти были очень распространены и пользовались большимъ вліяніемъ. Не было введено новое постановленіе и въ символъ вѣры; наоборотъ, было подтверждено постановленіе эфесскаго собора 431 г., которымъ строго воспрещалось дѣлать какія бы то ни было измѣненія и дополненія въ никеоцареградскомъ символѣ.

Послѣ этого соборъ приступилъ къ весьма волновавшему высшее духовенство вопросу о распредѣленіи епархій. На никейскомъ соборѣ 325 года, при Константинѣ Вел., имперія была раздѣлена на три главныхъ епархіи: Римскую, Александрійскую и Антіохійскую. Каждая епархія дѣлилась на митрополіи и епископства. Епископы Рима, Александріи и Антіохіи стали такимъ образомъ старшими епископами или архіепископами; они управляли каждый въ своей области всѣми митрополитами и епископами. Званіе архіепископа было также дано іерусалимскому епископу, но онъ не получилъ области. Епископъ константинопольскій былъ подчиненъ митрополиту города Иракліи, а этотъ митрополитъ въ свою очередь подчинялся архіепископу александрійскому. На второмъ вселенскомъ соборѣ епископъ Некторій добился того, что константинопольскому епископу было дано званіе архіепископа; въ его вѣдѣніе дали часть римской епархіи (именно область Ѳракію, гдѣ нынѣ Македонія и Болгарія). Сверхъ того, константинопольскому архіепископу предоставлено было право именоваться вторымъ послѣ римскаго. Разумѣется, архіепископы римскій и александрійскій были недовольны. Высказывалось даже подозрѣніе, что именно въ силу этого

недовольства они и отказались въ первое время признать постановленія второго собора. То же подозрѣніе высказывалось, когда римскій и александрійскій архіепископы вооружились противъ ученія константинопольскаго архіепископа Несторія. Споръ объ епархіяхъ отчасти отразился и на поведеніи Діоскора александрійскаго, который надѣялся при помощи Хриспа увеличить свою епархію. На Халкидонскомъ соборѣ имперія была раздѣлена заново. Почти не измѣнилась епархія римская. Въ Константинопольской епархіи была причислена почти вся Малая Азія. Іерусалимскій архіепископъ получилъ всю Палестину и Аравію. У александрійскаго же остался главнымъ образомъ Египетъ, такъ что Александрійская епархія лишилась многихъ митрополій. Впрочемъ, александрійскому архіепископу соборъ наравнѣ съ прочими архіепископами далъ новый титулъ: патріарха или папы. И повелѣлъ считать его третьимъ патріархомъ (первый римскій, второй константинопольскій, четвертый антіохійскій, пятый іерусалимскій).

Императоръ утвердилъ постановленія собора. И приказалъ послѣдователей Евтихіева ученія, или монофизитовъ, несогласныхъ къ примиренію, заточать или ссылать, сочиненія ихъ сжигать, а за распространеніе этой ереси казнить. Императорскій указъ исполнялся строго. Но строгости эти повели къ новымъ осложненіямъ. Особенно дѣла обострились въ наиболѣе обиженномъ Александрійскомъ патріархатѣ. Здѣсь началось стремленіе изгнать греческій языкъ изъ церковныхъ службъ. Неспокойно было и въ Антіохійскомъ патріархатѣ. Простой народъ на окраинахъ сильно не любилъ грековъ и византійскихъ порядковъ. И проповѣдники-монофизиты пользовались сочувствіемъ уже потому, что они говорили противъ грековъ. Когда на престолъ взошелъ императоръ Юстиніанъ, дѣло клонилось къ отпаденію окраинъ. Въ 536 г. были созваны епископы Константинопольскаго патріархата. Этотъ мѣстный константинопольскій соборъ торжественно проклялъ монофизитовъ. Но броженіе на окраинахъ усилилось. Тогда возникли переговоры о примиреніи съ еретиками. Въ 538 году нѣкто Вигилій далъ обязательство женѣ императора Ѳеодорѣ, что добьется отмѣны постановленій Халкидонскаго

собора, и для этой цѣли былъ возведенъ въ санъ римскаго патріарха. Однако, у патріарха Вигилія не хватило смѣлости выполнить свое обѣщаніе. Надежды на примиреніе не оправдались. И въ 541 году едесскій епископъ Іаковъ Барадей открыто объявилъ себя монофизитомъ, не признающимъ Халкидонскаго собора. Онъ увлекъ за собою часть персовъ, армянъ, сирійцевъ. Увлеченные имъ признали себя независимыми отъ императора въ дѣлахъ вѣры и выбрали своего патріарха. Около того же времени египетскія епархіи изгнали греческій языкъ изъ церковнаго богослуженія; здѣсь также былъ избранъ особый патріархъ *).

Опасаясь дальнѣйшихъ волненій, Юстиніанъ въ 547 году предложилъ помѣстному собору, на которомъ предсѣдательствовалъ Вигилій, осудить наиболѣе непріятное монофизитамъ сочиненіе: „Три главы", написанное Ѳеодоромъ мопсуетскимъ, Ѳеодоритомъ кирскимъ и Ивою едесскимъ. Вигилій поступилъ согласно желанію императора. Но это прислужничество вызвало сильный ропотъ среди римскаго духовенства. Напуганный этимъ ропотомъ, Вигилій отказался подписать императорскій указъ, которымъ подтверждалось, что сочиненіе „Три главы" осуждено и запрещено. По распоряженію императора, Вигилій былъ арестованъ въ алтарѣ, куда хотѣлъ спрятаться отъ полицейскихъ. Впрочемъ, Юстиніанъ вскорѣ простилъ его, разсчитывая, что онъ окажетъ помощь на вновь созываемомъ вселенномъ соборѣ.

Этотъ соборъ состоялся въ Константинополѣ въ 553 году. Собралось 164 епископа. Имъ предложилъ Юстиніанъ обсудить главнымъ образомъ два вопроса: первый о „Трехъ главахъ", второй о Кириллѣ александрійскомъ. Дѣло въ томъ, что императоръ, желая примириться съ Александрійскимъ патріархатомъ, согласился причислить Кирилла къ лику святыхъ. Но поведеніе Кирилла, вызвавшаго расколъ на Эфесскомъ соборѣ

*) Изъ Египта ученіе Евтихія распространилось въ Абиссиніи. Абиссинскіе христіане до сихъ поръ остаются монофизитами. До сихъ поръ существуетъ также монофизитская церковь въ Сиріи и Арменіи. По имени Іакова Барадея монофизиты называются также Іаковитами. Монофизитскій патріархъ нынѣ живетъ въ турецкомъ городѣ Кара-Амидѣ (Діарбекирѣ).

431 года, было осуждено нѣкоторыми церковными писателями. А частью собора, избравшею своимъ предсѣдателемъ Іоанна антіохійскаго, Кириллъ даже былъ преданъ анаѳемѣ. Духовныя лица, наложившія эту анаѳему, не были осуждены. При такихъ условіяхъ причисленіе Кирилла къ лику святыхъ могло вызвать соблазнъ. И собору было предложено осудить умершихъ уже противниковъ александрійскаго патріарха.

Дѣло это было сложное и спорное. Многіе противники Кирилла умерли православными, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., Ѳеодоритъ, епископъ кирскій, почитались среди христіанъ мужами богоугодной жизни. По ученію церкви, надъ ними уже состоялся праведный судъ Божій. Сама церковь молилась о томъ, чтобы они были водворены въ селеніяхъ праведныхъ. И отцы, собравшіеся на соборъ, не могли знать, услышаны эти молитвы, или не услышаны, — можетъ быть, тотъ же хотя бы Ѳеодоритъ, по опредѣленію Божію, мучается съ грѣшниками въ аду, а, можетъ быть, блаженствуетъ съ праведниками въ Царствіи Небесномъ. Какъ же осуждать тѣхъ, которые, быть можетъ, уже оправданы Богомъ?

Предвидя споры и возраженія, Юстиніянъ примирился съ Вигиліемъ и поручилъ ему предсѣдательствовать на соборѣ. Однако, Вигилій въ рѣшительную минуту отказался, ссылаясь на свое „болѣзненное состояніе“. А затѣмъ письменно заявилъ, что не согласенъ съ постановленіемъ собора. Тогда онъ былъ подвергнутъ отлученію и сосланъ. Соборъ предалъ осужденію ненавистныя монофизитамъ „Три главы“. Затѣмъ призналъ за собою право судить умершихъ и предалъ анаѳемѣ многихъ противниковъ Кирилла александрійскаго, который такимъ образомъ уже безпрепятственно былъ причисленъ къ лику святыхъ. Однако, эти опредѣленія собора мало помогли Юстиніану.

Изгнаніе Вигилія возбудило сильный ропотъ въ Римскомъ патріархатѣ. Въ концѣ концовъ императоръ вынужденъ былъ уступить. Вигилій получилъ разрѣшеніе вернуться въ Римъ, — впрочемъ, по дорогѣ туда умеръ. Осужденіе „Трехъ главъ“ не успокоило монофизитовъ. Наоборотъ, они воспользовались этою уступкою, чтобы

отстаивать свою независимость отъ византійскихъ императоровъ. При преемникахъ Юстіанина вражда обострилась до того, что непріятельскія войска, вторгаясь въ Византійскую имперію, находили себѣ поддержку у монофизитовъ. И, между прочимъ, монофизиты помогли сарацинамъ завоевать у Византіи весь Египетъ, вмѣстѣ съ городомъ Александріей. При такихъ же условіяхъ Византійская имперія потеряла большую часть Антіохійскаго и Іерусалимскаго патріархата. Въ виду этого, императоръ Гераклій вступилъ въ переговоры съ монофизитами о примиреніи. Признать открыто монофизитское ученіе правильнымъ Гераклій не могъ, такъ какъ это вызвало бы сильныя волненія среди духовенства Римскаго патріархата, который въ свою очередь стремился къ отдѣленію отъ Византіи. И по совѣту епископовъ-монофизитовъ, Императоръ провозгласилъ правильнымъ новое ученіе—моноѳелитство.

Гераклій приказалъ вѣровать, что хотя въ Іисусѣ Христѣ не одно естество (божеское), а два — божеское и человѣческое, но все время Онъ дѣйствовалъ, какъ Богъ, и у него были только божескіе поступки и божескія желанія. Иначе говоря, Христосъ имѣлъ только одну волю,—божескую. Потому и самое ученіе стало называться по-гречески „моноѳелитствомъ“, т. е. ученіемъ объ единой волѣ. Оно было изложено въ указѣ Гераклія, озаглавленномъ: „Изложеніе“. Сынъ Гераклія *) Константинъ, по восшествіи на престолъ, подтвердилъ отцовское повелѣніе, и въ своемъ указѣ, вышедшемъ подъ заглавіемъ: „Образецъ“, приказывалъ вѣрить, что у Христа была только одна воля—божеская. Патріархъ римскій Гонорій, по настоянію Гераклія, согласился признать это ученіе истиннымъ. Объ этомъ же заявилъ и патріархъ константинопольскій Сергій. Въ санъ александрійскаго патріарха былъ возведенъ монофизитскій епископъ Киръ, который и совѣтовалъ Гераклію провозгласить ученіе объ единой волѣ; онъ согласился подчиняться власти византійскаго императора въ дѣлахъ религіозныхъ. Однако, это согласіе скоро нарушилось.

*) Гераклій взялъ себѣ въ жены свою племянницу, по имени Мартину. Отъ нея-то и родился Константинъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Константинъ былъ умерщвленъ своею матерью.

Одинъ изъ преемниковъ римскаго патріарха Гонорія, по имени Мартинъ, объявилъ монофелитство ересью. Если—говорилъ онъ—Христосъ поступалъ только, какъ Богъ, то значитъ, онъ и не былъ человѣкомъ. За это Мартинъ былъ свергнутъ, сосланъ въ Крымъ и здѣсь, какъ говорятъ, по приказанію императора Константина, замученъ. Ученый монахъ Максимъ, прозванный Исповѣдниковъ, также призналъ монофелитство ересью и также подвергся гоненіямъ: его сослали, а потомъ отрѣзали ему языкъ и отсѣкли руку. Однако, и у Мартина и у Максима Исповѣдника оказались многочисленные послѣдователи, — особенно въ Римскомъ патріархатѣ, гдѣ духовенство склонно было отложиться отъ Византіи. Пришлось начать гоненія противъ ослушниковъ императорскаго указа о вѣрѣ. Между тѣмъ, надежда, на помощь монофизитовъ въ борьбѣ съ арабами и другими народами, нападавшими на Византію съ востока, совершенно не оправдались. Въ 669 г. арабы дошли до самаго Константинополя и напали на него. Эти нападенія стали повторяться. Кромѣ арабовъ и персовъ, дѣйствовавшихъ съ востока, Византія подверглась нападенію болгаръ съ сѣвера. Дошло до того, что императоръ Константинъ IV Погонатъ принужденъ былъ платить болгарамъ дань. При такихъ обстоятельствахъ приходилось думать о примиреніи уже не съ монофизитами, а съ Римскимъ патріархатомъ, который только одинъ могъ бы подать византійскому императору серьезную помощь. Константинъ Погонатъ искалъ помощи также изъ боязни, что его братья Гераклій и Тиверій сплотятъ недовольныхъ и свергнутъ его съ престола. Дабы обезопасить себя отъ братьевъ, въ 680 году Константинъ Погонатъ приказалъ отрѣзать имъ носы и созвалъ вселенскій соборъ. На соборѣ 680 года участвовало 153 человѣка. Они пробыли въ Константинополѣ около года. И за это время имѣли 18 засѣданій. Монофелитство было признано ересью. Между прочимъ, послушный византійскому императору римскій папа Гонорій былъ преданъ анаѳемѣ, а противникъ императора папа Мартинъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Константинъ не сопротивлялся этому. Миръ такимъ образомъ былъ заключенъ, но опять не надолго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Монашество. Упадокъ нравовъ. Иконоборчество.

Получивъ власть, христіане стали преслѣдовать язычниковъ такъ же, какъ язычники до Константина Великаго преслѣдовали христіанъ. Старая, „мужицкая,“ какъ ее теперь назвали, вѣра при императорѣ Ѳеодосіи I была окончательно запрещена. Каждаго, кто былъ уличенъ въ поклоненіи старымъ богамъ, судили, какъ тяжкаго государственнаго преступника и предавали смертной казни. По приказанію Ѳеодосія I, языческіе храмы были разрушены, какъ прежде разрушались храмы христіанскіе. Императоръ Юстиніанъ I приказалъ закрыть даже лучшую въ то время школу въ Аѳинахъ, — единственное мѣсто, гдѣ можно было получить высшее образованіе. Школа была закрыта по той причинѣ, что преподаваніе въ ней не согласуется съ постановленіями вселенскихъ соборовъ. И нѣкоторые церковные историки до сихъ поръ прославляютъ за это Юстіаніана, утверждая, что онъ закрытіемъ аѳинской школы оказалъ услугу Іисусу Христу. Съ неменьшимъ ожесточеніемъ католики преслѣдовали еретиковъ. И не даромъ историкъ Марцелинъ говорилъ, что христіане истребляютъ другъ друга безпощаднѣе дикихъ звѣрей.

И не только въ этомъ христіане отступили отъ заповѣди Спасителя: „возлюби ближняго твоего, какъ самъ себя“. Вмѣсто прежняго стремленія „подражать Христу всѣмъ сердцемъ своимъ и всею мыслію своею“, появилось чисто внѣшнее поклоненіе Богу: прочесть молитву, не поѣсть скоромнаго, сходить въ храмъ, — и это стало считаться достаточнымъ для спасенія души. Вѣру, отъ сердца исходящую, замѣнило выполненіе обрядовъ. А исполнивъ обрядъ, христіанинъ шелъ къ язычнику, жрецу или къ колдуну, прося предсказать судьбу, обколдовать того или иного непріятнаго человѣка, приворожить жену и т. д. Причемъ къ колдунамъ обращались за помощью не только міряне, но и священники.

Семейная жизнь христіанина тоже сильно измѣнилась и перестала отличаться отъ семейной жизни языч-

ника. Какъ прежде язычникъ, такъ теперь христіанинъ, могъ имѣть, кромѣ жены, еще наложницъ или „конкубинъ“, — одну, двѣ или больше, по состоянію своему. Разница между женой и конкубиной (наложницей), по закону, состояла въ томъ, что жена пользовалась правами своего мужа, а конкубина не пользовалась. Однако, дѣти конкубины считались „естественными дѣтьми отца“ и, по закону Юстиніана, имѣли право наслѣдовать отцу. Во всякомъ случаѣ, отецъ былъ обязанъ воспитывать и законныхъ (отъ жены) и естественныхъ (отъ конкубины) дѣтей. И конкубина освобождалась отъ заботы о дѣтяхъ такъ же, какъ жена. Если конкубину господинъ могъ прогнать, то и съ женою онъ могъ свободно развестись, причемъ не лишался права вступить въ новый бракъ и получить за новою женою приданое. Христіанинъ, который жилъ только съ женою и конкубинами, считался человѣкомъ солиднымъ и степеннымъ.

Измѣнился и прежній взглядъ, что главная добродѣтель христіанина заключается въ добрыхъ дѣлахъ во имя любви къ ближнему. Какъ уже было сказано выше, Плотинъ стыдился и досадовалъ, что у него есть тѣло. По его мнѣнію, если человѣкъ освободится отъ всякихъ заботъ и при этомъ изнуритъ свое тѣло голодомъ, жаждою и другими лишеніями, то душа такого человѣка получитъ возможность какъ бы въявь созерцать Бога и достигнетъ истиннаго богопознанія. И этотъ взглядъ мало-по-малу сталъ господствующимъ. Люди стали думать, что не помогать надо ближнимъ, а удаляться отъ нихъ, жить въ полномъ одиночествѣ, дабы никакія мірскія заботы не мѣшали душѣ достигнуть способности въявь созерцать Бога. Распространилось убѣжденіе, что главная и высшая цѣль жизни—это отшельничество, монашество, полное удаленіе отъ людей и всяческое изнуреніе тѣла, дабы ничто не мѣшало душѣ предаваться размышленіямъ о Богѣ. Одинъ изъ первыхъ монаховъ, Павелъ Ѳивейскій, прожилъ, по преданію, въ пустынѣ, совершенно не видя людей, около 90 лѣтъ.

Удаленіе отъ людей и отъ заботъ о людяхъ неизбѣжно сопровождается развитіемъ чувственныхъ потреб-

ностей. Съ этимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ одиночества столкнулся, между прочимъ, и основатель пустыножительства Антоній Египетскій. Онъ сначала поселился хотя и въ уединеніи, но вблизи города. Но чувственные помыслы (главнымъ образомъ плотскія) такъ тянули его возвратиться въ городъ, что онъ рѣшилъ уйти отъ соблазна въ пустыню; потомъ онъ неоднократно переходилъ съ мѣста на мѣсто, стараясь уйти какъ можно дальше отъ населенныхъ мѣстъ. „Чувственные помыслы“ преслѣдовали его до старости. Онъ часто доходилъ до бреда; ему мерещились красивыя женщины. Антоній полагалъ, что это черти являются передъ нимъ въ такомъ видѣ, чтобы прельстить его. Этотъ взглядъ сталъ довольно распространеннымъ, и до сихъ поръ монахи говорятъ, что у нихъ болѣзненная склонность къ чувственнымъ помысламъ происходитъ именно по внушенію дьявола. По мнѣнію монаховъ, дьяволу очень непріятно, если человѣкъ удаляется отъ міра, такъ какъ дьяволъ знаетъ, что удаленіе отъ міра есть лучшій способъ стать праведникомъ. Вотъ почему нечистый духъ всѣ силы употребляетъ, чтобъ возвратить отшельника въ міръ. И если къ мірскому человѣку для соблазна приставленъ одинъ бѣсъ, то къ монаху семь и больше. И чтобъ спастись отъ бѣсовскихъ наважденій, послѣдователи Антонія замуровывались въ пещерахъ, закапывали себя въ землю, поселялись на высокихъ столпахъ... Однако, и эти и другія средства не для всѣхъ и не всегда оказывались дѣйствительными.

Мірскому человѣку, если онъ живетъ по завѣту Христову, работая на благо общественное во имя любви къ ближнему, просто некогда предаваться чувственнымъ помысламъ. А если и придетъ въ голову похотливая мысль, то среди разныхъ неотложныхъ заботъ и хлопотъ, она не долго продержится и не овладѣетъ человѣкомъ. У отшельника, живущаго въ полномъ одиночествѣ, неотложныхъ заботъ и хлопотъ нѣтъ. И, какъ бы въ противовѣсъ полному одиночеству, еще при Антоніи стали слагаться монашескія общежитія. Окончательное основаніе такимъ общежитіямъ, или монастырямъ, положилъ преподобный Пахомій. Первые монастыри

были основаны въ Египтѣ. Послѣдователями и учениками Пахомія монастыри были основаны также въ Палестинѣ, возлѣ Константинополя, въ Греціи (на горѣ Олимпъ), на Аѳонскихъ горахъ и во мн. другихъ мѣстахъ. Монахи въ монастыряхъ были обязаны безпрекословно подчиняться старшему (игумену или архимандриту), не имѣть собственнаго имущества, работать на всю монастырскую братію, помогая другъ другу, оказывать помощь страннику и пришельцу. Первѣйшая же забота и здѣсь состояла въ борьбѣ съ чувственными потребностями и помыслами. И первое обѣщаніе, какое давалъ инокъ, поступая въ монастырь, состояло въ томъ, чтобъ не вступать въ плотскія сношенія («хранить цѣломудріе»); второй монашескій обѣтъ — смиреніе (считать себя недостойнѣе другихъ) и третій—безпрекословное повиновеніе старшимъ. Кромѣ обязательныхъ работъ на монастырь и обязательныхъ заботъ о братіи, обузданію плоти помогали продолжительныя церковныя службы. Богослуженія шли и день и ночь, съ краткими перерывами для пріема пищи и сна. Для полнаго удаленія отъ соблазна, мѣстами,—какъ, напр., въ Аѳонскихъ монастыряхъ,—было установлено правило: совершенно не допускать женщинъ.

Первоначально въ монастырь уходили нерѣдко люди ученые, которые, подобно Плотину, надѣялись изнуреніемъ тѣла своего приблизиться къ Богу. Шли въ монастырь и малоученые люди, но искренно вѣрившіе, что отшельническая жизнь самая праведная. Такіе люди, дѣйствительно, старались бороться съ помыслами ради Бога. И они содѣйствовали славѣ монастырей. Къ монахамъ, жаждущимъ угодить Богу и просвѣтить свой умъ познаніемъ Бога, стали приходить поклонники за совѣтомъ и благословеніемъ. На монаховъ стали смотрѣть, какъ на земныхъ ангеловъ. И чинъ монашескій сталъ уподобляться чину ангельскому. Въ подражаніе монастырямъ, и на міру установились долговременныя церковныя службы. Богобоязненные люди и въ частной своей жизни старались подражать монахамъ, удаляясь, напр., отъ женъ и конкубинъ на время постовъ, въ дни передъ праздниками и на праздникахъ. Впослѣдствіи это вошло въ обычай. И до сихъ поръ церковными

правилами запрещается, напр., совершать браки во время поста и подъ праздники. Въ монастыри стали поступать щедрыя пожертвованія и вклады. Монастырская братія мало-по-малу совершенно освобождалась отъ всякихъ заботъ даже о своемъ хлѣбѣ насущномъ, и отъ всякихъ трудовъ, кромѣ борьбы съ помыслами. И въ монастыряхъ начали скопляться люди, жаждущіе не столько угодить Богу, сколько жить на всемъ готовомъ, безъ печали и воздыханія. И понемногу среди монаховъ распространился безудержный развратъ.

Архимандритовъ и епископовъ обвиняли въ томъ, что они даже на вселенскіе соборы съѣзжались въ сопровожденіи цѣлаго штата любовницъ. Но это бы полбѣды. Встарину имѣть любовниковъ и любовницъ не считалось особеннымъ порокомъ. Полбѣды бы и то, что иной монахъ, проживъ въ молодости дочь, подъ старость дѣлалъ ее своею наложницею. Кровосмѣсительство въ тѣ времена было довольно распространеннымъ явленіемъ. Широко распространенъ былъ въ ту пору и другой порокъ: мужеложство. Для этой надобности и у вельможъ, и при царскомъ дворцѣ содержались красивые юноши; они наряжались и румянились, какъ женщины, и, чтобъ больше походить на женщинъ, тщательно сбривали себѣ бороду и усы; при монастыряхъ для той же надобности содержались красивые послушники. Но, кромѣ этихъ, естественныхъ и противоестественныхъ пороковъ, получили широкое распространеніе также скотоложство и птицеложство. Распространились даже такіе утонченные виды разврата, какъ мухоложство или муравьеложство. Высокимъ удовольствіемъ считалось, напримѣръ, — раздѣться до нага, вымазать извѣстныя части тѣла чѣмъ-либо пахучимъ и сладкимъ и лежать до тѣхъ поръ, пока отъ щекотки, причиняемой собравшимися на сладкое мухами или муравьями, наступитъ полное изнеможеніе. Невозможно разсказать, до какой утонченности доходилъ развратъ. Не даромъ въ составленномъ въ тѣ времена и уцѣлѣвшемъ до сихъ поръ «чинѣ исповѣди» главное мѣсто занимаютъ такіе, напр., вопросы (духовника къ исповѣдуемому):

«Рцы ми, чадо, не растлилъ ли еси дѣвства твоего малакіею? не малакійствуеши ли? Не мужеложствовалъ-

ли еси кого, или инъ тебѣ? Не соблудилъ-ли еси и съ колицѣми пался? Не пался ли еси въ родѣ твоемъ?..—Сія суть глаголемая кровосмѣшенія? Не пался-ли со скотомъ или со птицею? Не пался ли еси съ женою твоею черезъ естество?» и т. д.

Отъ монаховъ не отставало и бѣлое духовенство. А такъ какъ развратная жизнь требовала большихъ средствъ, то многіе епископы открыто торговали между прочимъ, духовными мѣстами, т. е. брали деньги за посвященіе въ санъ. Священники, въ свою очередь, вели торговлю—напримѣръ, причастьемъ. Причастье заготовлялось въ большомъ количествѣ. И каждый христіанинъ могъ купить себѣ, сколько нужно. Бѣдняки, разумѣется, не могли много заплатить,—и они, обыкновенно, получали причастье съ ложечки, прямо въ ротъ. Богачи покупали причастье стаканами, кружками и больше, и уносили съ собою для домашняго употребленія по мѣрѣ надобности; люди, очень богатые, присылали за причастіемъ своихъ слугъ съ сосудами. Мѣстами установилось даже мнѣніе, что только мужики причащаются изъ рукъ священника; считалось почетнымъ причащаться у себя на дому. Были и перекупщики, которые закупивъ причастье, продавали его желающимъ небольшими порціями. Распространено было повѣрье, что умершихъ тоже надо причащать; и священники причащали покойниковъ,—конечно, за особую плату. Въ концѣ концовъ самые храмы христіанскіе стали походить не столько на дома молитвы, сколько на дома торговли святынями.

Въ виду такого упадка нравовъ императоръ Юстиніанъ II созвалъ въ 691 соборъ. Соборъ этотъ называется Трульскимъ. На немъ было выработано 102 правила. Такъ, соборъ постановилъ предавать анаѳемѣ тѣхъ священниковъ, которые, ради наживы, торгуютъ причастьемъ; запрещено было священникамъ принимать участіе въ распутныхъ гульбищахъ, заниматься волшебствомъ, приговаривать мужчинъ къ женщинамъ или женщинъ къ мужчинамъ, гадать прихожанамъ на оловѣ или на воскѣ, лечить колдовствомъ и нашептываніями больныхъ, и т. д. Мірянамъ также запрещалось волшебство, гаданія, приговоры и пр. Эти и другія постановленія Трульскаго

собора мало помогли прекратить развратъ. Но вызвали новое столкновеніе между императоромъ и Римскимъ патріархатомъ.

Римскій папа, получивъ императорскій приказъ съ утвержденными правилами Трульскаго собора, заявилъ, что считаетъ эти правила совершенно лишними и ненужными, такъ какъ среди римскаго духовенства нѣтъ тѣхъ пороковъ, о которыхъ имѣлъ сужденія соборъ. Другими словами, папа заявилъ, что только восточное духовенство впало въ развратъ, тогда какъ, дескать, у насъ на западѣ сіяетъ истинное благочестіе. Юстиніанъ II понималъ, что это шагъ къ объявленію Римскаго патріархата независимымъ. Но ему было не до борьбы съ папами. Онъ вскорѣ былъ свергнутъ съ престола. За короткое время въ Византіи перемѣнилось 6 царей. Наконецъ въ 717 году престоломъ овладѣлъ Левъ III, и вопросы, затронутые Трульскимъ соборомъ, снова всплыли наружу.

Дѣло въ томъ, что Льву III, какъ и Юстиніану II, пришлось столкнутья съ новою вѣрою—магометанскою. Въ ту пору магометанство сильно распространялось среди народа. Магометане признавали Христа пророкомъ; но христіанъ называли идолопоклонниками и старательно обличали развращенность и несправедливость христіанскаго духовенства. Особенною настойчивостью отличались упреки въ идолопоклонствѣ. И они не были голословны.

Указывалось, напр., что христіанскіе священники, кромѣ обыкновеннаго, дешеваго причастья, продаютъ причастье съ подмѣсью „святости“. „Святость“ эта готовилась такъ: священникъ соскабливалъ немного краски съ запрестольныхъ или другихъ иконъ и подмѣшивалъ въ Дары. Это причастье считалось высшимъ сортомъ и продавалось по особо дорогой цѣнѣ, сообразно съ извѣстностью образа, съ котораго взята краска. Причастье, къ которому подмѣшана краска съ особо чтимой иконы, цѣнилось такъ дорого, что его могли купить лишь чрезвычайно богатые люди.

Указывалось также, что христіане „кумятся“ со своими „богами“, т. е. съ иконами. И, дѣйствительно, христіане кумились. Дѣлалось это такъ. При крещеніи на образъ

Спасителя, или Божіей Матери или кого-либо изъ святыхъ вѣшалось полотенце. И на чьемъ образѣ полотенце повѣшено, тотъ считался крестнымъ отцомъ или крестною матерью ребенка.

Указывалось и на то, что христіяне относятся къ иконамъ, какъ идолопоклонники къ идоламъ. Монахи, напр., при постриженіи отдавали свои волосы иконамъ,—такъ же поступали и язычники, отдавая своимъ богамъ приношенія. Какъ язычники молятся передъ идолами, такъ и христіане не Богу, а иконѣ молитву творятъ. У язычниковъ гадалки садились возлѣ идоловъ и предсказывали будущее. И у христіанъ гадалки садились возлѣ иконъ и на иконы и предсказывали *). Идолопоклонники гадали при помощи своихъ боговъ. Такъ же дѣлали и христіане. Они гадали и на иконахъ, и на Евангеліи, и на другихъ святыняхъ. Сами священники гадали, напр., при помощи освященнаго хлѣба отъ чистаго четверга: было повѣрье, что четверговый хлѣбъ помогаетъ найти вора; поэтому нѣкоторые священники имѣли запасъ этого хлѣба и продавали его обокраденнымъ **). Прежде объ изваянныхъ богахъ сочинялись жрецами сказки,—такой-то богъ чудотворный, такой-то подаетъ помощь неплоднымъ, такой-то, если ему помолиться, какъ слѣдуетъ, посылаетъ урожай, и т. д. Теперь усиленно распространялись сказанія о чудотворныхъ иконахъ. Каждая епархія, каждый монастырь старался имѣть чудотворную икону, такъ какъ это привлекало богомольцевъ и давало доходъ. Надо сказать, что восточное или греческое духовенство до сихъ поръ отличается такимъ же умѣньемъ сочинять разсказы о небывалыхъ чудесахъ, какъ и духовенство западное, или римское. Русскій церковный ученый преосвященный Порфирій въ книгѣ: „Исторія бытія моего“, съ негодованіемъ разсказываетъ о томъ, какъ даже въ наше время греческое духовенство распространяетъ съ цѣлью на-

*) Упоминаніе объ этомъ обычаѣ сохранилось въ собраніи церковныхъ правилъ, или Номоканонѣ (по-русски Кормчая книга). Кормчая книга налагаетъ запрещеніе на „женъ, присѣдящихъ святымъ иконамъ, и отъ сихъ крѣплящихся прорицати будущая“.

**) Въ Кормчей книгѣ упоминается также объ одномъ священникѣ, который гадалъ на Евангеліи.

живы ложные слухи, будто въ пасхальную ночь свѣчи у гроба Христова зажигаются сами собою. Одинъ турецкій паша въ насмѣшку надъ христіанами заявилъ, что онъ поставитъ около Гроба своихъ слугъ, дабы они убѣдились въ самовозгараніи свѣчей, и потомъ во всеуслышаніе удостовѣрить чудо. Духовенство всячески убѣждало пашу этого не дѣлать. И чтобъ избѣжать разоблаченій, откупилось взятками. Такъ дѣлается даже въ наше время. Встарину духовныя лица гораздо меньше стѣснялись. И магометане имѣли полную возможность разоблачать ложные разсказы о чудесахъ и смѣяться надъ христіанами, называя ихъ иконопоклонниками или идолопоклонниками.

— Мы — говорили магометане — признаемъ только одного Бога Аллаха. А Магомета, Христа и Моисея считаемъ пророками, но не молимся имъ. А у васъ, христіанъ, сколько иконъ, столько и боговъ.

Левъ III рѣшилъ покончить съ иконопоклоненіемъ. Говорятъ, онъ надѣялся, что это поможетъ ему обратить магометанъ въ христіанство. Или, вѣрнѣе, привести магометанъ и христіанъ къ одной вѣрѣ въ единаго Бога и во Христа, какъ пророка. И, быть можетъ, эта догадка о намѣреніяхъ Льва III справедлива. По крайней мѣрѣ, есть извѣстія, что сынъ его Константинъ Копронимъ замышлялъ вообще отмѣнить всѣ соборныя постановленія о трехъ Ипостасяхъ, о Богородицѣ, о боговдохновенности книгъ Ветхаго Завѣта и т. п. По обычаю всѣхъ византійскихъ императоровъ, Левъ III сначала постарался привлечь на свою сторону войско. А затѣмъ повернулъ дѣло круто и самовластно, примѣняя насилія и казни тамъ, гдѣ можно дѣйствовать лишь словомъ убѣжденія. Посыпались приказы, запрещающіе поклоняться иконамъ. Образа велѣно было сжигать, а изображенія на стѣнахъ храмовъ или домовъ закрашивать. Оказалось, однако, что иконопоклоненіе не такъ легко уничтожить простыми приказами. Прежде всего пришлось столкнуться съ чисто денежною стороною дѣла. Монастыри и церкви, лишившись иконъ, прославленныхъ чудотворными, лишились и доходовъ. И самъ собою возникъ вопросъ: а чѣмъ духовенство жить будетъ? Въ такомъ же положеніи очутились позолот-

чики, серебряники, живописцы, торговцы святынями и многія другія лица, имѣвшія пропитаніе возлѣ церкви, монастырей и духовенства. Начались бунты. Кое-гдѣ духовенство провозгласило новаго императора. Бунты удалось усмирить. Приходилось, однако, подумать, чѣмъ возмѣстить потери духовенства. Между прочимъ, было обращено вниманіе на доходы при совершеніи браковъ. Усилено было значеніе церковнаго обряда при совершеніи законнаго брака. Такъ, былъ изданъ законъ, запрещающій разводы. Такимъ образомъ, мужчины лишились возможности мѣнять законныхъ женъ почти такъ же легко, какъ и конкубинъ; духовенству было предоставлено наблюдать, чтобы въ бракъ не вступали близкіе родственники, при чемъ степени родства, препятствующія заключенію брака, были расширены, т. е. бракъ сталъ законнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мужъ и жена представятъ удостовѣреніе священника, что они не состоятъ въ близкомъ родствѣ. Заключеніе брака, такимъ образомъ, значительно удорожилось. Эти мѣры плохо возмѣстили потерю тѣхъ доходовъ, какіе имѣло духовенство отъ иконъ, зато онѣ вызвали сильный ропотъ среди простонародья. Конкубины также сильно роптали, ибо ихъ положеніе, благодаря новымъ законамъ, ухудшилось. Затѣмъ, такъ какъ церковный бракъ былъ объявленъ нерасторжимымъ, то женихи стали требовать большого приданаго, неохотно вступали въ законный бракъ на всю жизнь, предпочитая имѣть дѣло съ конкубинами. Естественно, стали роптать невѣсты и въ особенности матери, обремененныя нѣсколькими дочерьми, которыхъ такъ или иначе надо выдать замужъ. И, такимъ образомъ, кромѣ монашескихъ бунтовъ, начались женскіе бунты.

Затѣмъ, съ иконами въ каждой семьѣ связаны извѣстныя воспоминанія. Икона была порою дорога именно, какъ память отца или матери. Между тѣмъ, полицейскіе и солдаты грубо врывались не только въ храмы, но и въ частные дома, забирая иконы и истребляя ихъ. При этомъ дорогія ризы и оклады съ образовъ иногда оказывались расхищенными. Римскій папа воспользовался этими волненіями и объявилъ себя независимымъ отъ Византіи. Въ самомъ Константинополѣ монахи распро-

страняли объ императорѣ позорящіе слухи. Такъ, напримѣръ, о сынѣ Льва Константинѣ говорили, что онъ едва-ли не антихристъ, такъ какъ еще новорожденнымъ младенцемъ, когда его крестили, осквернилъ купель своими испражненіями. Этотъ разсказъ получилъ широкое распространеніе. И Константина до сихъ поръ зовутъ Копронимомъ, т. е. навознымъ.

Въ надеждѣ прекратить волненія, Константинъ Копронимъ созвалъ въ 754 году вселенскій соборъ. Съѣхалось болѣе 300 епископовъ. Засѣданія происходили въ Скутари, близъ Константинополя. Соборомъ иконопоклонство было осуждено:

„Возстановлять — говорится въ рѣшеніи собора — образы святыхъ посредствомъ матеріальныхъ красокъ и цвѣтовъ есть дѣло безполезное, праздное и даже богопротивное и діавольское“, — „слѣдуетъ заботиться о подражаніи святымъ дѣлами“.

Надо замѣтить, что императоры иконоборцы Левъ III и Константинъ Копронимъ правили дѣлами государства гораздо умнѣе другихъ византійскихъ царей. Сверхъ того, оба отличались, какъ полководцы. Оба одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ внѣшнимъ непріятелемъ. И оба были любимы войскомъ. Солдаты привѣтствовали постановленіе собора. Иконопоклонники составили заговоръ на жизнь Константина. Говорятъ, во главѣ заговорщиковъ стояли монахи. Заговоръ былъ открытъ. И Константинъ подвергъ гоненію монаховъ и монастыри. Гоненіе было жестокое. Оно продолжалось и при слѣдующемъ послѣ Константина императорѣ Львѣ IV Хозарѣ.

Левъ Хозаръ процарствовалъ всего 5 лѣтъ. Послѣ его смерти императоромъ былъ провозглашенъ сынъ его малолѣтній Константинъ VI, а управлять дѣлами стала мать Константина Ирина. Какъ женщина властолюбивая, она стремилась совершенно захватить въ свои руки престолъ. При дворцѣ образовалось двѣ враждебныя партіи, — партія сына и партія матери. На сторонѣ сына было войско и иконоборцы. Ирина привлекла къ себѣ иконопоклонниковъ и монаховъ. Въ 786 году она созвала вселенскій соборъ въ Константинополѣ. Онъ былъ разогнанъ солдатами. Тогда Ирина созвала второй

соборъ вдали отъ Константинополя въ городѣ Никеѣ. 24 сентября 787 г. было открыто первое засѣданіе. Присутствовало на немъ до 307 епископовъ. Постановленіе собора 754 года было признано еретическимъ, самый соборъ этотъ былъ проклятъ и названъ „лжевселенскимъ“, а на всѣхъ иконоборцевъ наложена анаѳема. Постановленіе это было подписано Ириною, какъ правительницею; подписалъ его и малолѣтній Константинъ. Начались гоненія противъ иконоборцевъ. Но черезъ 2 года владычество Ирины было свергнуто. Её удалили отъ дѣлъ. Тогда она вступила въ открытую борьбу съ сыномъ, выколола ему глаза и завладѣла престоломъ. Впрочемъ, Ирина была вскорѣ низвергнута и постриглась въ монастырь. И когда одинъ изъ слѣдующихъ императоровъ Михаилъ I началъ было преслѣдовать иконоборцевъ, противъ него возмутилось войско, и онъ лишился престола. Воцарившійся вмѣсто Михаила I Левъ V Армянинъ въ 815 году созвалъ новый вселенскій соборъ. Такъ какъ Левъ V былъ иконоборцемъ, то созванный имъ соборъ предалъ анаѳемѣ иконопоклонниковъ; кромѣ того, по желанію императора, былъ преданъ анаѳемѣ и бывшій при Иринѣ соборъ 787 года. Снова начались гоненія противъ иконъ и монаховъ. Черезъ 5 лѣтъ снова вспыхнуло возмущеніе. И новый императоръ Михаилъ II приказалъ, чтобы „никто не смѣлъ приводить въ движеніе языкъ свой ни противъ иконъ, ни за иконы“. „Пусть—говорилось въ императорскомъ указѣ—молчаніе будетъ правиломъ во всемъ, что напоминаетъ иконы“. За этотъ указъ, запрещающій говорить объ иконахъ, Михаилъ II прозванъ Косноязычнымъ. Онъ отмѣнилъ постановленія всѣхъ соборовъ объ иконопоклоненіи и далъ амнистію иконопоклонникамъ. Преемникъ Михаила Косноязычнаго Ѳеофилъ также запретилъ говорить и за иконы и противъ иконъ, — однако, преслѣдовалъ иконопоклонниковъ. Между тѣмъ, надежды Льва III и Константина Копронима сблизить магометанъ съ христіанами оказались совершенно тщетными. Магометане, послѣ пораженій, нанесенныхъ имъ Львомъ III и Копронимомъ, оправились и снова отняли у Византіи нѣсколько областей. Въ борьбѣ съ этимъ страшнымъ врагомъ у византій-

скихъ императоровъ была единственная надежда на помощь западныхъ королей. А всѣ западные короли въ то время входили въ составъ Римскаго патріархата. Приходилось поневолѣ смириться передъ римскими папами, которые все время стояли на сторонѣ иконопоклонниковъ.

Послѣ Ѳеофила императоромъ былъ провозглашенъ его малолѣтній сынъ Михаилъ III. А управленіе дѣлами перешло къ женѣ Ѳеофила—Ѳеодорѣ. Ѳеодора приказала возстановить иконопочитаніе. Для этого въ 842 году былъ созванъ соборъ, предавшій анаѳемѣ всѣхъ иконоборцевъ. По желанію императрицы, въ списокъ преданныхъ анаѳемѣ не былъ внесенъ ея покойный мужъ—Ѳеофилъ. 19 февраля 842 г. списокъ этотъ былъ торжественно прочитанъ въ храмѣ, и послѣ каждаго имени пѣвчіе пѣли: „анаѳема, анаѳема". Рѣшено было читать списокъ преданныхъ анаѳемѣ ежегодно, въ первое воскресенье Великаго поста. Это торжество стало называться „праздникомъ православія". Такимъ образомъ, миръ съ Римскимъ патріархатомъ былъ заключенъ. Однако, не надолго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Борьба между римскимъ и константинопольскимъ патріархами.

При Михаилѣ III константинопольскимъ патріархомъ нѣкоторое время былъ Игнатій. Судьба его замѣчательна. Онъ былъ сынъ императора Михаила I. Опасаясь, что отъ Игнатія произойдетъ потомство, императоръ Левъ Армянинъ велѣлъ оскопить его и заключить въ монастырь. Послѣ смерти Льва Армянина Игнатій изъ монаховъ попалъ въ патріархи. И при Михаилѣ III вступилъ въ борьбу съ царскимъ дядею Вардою. Между прочимъ, Варда прогналъ свою жену и сталъ открыто

жить съ невѣсткою. Игнатій публично назвалъ это кровосмѣшеніемъ и объявилъ, что Варда не достоинъ причастья. За такую дерзость, по приказанію Варды, Игнатія сослали, а на его мѣсто патріархомъ былъ назначенъ начальникъ императорской стражи Фотій. Тогда приверженцы Игнатія собрались и предали Фотія осужденію. Варда и Фотій собрали своихъ приверженцевъ и предали осужденію Игнатія и его сторонниковъ. Въ результатѣ получилось, что часть духовенства признавала патріархомъ Игнатія, часть—Фотія. Кого признаетъ патріархомъ римскій папа,—оставалось неизвѣстнымъ. Рѣшено было созвать соборъ. Онъ состоялся въ 861 г. Едва соборъ открылся, какъ произошелъ бунтъ иконоборцевъ. Пришлось засѣданія прервать. Въ виду этого перерыва, собору 861 года присвоено названіе „Двоеперваго".

По возобновленіи собора, послы тогдашняго папы Николая согласились подать голосъ, согласно желанію императора. Былъ разсмотрѣнъ общій вопросъ,—можетъ ли монахъ быть епископомъ. Соборъ рѣшилъ, что такъ какъ монахъ даетъ обѣтъ послушанія и смиренія, то ему нельзя быть начальникомъ и носить санъ епископскій. А такъ какъ Игнатій былъ постриженъ въ монахи, то и рѣшили, что ему не подобаетъ быть патріархомъ. Фотія же соборъ объявилъ патріархомъ законнымъ. Однако, папа Николай оказалъ эту поддержку Фотію не безкорыстно. Онъ надѣялся, что Фотій изъ благодарности согласится перечислить Болгарію изъ Константинопольскаго патріархата въ Римскій. Но послѣ собора Фотій на это не согласился. И Николай объявилъ, что на соборѣ дѣло рѣшено неправильно, и что патріархомъ константинопольскимъ надо признавать не Фотія, а Игнатія. Въ отвѣтъ Фотій написалъ окружное посланіе, въ которомъ заявилъ, что въ Римскомъ патріархатѣ духовенство впало въ еретическія отступленія отъ православія. Созванный по этому случаю въ 867 г. соборъ разсмотрѣлъ и одобрилъ посланіе Фотія. Роли, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени перемѣнились. До сихъ поръ римскіе папы обвиняли константинопольское духовенство въ ереси. Теперь константинопольское духовенство назвало папу еретикомъ. Но тутъ неожи-

данно императоръ Михаимъ III былъ убитъ. Его убійцу, Василія Македонянина, восшедшаго на престолъ, Фотій отказался причастить, и за это былъ сосланъ. На патріаршее мѣсто, съ согласія папы Адріана, снова былъ назначенъ Игнатій. Однако, Игнатій также отказался уступить папѣ Болгарію. И папа предъявилъ императору требованіе: либо перечислить Болгарію въ Римскій патріархатъ, либо отлучить Игнатія отъ церкви. Но тутъ Игнатій умеръ. На его мѣсто опять былъ назначенъ Фотій, но затѣмъ окончательно низложенъ собственнымъ ученикомъ Львомъ Мудрымъ, вступившимъ на престолъ по смерти отца своего Василія Македонянина. Преемнику Фотія удалось добиться очень важнаго закона: императоръ приказалъ считать бракъ законнымъ только въ томъ случаѣ, если мужъ и жена повѣнчаны священникомъ. Иначе говоря, церковный бракъ былъ объявленъ обязательнымъ. Этимъ, между прочимъ, значительно повышался доходъ духовенства. Отъ обязанности заключать церковные браки освобождались лишь бѣднѣйшіе люди, — напр., крѣпостные крестьяне и рабы.

Законъ объ обязательномъ церковномъ бракѣ появился около 893 г. Но вскорѣ самому же императору Льву Мудрому пришлось столкнуться съ нимъ. Онъ захотѣлъ жениться въ четвертый разъ на нѣкоей Зоѣ. Константинопольскій патріархъ заявилъ, что этотъ бракъ незаконенъ,—т. е. дѣти, рожденныя отъ четвертой жены, не имѣютъ права наслѣдовать отцу. Патріаршее заявленіе вызвало большой соблазнъ. И Левъ Мудрый послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшилъ созвать въ 906 г. соборъ. Рѣчь шла о томъ, признавать ли рожденнаго Зоей царскаго сына Константина законнымъ наслѣдникомъ престола. Согласно желанію императора, соборъ осудилъ патріарха и призналъ четвертый бракъ законнымъ. Черезъ 5 лѣтъ Левъ Мудрый умеръ. И его сынъ отъ Зои Константинъ безъ помѣхи воцарился и прозванъБагрянороднымъ.

Почти черезъ 200 лѣтъ византійскимъ императорамъ снова пришлось вернуться къ вопросу о церковномъ бракѣ, но уже по другому поводу. Въ Константинополѣ царствовалъ Алексѣй Комненъ. Государственная казна

была пуста. Не зная, чѣмъ платить, императоръ приказалъ снять съ иконъ золотые и серебрянные оклады и перелить на монету. Духовенство возмутилось. Нашлись смѣльчаки, громогласно заявившіе, что императоръ поступилъ, какъ еретикъ-иконоборецъ. Это заставило Алексѣя въ 1085 г. созвать соборъ. Были приглашены 46 чиновниковъ изъ сената, 12 дьяконовъ изъ патріаршей канцеляріи, константинопольскій патріархъ, 25 епископовъ, 15 игуменовъ и много придворныхъ. Соборомъ распоряженіе императора ободрать оклады съ иконъ признано правильнымъ, такъ какъ христіане должны почитать святыя лики, а не золотыя или серебряныя украшенія. Рѣшеніе было утверждено Алексѣемъ. И, подобно рѣшеніямъ всѣхъ соборовъ, опубликовано, какъ воля Божія. Однако, духовенство не успокоилось. Недовольные, по обыкновенію, указывали, что соборъ былъ составленъ неправильно. Въ виду всѣхъ этихъ непріятностей, Алексѣй Комненъ счелъ за лучшее издать законъ о томъ, что церковные браки обязательны для всѣхъ, а въ томъ числѣ для рабовъ и крѣпостныхъ. Законъ этотъ до сихъ поръ существуетъ въ Россіи. Въ Римскомъ патріархатѣ значительно позже бракъ былъ признанъ таинствомъ (на такъ называемомъ Тридентскомъ соборѣ, около 1450 г.). То есть на Тридентскомъ соборѣ было признано, что мужъ и жена не могутъ правильно жить, правильно рождать и правильно воспитывать дѣтей, если не получать особой благодати Духа Святого. А получить эту благодатъ Святого Духа можно только черезъ вѣнчаніе у священника. Восточное духовенство до сихъ поръ не признаетъ Тридентскаго собора. А въ отвѣтъ на это западное духовенство указываетъ, что въ восточной церкви нѣтъ вселенскаго постановленія, признающаго бракъ таинствомъ.

Раньше, чѣмъ повелѣніемъ Алексѣя Комнена установленъ обязательный для всѣхъ церковный бракъ, между константинопольскимъ и римскимъ патріархами произошло рѣшительное столкновеніе, которое и закончилось полнымъ разрывомъ. Нелады между этими патріархами шли давно, еще во время первыхъ соборовъ— особенно изъ-за такъ называемыхъ варварскихъ областей. Въ Константинополѣ и Римѣ варварами называ-

лись полудикіе народы, какими въ то время были, напримѣръ, франки, саксонцы, пруссы, чехи, болгары, сербы, готы; варварскимъ назывался, между прочимъ, и народъ, населявшій нынѣшнюю Россію. Многіе изъ этихъ народовъ были совершенно независимы отъ римскихъ или византійскихъ императоровъ; они часто даже нападали на Римскую или Византійскую имперію.

Однако, слава о могуществѣ императоровъ, о великолѣпіи, съ какимъ они живутъ, гремѣла повсюду. Короли, князья, начальники полудикихъ варварскихъ народовъ старались подражать императорамъ и походить на нихъ. И, между прочимъ, многіе изъ нихъ охотно переходили въ „императорскую вѣру“, т. е. принимали христіанство. Естественно возникъ вопросъ, — кто поставляетъ духовенство въ варварскихъ странахъ, и кто управляетъ этимъ духовенствомъ? При императорѣ Константинѣ Великомъ было признано главенство римскихъ патріарховъ. Это объясняли тѣмъ, что такъ какъ въ Римѣ были епископами первоверховные апостолы Петръ и Павелъ, то и римскихъ патріарховъ надо считать первоверховными, намѣстниками апостола Петра. Такимъ образомъ, большинство варварскихъ странъ отошло подъ власть римскаго патріархата. Но затѣмъ маленькій возникшій при Константинѣ Великомъ городъ Константинополь разросся, временно сталъ столицей всей имперіи. Возникъ Константинопольскій патріархатъ. И на Халкидонскомъ соборѣ 451 года за константинопольскимъ патріархомъ было признано право рукополагать епископовъ въ новообращенныхъ къ христіанству варварскихъ странахъ. И въ концѣ концовъ выработался такой порядокъ: если князь варварской страны обращенъ въ христіанство, положимъ, римскими проповѣдниками, то страна причислялась къ Римскому патріархату. а если константинопольскими (или греческими), то къ Константинопольскому. Бывало, однако, что римскіе прововѣдники появлялись одновременно съ греческими, и тогда возникалъ споръ, — чьими трудами варварскій князь обращенъ въ христіанство. Бывало и такъ, какъ случилось, напр., въ Болгаріи, гдѣ болгарскій царь Борисъ прогналъ духовенство греческое и пригласилъ новое духовенство изъ Римскаго патріархата. На этомъ

основанiи константинопольскiй патрiархъ требовалъ, чтобы новоприглашенное духовенство все таки подчинялось ему, а римскiй папа требовалъ, чтобы Болгарiя отошла къ его владѣнiямъ.

Были, однако, между патрiархами разногласiя и болѣе глубокаго свойства. Константину Великому подчинялась и западная половина имперiи и восточная. Въ его владѣнiя входили нынѣшняя Италiя, Испанiя, почти вся Францiя, часть Англiи, часть Германiи, значительная часть Австро-Венгрiи, Черногорiя, Болгарiя, Сербiя, Грецiя, часть Россiи, Турцiя, часть Персiи и многiя другiя страны. Обладая такими громадными силами, Константинъ Великiй могъ думать, что варварскiя князьки и царьки только до поры до времени сохраняютъ свою независимость, и рано или поздно попадутъ подъ высокую императорскую власть. Но впослѣдствiи дѣла совершенно измѣнились. Императоры лишились своихъ западныхъ владѣнiй. Римскiй патрiархатъ оказался составленнымъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ. Возвысившiеся варварскiе короли и князья стали порою гораздо могущественнѣе императора, живущаго въ Константинополѣ. И, наконецъ, одинъ изъ нихъ франкскiй король Карлъ въ 800 году принялъ императорскiй титулъ. И такимъ образомъ, бывшему „царю царей“, „повелителю всего мiра“, пришлось называться только византiйскимъ императоромъ. Юстинiанъ I еще могъ свергать и возводить римскихъ папъ. Но Василiй Македонянинъ, напр., или Левъ Мудрый не имѣлъ никакой власти надъ папами.

Подвластный императору константинопольскiй патрiархъ требовалъ, чтобы въ подчиненныхъ ему варварскихъ областяхъ духовенство „прежде всего“ поминало византiйскаго императора. И когда русскiй, напр. князь Василiй приказалъ вычеркнуть изъ святцевъ имя императора, константинопольскiй патрiархъ прислалъ ему строгiй выговоръ. Называя всѣхъ императоровъ святыми, патрiархъ писалъ, что «святые императоры занимаютъ высокое мѣсто въ церкви,—не такъ какъ иные помѣстные князья и государи. Императоры съ самаго начала упрочили и утвердили благочестiе по всей вселенной, императоры собирали вселенскiе соборы, императоры

своими законами повелѣли соблюдать святое ученіе и правила жизни христіанской, боролись съ ересями... За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви... Послушай, князь, апостола Петра, сказавшаго: „Бога бойтесь, царя чтите“. Апостолъ не сказалъ: „царей“, чтобы кто-нибудь не сталъ подразумѣвать подъ этимъ именующихся царями у разныхъ народовъ“. Апостолъ сказалъ: „царя“, указывая что одинъ царь во вселенной“. И этотъ царь есть святой императоръ византійскій: „Всѣ другіе присвоили себѣ имя царей насиліемъ“. Не довольствуясь этимъ, патріархъ напоминалъ князю Василію:

— Разъ ты христіанинъ, то и царя почитать долженъ. „Невозможно христіанамъ признавать церковь, но не признавать царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и нельзя отдѣлить ихъ другъ отъ друга“.

Словомъ, въ Константинопольскомъ патріархатѣ духовенство старалось проводить ту мысль, что императоръ византійскій есть царь вселенскій, и что свѣтская, императорская, власть выше власти патріаршей. Римскимъ папамъ приходилось смотрѣть на дѣло иначе. Они управляли духовенствомъ различныхъ и часто враждебныхъ другъ-другу царствъ. Они вынуждены были ладить со многими царями. И папамъ, дабы сохранить въ своихъ рукахъ главенство, надо было доказывать, что свѣтская, царская, власть ниже власти духовной. Въ Римскомъ патріархатѣ проводилась та мысль, что главный вселенскій начальникъ на землѣ это — папа, намѣстникъ апостола Петра, намѣстникъ Божій, а свѣтскіе владыки лишь ставленники папы, получившіе благословеніе отъ него, для каковой цѣли и совершается обрядъ коронованія. Разсматривая такъ царей въ своемъ патріархатѣ, папы вынуждены были и византійскаго императора считать подвластнымъ намѣстнику Божію въ Римѣ. И сообразно съ этимъ, они требовали, чтобы только римскій патріархъ имѣлъ право называться папою. И хотя первоначально папами назывались всѣ вообще патріархи, но въ концѣ-концовъ титулъ „папы“ былъ, дѣйствительно, присвоенъ только римскому патріарху.

Когда у христіанъ былъ только одинъ императоръ, вселенскіе соборы играли опредѣленную роль. Императоръ созывалъ на соборъ, кого хотѣлъ; дѣла рѣшались сообразно царскому рѣшенію. И утвержденное царемъ постановленіе собора становилось закономъ. Но затѣмъ появилось два императора: византійскій и германскій, нѣсколько царей, королей и много князей, независимыхъ другъ отъ друга, а часто и враждебныхъ одинъ другому. Византійскіе императоры пытались попрежнему созывать вселенскіе соборы. Но папа уже не могъ утвержденное въ Константинополѣ рѣшеніе собора признать закономъ въ своемъ патріархатѣ. Тотъ же хотя бы германскій императоръ, владѣнія котораго составляли часть римскаго патріархата, неизбѣжно обидится и скажетъ:

— Я не подвластенъ Византіи.

Папамъ было естественно стремиться къ тому, чтобы соборы созывались по ихъ, папской, волѣ, и чтобы постановленія соборовъ считались законными лишь послѣ ихъ папскаго согласія. Но на это не могли согласиться византійскіе императоры, такъ какъ это значило бы подчиниться власти папъ. Такимъ образомъ, примирить византійскихъ царей съ римскими папами не было возможности. Папы, стараясь доказать свое главенство и свою независимость, обвиняли императоровъ въ ереси. И въ доказательство того, что Византія отступила отъ истиннаго христіанскаго ученія, римское духовенство ссылалось, между прочимъ, на сочиненія ученаго Исидора епископа Севильскаго, гдѣ собраны были постановленія разныхъ соборовъ. Византійское духовенство доказывало, что эти сочиненія подложны, и что именно Римскій патріархатъ впалъ въ ересь и отступилъ отъ истиннаго христіанскаго ученія. Однако, обѣ стороны не доводили раздора до конца. Византійское духовенство во время богослуженій поминало папу римскаго, римское духовенство поминало патріарха константинопольскаго. И единеніе между патріархами кое-какъ поддерживалось.

Но вотъ около 1030 года византійскими дѣлами стала править имератрица Зоя, женщина необузданная и развратная. Она умертвила мужа и возвела на престолъ своего любовника, который и царствовалъ подъ име-

менъ Михаила IV; а послѣ смерти Михаила, на престолѣ оказался его племянникъ, тоже Михаилъ, передъ тѣмъ усыновленный Зоей. Такъ какъ онъ хотѣлъ освободиться отъ развратницы, то былъ убитъ, и на престолѣ очутился новый любимецъ Зои Константинъ. Въ то же время римскимъ папою былъ Левъ IX, человѣкъ рѣшительный и строгій, ненавидѣвшій Зою за ея развратное поведеніе. Онъ требовалъ отъ духовенства безбрачія, хотѣлъ уничтожить благопріятные для конкубинъ обычаи и законы, требовалъ, чтобы духовныя должности не раздавались за деньги. И этими мѣрами возбудилъ противъ себя сильное недовольство въ Римскомъ патріархатѣ.

Подвластный Зоѣ, константинопольскій патріархъ Михаилъ Керулларій поднялъ „вопросъ объ опрѣснокахъ". Рѣчь шла о томъ, какой хлѣбъ ѣли Христосъ и его ученики на тайной вечери, на которой, по ученію духовенства, установлено таинство причащенія. Зашла же рѣчь объ этомъ потому, что въ Римскомъ патріархатѣ для причастья употреблялся и нынѣ употребляется прѣсный хлѣбъ. Михаилъ Керулларій заявилъ, что это ересь; ибо хотя тайная вечеря и была вечерей пасхальною, по обряду еврейскому, и хотя на пасхальной вечери Христосъ и ученики, какъ евреи, должны были кушать хлѣбъ прѣсный (мацу), но въ дѣйствительности ѣли они хлѣбъ квасный, а потому и для причастья нельзя употреблять опрѣсноки. Споръ обострился. И Левъ IX предалъ анаѳемѣ всѣхъ, кто согласенъ съ Михаиломъ Керулларіемъ, а константинопольское духовенство предало анаѳемѣ папу, а въ лицѣ его и весь Римскій патріархатъ. Случилось это въ 1054 году. Въ томъ же году умерли и Зоя и Левъ IX. Однако, обѣ стороны не примирились, и 1054 годъ считается годомъ раздѣленія церквей, — западной, или римской, отъ восточной, или византійской.

Въ годъ раздѣленія подъ властью византійскаго патріарха считались, между прочимъ, Болгарія и Россія, а подъ властью римскаго папы была почти вся западная Европа, между прочимъ, — Германія, Англія, Франція, Испанія, Италія, Австрія, Польша, Данія, Швеція, Норвегія и др.

Папы до сихъ поръ называютъ свою церковь като-

лическою, или вселенскою, т. е. основанною на ученіи вселенскихъ соборовъ, а о восточной церкви говорятъ, что она отступила отъ вселенскаго ученія. Восточное духовенство также называетъ свою церковь католическою или каѳолическою, а западную церковь отступницей отъ вселенскаго ученія. Западное духовенство, признаетъ вселенскими и истинными около 20 соборовъ. При раздѣленіи церквей законами Византійской имперіи признавались истинными и вселенскими только семь соборовъ: никейскій 325 г., константинопольскій 381 г., эфесскій 431 г., халкидонскій 451 г., константинопольскій 553 г., константинопольскій 680 г. и никейскій 787 г. И восточная церковь до сихъ поръ признаетъ истинными и вселенскими только эти соборы. Впрочемъ, они признаются и западной церковью. Но западная церковь признаетъ ихъ истинными потому, что ихъ постановленія утверждены папами. Восточное духовенство въ данномъ случаѣ руководится повелѣніями императорскими т. е. признаетъ истиннымъ только тѣ постановленія соборовъ, которая утверждены государями. Обѣ церкви называютъ себя православными. Но у насъ въ Россіи принято называть восточную церковь православной и каѳолической, а западную — католической и римской. Православная каѳолическая церковь въ Россіи называется также греческой, восточной, а католическая и римская — латинской, папской и западной. Этихъ названій мы и будемъ придерживаться.

Кромѣ постановленій 7 названныхъ вселенскихъ соборовъ, православная церковь считаетъ для себя обязательными: 85 правилъ апостольскихъ, 68 правилъ Василія Великаго, постановленія шести помѣстныхъ соборовъ и 87 главъ изъ свода законовъ, изданнаго императоромъ Юстиніаномъ. Всѣ эти правила соединены въ одну книгу, которая по-гречески называется Номоканономъ. Окончательная обработка Номоканона сдѣлана патріархомъ Фотіемъ. Номоканонъ Фотія былъ переведенъ на болгарскій языкъ греческими проповѣдниками въ Болгаріи, братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. На болгарскомъ языкѣ Номоканонъ былъ названъ Кормчею (книгой). Правила, которыя содержатся въ Кормчей, обязательны и для русской церкви, однако, не всѣ одина-

ково. Одни изъ нихъ, по распоряженію русской свѣтской и духовной власти, были внесены въ изданную въ 1839 году „Книгу правилъ святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ". Эти правила считаются особо обязательными. Другія въ «Книгу правилъ» не внесены и считаются менѣе обязательными.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Начало православія на Руси.

Въ 866 г. мало извѣстный въ ту пору народъ „русскій" напалъ на Константинополь съ моря. Войскъ у имератора Михаила было мало. Духовенство, по обыкновенію, стало совершать молебствія объ одоленіи враговъ. Патріархъ Фотій совершилъ крестный ходъ на море. Между тѣмъ поднялась буря, и лодки, на которыхъ приплыли русскіе, были разбиты. До сихъ поръ сохранилось сказаніе, что буря послана Господомъ по молитвѣ Божіей Матери, и что чтимый въ Константинополѣ юродивый Андрей видѣлъ, какъ Богородица спускалась на землю, прикрывая молящихся Ей своими ризами. Позже царемъ Львомъ въ 911 г. въ память спасенія Константинополя отъ набѣговъ установленъ ежегодный праздникъ въ честь „Покрова Пресвятой Богородицы" (1 октября). Повелѣніе это исполняется русскою церковью до сего дня.

Въ византійскихъ сказаніяхъ о нападеніи въ 866 г. на Константинополь упоминается, что русскими предводительствовали Аскольдъ и Диръ, и что „руссы" были дотолѣ совершенно неизвѣстны и появились совершенно неожиданно. Но ко всякимъ сказаніямъ о чудесахъ—и особенно, къ сказаніямъ византійскимъ—надо относиться крайне осторожно. Для примѣра укажу хотя бы на сказаніе о томъ, какъ кіевскій князь Владиміръ принялъ

христіанство. Въ этомъ сказаніи упоминается, между прочимъ, что къ Владимиру приходили латинскіе проповѣдники. „Усердные слуги папы говорили о величіи невидимаго Бога и ничтожествѣ идоловъ“, но славный князь отвѣчалъ: „отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Затѣмъ, говорится въ сказаніи, пришелъ проповѣдникъ изъ Греціи, и Богъ сразу расположилъ Владимира къ принятію вѣры греческой. Дѣло въ томъ, что это сказаніе написано почти 200 лѣтъ спустя послѣ крещенія Владимира и свыше 100 лѣтъ спустя послѣ раздѣленія церквей. Владимиръ крестился въ 988 году, когда еще „папская“ и греческая вѣры одинаково считались православными. Сверхъ того, почти за 100 лѣтъ до крещенія Владимира (при князѣ Олегѣ) въ Кіевѣ былъ поставленъ епископъ, и кіевская епархія считалась 60-ою епархіей константинопольскаго патріарха. И пока не произошло раздѣленіе церквей, римское духовенство, по церковнымъ правиламъ, просто не могло учреждать здѣсь своей епархіи, подчиненной папѣ. Есть и другое сказаніе,—будто апостолъ Андрей Первозванный послѣ смерти Христа отправился въ Крымъ, оттуда въ Кіевъ, постановилъ на кіевскихъ горахъ крестъ, потомъ пошелъ въ Новгородъ, а изъ Новгорода въ Римъ. Сказаніе это сочинено почти тысячу лѣтъ спустя послѣ смерти Андрея Первозваннаго, казненнаго въ Греціи. И на чемъ оно основано,—неизвѣстно.

Вотъ почему многія сказанія, какими вошло въ обычай наполнять нынѣшніе учебники для русскихъ школъ, приходится просто отбросить, какъ либо сомнительныя, либо явно недостовѣрныя. Извѣстно лишь, что „руссами“ назывались разныя славянскія племена. Между прочимъ, они жили и по Днѣпру, гдѣ Кіевъ, и по Волхову, гдѣ Новгородъ. По Днѣпру и Волхову шли торговыя сношенія,—между прочимъ, съ греками. И жители, обитавшіе по берегамъ этихъ рѣкъ, были образованнѣе другихъ; а кто занимался торговлею, тому нужно было знать и заморскіе языки, и заморскіе обычаи, а временами и „гостить“ за моремъ, т. е. выѣзжать въ чужія страны и въ особенности въ Грецію по торговымъ дѣламъ.

Каждому извѣстно, что бываетъ даже въ наше время

съ деревенскимъ, напримѣръ, парнемъ, если онъ поживетъ въ городѣ. Въ большинствѣ случаевъ парень переряжается въ городскую одежду, привязывается къ городскимъ обычаямъ, къ городскимъ развлеченіямъ, норовитъ при разговорѣ употреблять городскія словечки. Часто онъ на „деревенскую темноту“ смотритъ свысока, а на горожанъ, какъ на образецъ для подражанія. Иногда это подраженіе горожанамъ—простое баловство. А иногда серьезное дѣло: въ городѣ все таки меньше темноты, больше людей образованныхъ, жизнь которыхъ разумнѣе, лучше, благообразнѣе, чѣмъ обычная деревенская жизнь. И человѣку естественно научиться тому, что разумно, и подражать тому, что благообразно.

Такъ бываетъ въ наше время. Такъ оно было и встарь. Какой-либо кіевлянинъ, попавшій по торговымъ или инымъ дѣламъ въ Константинополь, видѣлъ передъ собою не курныя избы, какъ на родинѣ, а великолѣпные дома, роскошные храмы, видѣлъ людей, живущихъ весело и пріятно. Удержаться отъ подражанія было мудрено. Конечно, человѣкъ легкомысленный подражалъ чисто внѣшнимъ образомъ, подобно нынѣшнему деревенскому парню, который думаетъ, что совсѣмъ сталъ горожаниномъ, если надѣлъ пинжакъ и куритъ турецкія папиросы. Человѣкъ серьезный старался добраться до сути,—вникалъ въ греческую вѣру, стремился запастись отъ грековъ знаніями. По свидѣтельству арабовъ, уже при Аскольдѣ, Дирѣ многіе „руссы“ приняли христіанство. Возможно, что среди войска, напавшаго въ 866 г. на Константинополь, было не мало христіанъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого нападенія, какъ уже упомянуто, въ Кіевѣ была учреждена подчиненная константинопольскому митрополиту епархія. За 40 лѣтъ до крещенія Владимира въ Кіевѣ была соборная Ильинская церковь (по словамъ лѣтописцевъ, Ильинскій соборъ находился „надъ ручьемъ въ концѣ Пасыньчевой улицы и Хозарской“). Потомъ приняла христіанство кіевская княгиня Ольга. Внукъ ея Владимиръ послалъ въ Константинополь сватовъ, прося выдать за него замужъ сестру императора Анну. Породниться съ самимъ императоромъ для князя „варварской страны“ считалось великою честью. Это все равно, какъ если бы теперь, на-

примѣръ, бухарскій эмиръ посватался къ дочери германскаго императора. Владимиръ понималъ это. И прежде чѣмъ послать сватовъ, напалъ на крымскія владѣнія императора и взялъ осадой, между прочимъ, одинъ изъ важнѣйшихъ греческихъ городовъ въ этомъ мѣстѣ — Корсунь. Опасаясь за другія свои владѣнія, императоръ отвѣтилъ на сватовство, что онъ бы и не прочь выдать сестру, но она христіанка, и не можетъ, по христіанскому закону, выйти замужъ за идолопоклонника. Владимиръ возразилъ, что это препятствіе легко устранить, такъ какъ онъ готовъ креститься. Въ императорской семьѣ родству съ кіевскимъ княземъ мало обрадовались. Однако, пришлось, скрѣпя сердце, покориться. Въ 988 г. Владимиръ принялъ крещеніе и породнился съ византійскимъ императоромъ.

Въ книжкахъ для русскихъ школъ обыкновенно говорится, что крещеніе Владимира было вмѣстѣ съ тѣмъ и крещеніемъ Руси, крещеніемъ народа. Это также не совсѣмъ вѣрно. Даже въ такомъ близкомъ отъ Кіева городѣ, какъ Брянскъ, христіанство утвердилось лишь около 100 лѣтъ спустя послѣ смерти Владимира. Въ Ростовѣ-Ярославскомъ проповѣдникъ христіанства Леонтій былъ убитъ народомъ около 1070 г., т. е. не меньше, какъ черезъ 80 лѣтъ послѣ крещенія Владимира. И въ томъ же Ростовѣ даже нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ смерти Леонтія стояла на площади статуя стараго русскаго бога Велеса, которому народъ продолжалъ поклоняться.

Правда, и самъ Владимиръ и преемники его старались наказаніями и угрозами отвратить народъ отъ поклоненія старымъ богамъ. И въ Кіевѣ, напримѣръ,—это, если по внѣшности судить, подѣйствовало. Здѣсь Владимиръ объявилъ, что всѣ должны явиться въ назначенный день и часъ для крещенія, а кто не явится, тотъ будетъ наказанъ за ослушаніе. И кіевляне не ослушались. И не бунтовали, когда княжескіе слуги стали уничтожать статуи старыхъ боговъ. Но четыре года спустя епископъ Іоакимъ явился въ Новгородъ, приказалъ старые жертвенники уничтожить, статуи боговъ побить, а статую главнаго бога Перуна высѣчь, вымазать каломъ и бросить въ рѣку Волховъ. Новгородцы возмутились,

и ихъ пришлось „крестить огнемъ и мечемъ“, т. е. бунтовщики были убиты, а значительная часть города сожжена. Наконецъ, крещеные подъ страхомъ огня и меча далеко не всегда отвращались отъ старыхъ боговъ. Не менѣе двухсотъ лѣтъ послѣ Владимира на ряду съ христіанскими священниками пользовались почетомъ языческіе жрецы. И, помолившись христіанскому Богу, люди не забывали помолиться Перуну, чтобъ не убилъ громомъ, Велесу, какъ покровителю скота, Даждь-Богу, чтобъ послалъ урожай. Поклоненіе старымъ богамъ совершалось либо на задворкахъ, либо въ лѣсу. И много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ народъ сталъ служить молебны отъ грома въ церквахъ,—конечно не Перуну, а Ильѣ пророку, а отъ скотскаго падежа не Велесу, а святому Власію. Такъ что „крещеніе Руси“ продолжалось долго, — нѣсколько сотъ лѣтъ.

Какую же вѣру приняла Русь послѣ крещенія Владимира? Вопросъ кажется дикимъ. Повидимому, совершенно ясно, что Русь приняла вѣру христіанскую. Однако, многимъ это представляется далеко неяснымъ. Шестьсотъ лѣтъ спустя послѣ смерти Владимира среди шведскихъ ученыхъ возникъ вопросъ, можно ли считать русскихъ христіанами. Ученый шведъ Иванъ Ботвидъ хотя и не безъ труда, но все же доказывалъ, что русскихъ нужно признавать христіанами. Тѣмъ не менѣе и въ наше время споръ этотъ въ сущности нельзя считать рѣшеннымъ. Недавно, напримѣръ, вышла книга князя Урусова: „Записки губернатора“. И между прочимъ, кн. Урусовъ пишетъ: „русское (православное) населеніе по своимъ обрядамъ и по своимъ вѣрованіямъ близко стоитъ къ идолопоклонству“. Это одно мнѣніе. Но рядомъ съ нимъ есть другое, совершенно противоположное.

Около того времени, когда въ Швеціи шелъ споръ, можно ли считать русскихъ христіанами, пріѣзжалъ въ Москву анітохійскій патріархъ Макарій. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ необыкновенно продолжительныхъ церковныхъ службъ въ Россіи и необыкновенно строгаго соблюденія постовъ. Сопровождавшій патріарха дьяконъ Павелъ высказался такъ:

— „Всѣ русскіе непремѣнно попадутъ въ святые;

они превосходятъ своею набожностью самихъ пустынножителей“.

Какое же изъ этихъ двухъ мнѣній надо считать правильнымъ?

Владиміръ, обвѣнчавшись съ византійской царевною Анной, привезъ съ собою въ Кіевъ греческое духовенство и греческихъ проповѣдниковъ. По его приказанію, кіевляне вошли въ рѣку Днѣпръ, а духовенство прочитало въ это время молитвы, какія полагаются при крещеніи. До этого они не считались крещенными, и вѣрили, что есть главный Богъ, который сотворилъ міръ, и есть боги второстепенные, изъ которыхъ каждый управлялъ своею частью: Велесъ животными, Даждь-Богъ растеніями, лѣшій слѣдитъ за порядкомъ въ лѣсу, водяной за порядкомъ въ водѣ и т. д.; наконецъ, при каждомъ домѣ приставленъ особый маленькій богъ—домовой, который и наблюдаетъ порядокъ въ своемъ участкѣ, и котораго надо почитать, какъ „хозяина“. Послѣ погруженія въ Днѣпръ кіевляне стали считаться крещеными. Но оставили ли они свою старую вѣру? И если оставили, то чему научились вѣрить?

По правиламъ православной каѳолической церкви, они должны были бы прежде всего повѣрить ученію о трехъ ипостасяхъ. Но это ученіе и во времена первыхъ вселенскнхъ соборовъ было доступно лишь высоко-развитому уму философа. Простому народу даже въ Греціи оно осталось недоступно.

Русь была населена бѣднымъ, полудикимъ народомъ который не могъ ни одного слова понять въ ученіи о трехъ ипостасяхъ. И громаднымъ большинствомъ русскаго крестьянства, напр., оно до сихъ поръ остается непонятымъ. До сихъ поръ въ Россіи изъ десяти православныхъ едва ли одинъ найдется, который сможетъ прочесть съ грѣхомъ пополамъ составленный первыми соборами символъ вѣры, и, быть можетъ, только изъ ста одинъ сумѣетъ своими словами сказать, о чемъ въ этомъ символѣ вѣры говорится.

Но, можетъ быть, русское населеніе оставило прежнюю вѣру? Можетъ быть, исчезла среди народа вѣра въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ водяныхъ, въ русалокъ?

Однако, всѣ знаютъ, что эта вѣра сохраняется по нынѣшній день. Конечно, въ ней многое измѣнилось. Перемѣнились прежде всего названія. Прежде полагали, напр., что громомъ завѣдуетъ Перунъ. Впослѣдствіи стали думать, что эта часть находится подъ управленіемъ Ильи пророка. Прежде вѣрили, что за порядкомъ среди животныхъ наблюдаетъ Велесъ. Впослѣдствіи стали вѣрить, что спеціальное наблюденіе надъ животными поручено святому Власію. Измѣнилось и кое-что по существу: раньше домового и лѣшаго, напр., считали хотя и низшими, но богами, впослѣдствіи ихъ стали считать сродни нечистой силѣ, хотя домового до сихъ поръ зовутъ „хозяиномъ“, который можетъ оказать большую помощь, если ему угодить. Такимъ образомъ, едва ли можно сказать, что старая вѣра исчезла.

Прежде „руссы“ были идолопоклонниками. Что это значитъ? По ученію Христа, человѣкъ долженъ жить любя ближнихъ, полагая душу свою за други своя. „Милости хочу, а не жертвы“, — сказано въ Евангеліи. Человѣкъ долженъ уподобиться Богу въ дѣлахъ любви и милосердія. Идолопоклонникъ смотритъ иначе. Для него главное—поклониться, принести жертву, дать богу что-либо такое, что ему особенно нравится. Идолопоклонникъ смотритъ на Бога, какъ лакей на барина,—сдѣлай такъ, какъ барину нравится, и онъ тебя наградитъ. Что нравилось прежнимъ богамъ, — объ этомъ „руссы“ знали отъ жрецовъ. По словамъ жрецовъ, боги любили вкусно покушать, и потому богъ очень доволенъ, если около него зарѣзать корову и сжечь. Временами появлялись и у главныхъ боговъ и у маленькихъ, вродѣ домового, просто капризы и причуды. Вдругъ тотъ или другой богъ захочетъ, напр., чтобы никто не смѣлъ касаться какой-либо вещи, или не смѣлъ подходить къ какому-либо мѣсту. Идолопоклоннику оставалось лишь принять къ свѣдѣнію это барское желаніе и подчиниться. Это было до распространенія православія. Но вотъ православіе стало распространяться, и утвердилось, напримѣръ, такое повѣрье: если заказать священнику 10 обѣденъ, то Богъ прощаетъ грѣхи за 4 мѣсяца, если 20, то прощаются грѣхи за 8 мѣсяцевъ, а если 30 обѣденъ, то Богъ прощаетъ грѣхи за годъ. Повѣрье основыва-

лось на томъ, что Богъ очень любитъ, чтобы Ему служили обѣдни. Спустя лѣтъ полтораста послѣ смерти Владимира епископъ новгородскій Нифонтъ очень возмущался этимъ повѣрьемъ:

— Что это?—спрашивалъ онъ.—Если такъ, то человѣкъ богатый грѣшилъ бы безпрепятственно и только расплачивался бы за службу „обѣденъ"?..

Однако, чисто идолопоклонская вѣра, что Богъ любитъ обѣдни, въ значительной мѣрѣ сохранилась понынѣ. Много и другихъ чисто идолопоклонскихъ повѣрій сохранилось до сихъ поръ. Многіе православные еще и теперь убѣждены, что если переписать „Сонъ Богородицы", то прощается 7 смертныхъ грѣховъ, такъ какъ Богородицѣ очень нравится, когда переписываютъ Ея сонъ. И теперь еще есть убѣжденіе, что если хочешь, чтобы твои враги были наказаны, поставь Ивану Воину свѣчку „вверхъ ногами",—Иванъ Воинъ, дескать, очень любитъ, чтобы передъ нимъ стояли свѣчи свѣтильней внизъ. До сей поры существуетъ повѣрье, что Богъ очень любитъ колокола и за пожертвованный колоколъ прощаетъ 40 тысячъ грѣховъ. И понынѣ даже не рѣдкость встрѣтить міроѣда, который обижаетъ ближнихъ, раззоряетъ вдовъ и сиротъ, наживаетъ этимъ капиталъ, жертвуетъ на церковь колоколъ и искренно убѣжденъ, что онъ этимъ расквитался съ Богомъ за свои злыя дѣла. До сихъ поръ есть грабители, которые говорятъ: «ничего, схожу въ монастырь пѣшкомъ, — и Богъ проститъ, — Онъ любитъ, если въ монастырь пѣшкомъ идти». До сихъ поръ есть обидчики, которые увѣрены, что съ Богомъ можно расквитаться если поставить неугасимую лампаду, или рублевую свѣчку, или заказать акаѳистъ, сдѣлать на икону серебряную или золотую ризу, пожертвовать кусокъ шелковой матеріи: Богъ, дескать, любитъ неугасимыя лампады, толстыя свѣчи, акаѳисты, поклоны и т. д., и т. д. До сихъ поръ—много ли вы въ любомъ русскомъ городѣ или селѣ найдете людей, которые смыслъ вѣры въ Бога полагаютъ въ томъ, чтобы возвысить душу свою дѣлами любви и милосердія? А такихъ, которые норовятъ расквитаться съ Богомъ поклонами, свѣчами, акаѳистами, серебромъ и золотомъ,—такихъ въ любомъ мѣстѣ обильно. Въ этомъ

смыслѣ князь Урусовъ правъ: русское православное населеніе, дѣйствительно, по нынѣшній день остается близкимъ къ идолопоклонству.

Но правъ также и тотъ антіохійскій дьяконъ, который писалъ, что „русскіе превосходятъ набожностью самихъ пустынножителей". Надо знать, что принесли «руссамъ» греческіе проповѣдники, или, вѣрнѣе, что было отъ этихъ проповѣдниковъ усвоено. Сами греки выше всего ставили „подвигъ иноческій". Подвигъ этотъ при возникновеніи монашества распадался на двѣ части, или на двѣ ступени. Первая ступень состояла въ томъ, чтобы удалиться отъ людей, отъ мірскихъ заботъ и впечатлѣній, и въ удаленіи отъ міра изнурить свое тѣло постомъ и долговременною молитвою. Это—ступень низшая и подготовительная. Когда инокъ чувствовалъ, что его мысли далеки отъ мірскихъ заботъ, а тѣло достаточно изнурено, онъ приступалъ ко второй и главной ступени подвиговъ: путемъ усиленнаго сосредоточенія ума на одной только мысли о Богѣ онъ старался впасть въ состояніе экстаза, т. е. въ такое состояніе, когда человѣкъ перестаетъ видѣть, слышать, понимать окружающее, не чувствуетъ ни боли, ни холода, ни голода, ни жажды, и хотя живетъ, дышитъ, движется, но находится какъ бы въ безпамятствѣ, подобно лунатику. Стремленіе дойти до такого состоянія основывалось на вѣрѣ, что когда человѣкъ впадетъ въ экстазъ, то онъ живетъ только душою, а не тѣломъ, совершенно постигаетъ Бога и совершенно объединяется съ Богомъ, вполнѣ понимаетъ Божьи мысли, Божьи намѣренія и желанія. И потому-то, между прочимъ, считалось, что разъ человѣкъ довелъ себя до экстаза, значитъ,—онъ обладаетъ даромъ пророчества и ясновидѣнія.

Считалось такъ, что разъ человѣкъ еще при жизни довелъ себя до экстаза, до полнаго объединенія съ Богомъ, то и послѣ смерти душа его навѣрное останется въ единеніи съ Богомъ и прямо пойдетъ въ царство небесное. Впрочемъ, не всѣ согласились считать первую и подготовительную ступень монашества лучшимъ способомъ достигнуть экстаза. Нѣкоторая говорили, что гораздо вѣрнѣе и лучше можно освободить душу отъ вліянія тѣла быстрыми и безпорядочными движе-

ніями (вродѣ того, какъ на радѣньяхъ у хлыстовъ). Сторонники подготовительной ступени возражали, что хотя быстрыми и безпорядочными движеніями и можно довести себя до безпамятства, но это безпамятство быстро проходитъ, а если подготовлять себя по-монашески, то экстазъ можетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ. Но въ дѣйствительности и монашескій экстазъ проходилъ довольно быстро. А главное,—оказывалось, что и въ этомъ экстазѣ, какъ и въ экстазѣ послѣ хлыстовскихъ радѣній, человѣкъ не съ Богомъ сближается, и чувствуетъ себя далеко не по-божественному.

Теперь состояніе экстаза въ значительной мѣрѣ изучено. Это именно безпамятство,—какъ бы временный параличъ всего мозга. Довести свой мозгъ до разстройства и бездѣйствія можно и радѣньями, и изнуреніями, и употребленіемъ сильныхъ одурманивающихъ средствъ, вродѣ опіума и морфія. Нѣкоторыя изъ этихъ средствъ въ настоящее время употребляются врачами для операцій: если, напр., подъ кожу ноги вбрызнуть кокаина, то ногу можно отрѣзать, а человѣкъ, тѣмъ не менѣе, не будетъ чувствовать боли. Точно также и человѣка, впавшаго въ полный экстазъ, можно колоть иглами, ему не больно. Впавшій въ экстазъ перестаетъ понимать опасность, и, подобно лунатику, можетъ, напримѣръ, бродить по желобамъ крышъ, по скаламъ, надъ пропастью, куда здоровый человѣкъ не пойдетъ, а если и пойдетъ, то отъ головокруженія свалится. А главное,—впавшій въ экстазъ совершенно теряетъ власть надъ потребностями тѣла. Онъ часто не можетъ, напр., задержать испражненія. Точно также онъ не можетъ сдержать полового возбужденія, вотъ почему радѣнья, напр., часто заканчиваются свальнымъ грѣхомъ. И по той же, между прочимъ, причинѣ монаху, впавшему въ экстазъ, грезились на яву красавицы, и онъ гонялся за ними, пока не проходило безпамятство.

Въ этомъ и было монашеское несчастье. Человѣкъ годы жизни тратилъ на то, чтобъ подготовить себя къ состоянію экстаза. И когда разстраивалъ свое здоровье до такой степени, что, дѣйствительно, впадалъ въ экстазъ, то оказывался во власти «тѣлеснаго озлобленія». Монахи, однако, не приходили въ отчаяніе. Они говорили,—зна-

читъ, тѣло еще не достаточно изнурено; значитъ, первая подготовительная ступень еще не пройдена, и надо, стало быть, еще больше изнурить себя уединеніемъ, постомъ и молитвой.

Такое понятіе о монашествѣ было у грековъ. Цѣль монашества—войти заживо въ полное сліяніе съ Богомъ; это главная и высшая ступень. Средство для этого — удаленіе отъ міра и изнуреніе плоти: это—первоначальная и низшая, подготовительная ступень. Въ Россіи цѣль иночества, его главная и высшая ступень, была просто не понята. Была понята лишь подготовительная ступень, да и то въ такомъ видѣ, что Богу пріятно, если человѣкъ удаляется отъ міра, Богу пріятно, если человѣкъ изнуряетъ себя постомъ, Богу пріятно, если человѣкъ долго молится, Богу пріятно, если человѣкъ борется съ своею половою потребностью. Монашеская жизнь была понята не какъ средство возвыситься до сліянія съ Богомъ, а какъ дѣло, которое само по себѣ угодно Богу.

Ученый греческій монахъ—если это былъ человѣкъ искренній—разумѣется, зналъ евангельскія слова: «молясь, не говорите лишняго, какъ идолопоклонники, ибо они думаютъ, что во многословіи своемъ будутъ услышаны» (Маѳ., VI, 7). Но онъ, тѣмъ не менѣе, молился долго и многословно, много разъ повторяя одну и ту же молитву, такъ какъ видѣлъ въ этомъ благочестивое упражненіе, которое помогаетъ изнурить тѣло и удалиться отъ мірскихъ заботъ. Одинъ изъ русскихъ иноковъ Спиридонъ «уже въ немолодыхъ годахъ научился грамотѣ и поставилъ себѣ за правило—всякій день прочитывать всю Псалтырь». И, по русскимъ понятіямъ, именно ежедневнымъ-то чтеніемъ «всей Псалтыри» онъ угождалъ Богу. Русскій человѣкъ понялъ дѣло такъ, что чѣмъ дольше молиться, тѣмъ пріятнѣе Богу. Отсюда необыкновенно продолжительныя молитвы и многочасовыя богослуженія. И когда уже упомянутый мною патріархъ Антіохійскій Макарій попалъ въ Россію, и здѣсь ему пришлось ежедневно выстаивать восьмичасовыя церковныя службы, онъ былъ крайне изумленъ и, конечно, изнуренъ. «Мы совершенно ослабѣли—жаловались приближенные патріарха.—Мы испытываемъ такое мученіе, какъ на пыткѣ».

Греческій ученый монахъ—опять таки я говорю о людяхъ искреннихъ—хорошо зналъ, что евангельское ученіе вовсе не требуетъ, чтобы человѣкъ мучилъ себя, напр., веригами, нанесеніемъ себѣ ранъ и т. п. И тѣмъ не менѣе иногда надѣвалъ вериги, растравлялъ раны, такъ какъ видѣлъ въ этомъ благочестивое упражненіе, которое помогаетъ приблизиться къ экстазу. Среди русскихъ монаховъ были такіе, которые нагими садились на муравьиную кучу или около осиныхъ гнѣздъ. Монахъ Кіевскаго печерскаго монастыря Ѳеодосій, напр., «иногда въ знойную ночь нагой отдавалъ свое тѣло въ пищу комарамъ и мошкамъ,—кровь текла по немъ, а онъ спокойно прялъ волну». Онъ же старался, чтобы у него было какъ можно больше вшей и ради этого «никогда не омывалъ тѣла водою». И по русскимъ понятіямъ, именно то-то и пріятно Богу, что вотъ тѣло человѣческое ѣдятъ комары, мошки и вши. Въ Россіи оказалось, что можно угодить Богу, если отдать свое тѣло на съѣденіе насѣкомымъ, если ходить босикомъ по морозу, если обмотать себя желѣзною цѣпью,—такъ какъ, по русскимъ понятіемъ, все это Богъ любитъ.

Греческій ученый монахъ — если опять-таки онъ искренній человѣкъ—зналъ цѣну половой потребности. Это потребность жить въ супружествѣ и имѣть дѣтей, а, значитъ, и обязываться работой и заботой. Обязавшись супружествомъ и дѣтьми, надо жить на міру, въ постоянномъ общеніи съ людьми. Такая жизнь не грѣхъ. Но, живя ею, нельзя дойти до состоянія экстаза, въ коромъ многіе еще во времена Плотина надѣялись заживо слиться съ Богомъ. И вотъ, стремясь къ экстазу, ученый греческій монахъ старался побороть въ себѣ потребность пола. Не спасеніе въ этомъ, повторяю, онъ видѣлъ, а лишь средство подняться на высшую ступень подвига иноческаго. Одинъ изъ русскихъ монаховъ, по имени Іоаннъ, такъ «спасалъ себя отъ оскверненія плотскаго»:

«Онъ обвилъ все тѣло свое желѣзными цѣпями. Вначалѣ три года сряду проводилъ онъ по 2 и по 3 дня безъ пищи, а иногда и цѣлую недѣлю... Но страсть плотская не потухала». Потомъ «затворился въ самой тѣсной

и темной пещерѣ и провелъ въ сей пещерѣ 30 лѣтъ... но страсть плотская не потухала». Спасаясь отъ влеченія помысловъ, «Іоаннъ рѣшился на подвигъ, болѣе тяжкій: выкопалъ яму, сѣлъ по грудь и засыпалъ себя землею... Ноги его горѣли, жилы корчились, жаръ пожиралъ внутренность, но онъ радовался духомъ, не чувствуя грѣховнаго огня...»

И по русскихъ понятіямъ, тутъ все дѣло въ томъ, что отнята всякая возможность поддаться половому чувству, такъ какъ это, дескать, и любитъ Богъ, это именно и угодно Ему.

И благочестивые люди такъ старались угодить Богу, что своимъ усердіемъ превосходили, по справедливому замѣчанію антіохійскаго діакона, даже египетскихъ пустынножителей. Но Бога они научились понимать не такъ, какъ говорится въ Евангеліи, и не совсѣмъ такъ, какъ установлено вселенскими соборами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вліяніе богумильства. Приверженность къ обрядамъ.

Почти одновременно съ греческой вѣрой въ Кіевъ проникло манихейское ученіе, видоизмѣненное, по преданію, какимъ-то болгарскимъ монахомъ Богумиломъ и называемое обыкновенно богумильской ересью. Родоначальникомъ этого ученія былъ священникъ Манесъ, жившій въ одно время съ Плотиномъ. Манесъ не призналъ ученія о трехъ ипостасяхъ. По его мнѣнію, оно не объясняетъ, почему на землѣ такъ много зла. Онъ училъ, что, кромѣ добраго Бога, есть равносильный ему злой богъ,—дьяволъ. Въ человѣкѣ тѣло сотворено дьяволомъ, а душа Богомъ. Вотъ почему человѣкъ долженъ

все дѣлать наперекоръ собственному тѣлу. Тѣло требуетъ, чтобъ человѣкъ женился. Значитъ, надо не покоряться этому дьявольскому внушенію, разъ навсегда уничтожить бракъ и соблюдать цѣломудріе. Тѣло требуетъ вкусной пищи,—значитъ, надо строго поститься. Тѣло имѣетъ пристрастіе къ вину, — значитъ, надо не пить вина. Манесъ не смогъ отвѣтить на многіе вопросы; напр.,—если тѣло человѣческое сотворено дьяволомъ, то какъ же понимать тѣло Христово? Въ 276 г., во время такихъ споровъ, Манесъ сильно разсердилъ своего покровителя персидскаго царя Барама и за это былъ распятъ на крестѣ. Богумильство сдѣлало изъ манесова или манихейскаго ученія нѣкоторые выводы. Міръ, по мнѣнію богумиловъ, вообще, сотворенъ дьяволомъ. И тѣло человѣческое въ томъ числѣ. А душа—часть Бога, украденная дьяволомъ. И она хочетъ соединиться съ Богомъ. Но дьяволъ всячески старается не выпустить ея изъ своихъ когтей. А старается онъ не выпустить ея отчасти изъ боязни, что если всѣ души уйдутъ къ Богу, то Богъ окажется сильнѣе дьявола и побѣдитъ его. Поэтому дьяволъ прельщаетъ души человѣческія оставаться на землѣ. И прельщенная душа томится въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ. Повинуясь потребностямъ тѣла, люди производятъ дѣтей, т. е. даютъ душу новымъ людямъ и, такимъ образомъ, дьявола радуютъ, а Бога лишаютъ возможности собрать свои силы и окончательно побѣдить духа злобы. Безполезно людей крестить, ибо какой смыслъ погружать тѣло, сотворенное дьяволомъ, въ воду, которая также сотворена дьяволомъ? Зачѣмъ причащать, ибо и хлѣбъ и вино отъ дьявола? Безполезны и всѣ вообще таинства. Не нужно и духовенство. Необходимо лишь стремиться къ освобожденію души отъ узъ дьявола. А для этого дѣйствительны главнымъ образомъ два средства: 1) не давать души новымъ людямъ, т. е. не вступать въ супружество и не имѣть дѣтей; 2) бороться со всѣми потребностями тѣла, какъ съ кознями дьявольскими, а для этого, между прочимъ, необходимъ строгій постъ.

Любопытно, что богумильское ученіе нашло приверженцевъ даже среди языческихъ жрецовъ. Жрецы около Бѣлаго озера, напр., говорили слушателямъ своимъ, что

тѣло сотворено дьяволомъ.*) Но и среди крещеныхъ людей распространилось убѣжденіе въ необыкновенное могущество дьявола. Утвердилась несовмѣстимая съ каѳолическимъ ученіемъ вѣра, что дьяволъ имѣетъ свое царство, и что дьявольскою силою напоено все на землѣ. Нечистая сила сидитъ въ водѣ, и потому прежде чѣмъ пить воду, необходимо изгнать изъ нея бѣса крестнымъ знаменіемъ. Нечистою силою напоенъ воздухъ, и потому, когда зѣваешь, надо немедленно заградить ротъ отъ дьявольскаго вторженія крестомъ. Просѣявъ муку, чтобы печь хлѣбы, хозяйка должна изгнать изъ нея дьявола—опять-таки крестнымъ знаменіемъ.

Далѣе новокрещенному человѣку богумильство вполнѣ удовлетворительно объясняло, почему Богъ любитъ труды монашескіе. Въ самомъ дѣлѣ, почему Богу угоденъ человѣкъ, который закапываетъ себя въ землю, чтобы побороть половое чувство? Да потому, что чувство это отъ дьявола. Почему Богу пріятно, когда человѣкъ отдаетъ свое тѣло на съѣденіе насѣкомымъ? Да потому, что тѣло отъ дьявола. Почему Богъ любитъ человѣка, который моритъ себя голодомъ? Да потому, что чувство голода тоже отъ дьявола... И достойно замѣчанія, что со стороны русскаго духовенства всего меньше встрѣтила возраженій эта самая главная, основная часть богумильскаго ученія—о могуществѣ дьявола и о дьявольской природѣ тѣлесныхъ потребностей человѣка.

Зато выводы богумильства, что не нужно таинствъ и духовенства, встрѣтили сильный отпоръ. Когда въ Кіевѣ богумильскій проповѣдникъ Адріанъ заговорилъ противъ обрядовъ и духовенства, его предали анаѳемѣ и посадили въ темницу. Знаменитѣйшій изъ богумильскихъ вѣроучителей Василій былъ схваченъ и сожженъ на кострѣ (въ Константинополѣ). Манихейское и богумильское ученіе отразилось, между прочимъ, на общеизвѣстныхъ разсказахъ о 40-дневныхъ мытарствахъ души по исходѣ изъ тѣла. Въ этихъ разсказахъ дьяволъ

*) Сотвореніе человѣка русскіе жрецы, между прочимъ, объясняли такъ. Однажды Богъ мылся и забылъ мочалку. Дьяволъ эту мочалку укралъ. Изъ глины онъ надѣлалъ человѣческія тѣла. А капли изъ мочалки стали душами.

изображается злобнымъ и могучимъ властелиномъ, слуги котораго все время ведутъ споръ съ ангелами Божіими. Разсказамъ о могуществѣ сатанинской власти, которая 40 дней мучитъ душу новопреставленнаго, благочестивые люди въ Россіи охотно вѣрили. И подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ доведенъ былъ до крайностей обычай „сорокоуста", т. е. сорокодневныхъ молитвъ священника по усопшемъ, причемъ, какъ извѣстно, усиленныя молитвы совершаются въ 9, 20, и 40 день, такъ какъ, по разсказамъ о мытарствахъ, именно въ эти дни дьяволъ вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ Богомъ, дабы овладѣть душою. Русскіе такъ были убѣждены, что сорокадневными молитвами заклинается власть дьявола, что заказывали сорокоустъ при жизни и требовали, чтобы онъ былъ отслуженъ также при жизни. Впрочемъ, впослѣдствіи было запрещено совершать сорокоустъ надъ живыми.

„Лучше - сказалъ по этому поводу новгородскій епископъ Нифонтъ — поручать знакомому совершить это послѣ смерти, а если и принять сорокоустъ надъ живымъ, то надо объявить этому живому, чтобы онъ непремѣнно воздерживался отъ грѣховъ: вѣдь, мертвецъ не грѣшитъ".

Кромѣ вѣры въ заклинательную силу сорокоуста, была распространена вѣра въ заклинательную силу особой молитвы, написанной Ѳеодосіемъ Печерскимъ, которую переписывали на бумагѣ и давали мертвецу въ руки. Обычай заказывать сорокоустъ и давать мертвецу бумагу съ молитвой уцѣлѣлъ до сихъ поръ. Нынѣ сорокадневныя молитвы объясняютъ не какъ заклятіе надъ дьяволомъ, а какъ прошеніе къ Богу, дабы Онъ оказалъ усопшему милосердіе. Бумага съ молитвою теперь называется молитвой разрѣшительной.

Богумилы, считая тѣло дьявольскимъ порожденіемъ, дѣлали выводъ, что крещеніе не нужно. Русскіе благочестивые люди также считали тѣло исполненнымъ дьявольской прелести. Но дѣлали отсюда другой выводъ. Они считали крещеніе дѣломъ настолько важнымъ, настолько обезсиливающимъ дьявола, чте крестили не только живыхъ, но и мертвыхъ. Напр., по распоряженію князя Ярослава и митрополита Ѳеопемпта, кости двухъ

братьевъ Владимира, умершихъ язычниками, были вырыты изъ земли, крещены въ купели и затѣмъ снова погребены, но уже въ церкви Богородицы. Произошло это по вѣрѣ, что крещеніемъ налагается заклятіе на дьявола, и онъ теряетъ власть надъ душею усопшаго. Русскіе до сихъ поръ о вѣроисповѣданіи своемъ говорятъ: „мы по крещеной вѣрѣ“, „мы крещеные“ (отюда: крестіане, крестьяне), т. е. главнымъ считается не столько ученіе Христа, сколько обрядъ крещенія.

Такимъ образомъ, хотя новая русская вѣра сложилась не безъ вліянія манихейства и богумильства, однако, она крѣпко держалась православнаго, греческаго обряда.

„Міръ во злѣ лежитъ“, „въ мірѣ царствуетъ дьяволъ“,—это чисто богумильское убѣжденіе распространялось не только подъ непосредственнымъ вліяніемъ богумильства, но и благодаря жестокимъ событіямъ того времени. Владиміръ передъ смертью раздѣлилъ свое царство (или, по тогдашнему, каганство) между своими сыновьями. Но едва онъ умеръ, какъ два любимыхъ его сына Борисъ и Глѣбъ были убиты старшимъ братомъ Святополкомъ. И затѣмъ на 200 слишкомъ лѣтъ вся Русь обратилась въ сплошную страну раздора. Князья непрестанно воевали другъ съ другомъ, то за старшинство, или за право называться „каганомъ“ т. е. великимъ княземъ, то за спорныя земли. Нынѣ побѣждалъ одинъ, и отдавалъ завоеванныя города своему войску на разграбленіе. Черезъ годъ или два побѣду одерживалъ другой, и чтобы наградить войско, опять отдавалъ города и села на разграбленіе. И такъ воевали не чужіе люди, а братъ съ братомъ, дядя съ племянникомъ, сынъ противъ отца и отецъ противъ сына. Всѣ они были „крещеной вѣры“. И почти каждый набиралъ себѣ войско, между прочимъ, изъ дикихъ кочевыхъ некрещеныхъ народцевъ и въ награду отдавалъ этимъ народцамъ крещеные города и села вмѣстѣ съ церквами и монастырями „на разживу“. И такъ какъ такое повальное убійство и грабежъ тянулось почти безъ перерыва 200 лѣтъ, то благочестивымъ людямъ было естественно воспитать въ себѣ увѣренность:

— Правы богумилы; въ мірѣ, дѣйствительно, царствуетъ врагъ рода человѣческаго—дьяволъ.

На опустошенную и раздробленную княжескими междоусобіями страну неожиданно нагрянули татары, испепелили Русь и наложили на нее иго. Новый владыка Руси татарскій ханъ объявилъ себя „силою Божіею“ повелителемъ всѣхъ людей“. На ханской печати стояли слова: „Богъ на небѣ, а ханъ на землѣ“. Ханъ ставилъ князей. Ханъ опредѣлялъ, кому быть старшимъ. Крещеные князья ѣздили къ нему на поклонъ. И, угождая хану, поклонялись идоламъ. Нельзя было иначе. Князь Михаилъ Черниговскій отказался поклониться идоламъ и, по приказанію хана, былъ преданъ за это мучительной смерти. Этого мало. Крещеные князья доносили другъ на друга хану и продолжали воевать другъ съ другомъ. Такъ, напр., племянникъ тверского князя Михаила Георгій московскій, „три года пресмыкался“ при ханскомъ дворцѣ, задаривалъ ханскихъ министровъ, женился на сестрѣ хана, выклянчилъ себѣ званіе великаго князя, съ „толпою татаръ и татарскимъ воеводою Кавгадыемъ“ возвратился въ Москву, напалъ на дядю своего Михаила и „сталъ жечь села и города“ тверского княжества. Понятно, къ какому выводу приходили тогдашніе благочестивые люди:

— Богъ, дѣйствительно, на небѣ. До него высоко. А на землѣ ставленникъ дьявола,—ханъ. Не силою Божіею онъ повелѣваетъ людьми, а силою дьявольскою...

„Міръ во власти дьявола“. И единственнымъ средствомъ спастись отъ этой власти казалось —уйти въ монастырь, отказаться отъ міра, принять иночество. Въ разсказахъ о знаменитой Куликовской битвѣ московскаго князя Дмитрія Донского съ татарскимъ ханомъ Мамаемъ упоминаются, между прочимъ, два монаха Пересвѣтъ и Ослябя. Оба пошли въ бой съ татарами. И оба по этому поводу приняли схиму. По монашескому положенію, схиму слѣдуетъ принимать только тому, кто уже прошелъ первую подготовительную ступень иночества, и кому нужно полное удаленіе отъ людей, чтобъ слиться съ Богомъ въ экстазѣ. На взглядъ ученаго греческаго монаха, совершенная безсмыслица принимать схиму передъ походомъ въ рядахъ многочисленнаго войска и передъ сраженіемъ, гдѣ придется хитрить, обманывать непріятеля, убивать людей. Но по русскимъ

понятіямъ, тутъ все дѣло именно въ произнесеніи обѣта схимническаго, обѣта полнаго отреченія отъ міра: разъ, молъ, человѣкъ совершенно отрекся отъ міра, значитъ онъ совершенно отрекся и отъ владыки міра—дьявола. И почему же отрекшемуся отъ дьявола схимнику не убивать слугъ дьявольскихъ—татаръ?

Правда, въ полчищахъ Мамая, съ которымъ сражался Дмитрій Донской, были и «крестіане». Часть татаръ задолго до Куликовской битвы приняла крещеніе отъ русскаго духовенства. И при татарской ордѣ былъ поставленъ особый сарайскій епископъ. Схимникъ Пересвѣтъ или схимникъ Ослябя не могли знать, какого они „татарина" убиваютъ,—крещенаго или некрещенаго. Такъ какъ обычай постригаться въ монахи передъ смертью или передъ смертельною опасностью былъ широко распространенъ, то возможно, что нѣкоторые „крестіане", вынужденные сражаться подъ знаменами Мамая, такъ же приняли иноческое постриженіе, какъ и нѣкоторые воины Дмитрія Донскаго. Приходилось идти на то, что, быть можетъ, убьешь не только „крестіанина", но монаха, который отрекся отъ міра, а стало быть и отъ дьявола. Но наши пращуры въ это не углублялись. Они вѣрили, что разъ человѣкъ отрекся при жизни отъ міра,—значитъ, дьявольская власть надъ нимъ заклята. И потому каждый благочестивый человѣкъ старался хотя бы передъ смертью постричься въ монахи. Если человѣкъ былъ тяжко боленъ и впадалъ въ предсмертное безпамятство, то его близкіе все таки просили священника постричь умирающаго въ монахи, т. е. прочесть надъ нимъ молитвы объ отреченіи отъ міра. Это считалось на столько необходимымъ, что возникъ даже вопросъ, какъ быть, если тяжко болящій не сознаетъ, что смерть близка, и не согласенъ принять постригъ? не слѣдуетъ ли такого болящаго, ради спасенія души его отъ власти дьявольской, постригать силкомъ? Вопросъ этотъ былъ перенесенъ въ 1301 г. на разрѣшеніе константинопольскаго собора, на которомъ присутствовалъ русскій митрополитъ Максимъ и сарайскій епископъ Ѳеогностъ. Соборъ рѣшилъ, что постригать насильно нельзя. Однако, въ виду всеобщаго желанія, чтобы надъ умирающимъ были прочитаны постригальныя молитвы, заклинающія власть

дьявола, тѣмъ же соборомъ было постановлено, что обрядъ постриженія въ монахи можетъ совершать не только священникъ, но и дьяконъ и даже причетникъ.

Случалось, разумѣется, что тяжко больной, надъ которымъ уже прочитаны постригальныя молитвы, выздоравливалъ. Но въ такомъ случаѣ онъ оставался монахомъ. Епископы передъ смертью обыкновенно полностью отрекались отъ міра, т. е. принимали схиму. И соборъ 1301 г. постановилъ: „если епископъ въ болѣзни пострижется въ схиму, а потомъ выздоровѣетъ,—не должно быть ему опять епископомъ, но да будетъ, какъ монахъ“. Такимъ образомъ постановленіе второ-перваго собора (въ 861 г.), запретившаго монаху быть архіереемъ, было измѣнено въ томъ смыслѣ, что собственно лишь схимникъ не можетъ быть епископомъ; обычай же назначать въ епископы монаховъ укрѣпился и сталъ закономъ.

Вѣра, что для спасенія души необходимо отречься отъ міра, укрѣпилась. И по этой причинѣ въ Россіи съ чрезвычайной быстротой росли и умножались монастыри. Одинъ только Сергій Радонежскій, основатель Троице-Сергіевской лавры, при помощи своихъ учениковъ и почитателей при жизни своей успѣлъ основать не менѣе 15 обителей. Было это лѣтъ четыреста спустя послѣ кн. Владиміра при Дмитріи Донскомъ. Съ такимъ же успѣхомъ при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра содѣйствовали насажденію монастырей, Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, основатели Кіево-Печерской Лавры *). И такъ

*) Кіевская Лавра была первымъ по времени монастыремъ въ Россіи. Пещеры ея до сихъ поръ славятся. Онѣ развѣтвляются по всей Печерской части Кіева. Надо замѣтить, что такіе же пещеры встрѣчаются во многихъ мѣстахъ нынѣшней Кіевской губ. (напр. въ Бердичевѣ). Есть онѣ и въ сосѣднихъ губерніяхъ. О происхожденіи этихъ пещеръ наиболѣе вѣроятна слѣдущая догадка. Кіевская губернія принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей, которыя были заселены въ глубокую старину, когда люди еще не умѣли обрабатывать металлы и употребляли каменные топоры, каменные ножи и вообще каменное оружіе (каменный вѣкъ). Въ тѣ отдаленныя времена люди не умѣли строить теплыхъ надземныхъ жилищъ и вырывали себѣ ходы и норы подъ землей. Поэтому людей того времени теперь называютъ также «пещерными людьми». Судя по обилію подземныхъ ходовъ, можно думать, что на мѣстѣ нынѣшняго Кіева былъ нѣкогда многолюдный поселокъ пещерныхъ людей. Повидимому, надъ такимъ поселкомъ и воздвигнута Кіевская лавра.

какъ Печерская Лавра древнѣйшая въ Россіи, то примѣру первыхъ кіевскихъ монаховъ долго старались слѣдовать и всѣ другіе русскіе иноки. Такъ, напр., Никита, столпникъ переяславскій, однажды, подражая Ѳеодосію Печерскому, раздѣлся до нага, сѣлъ въ топкое мѣсто и сидѣлъ, покуда комары и мошки искусали его до крови. Другой монахъ Димитрій, основатель прилуцкаго монастыря (близъ Вологды), круглый годъ носилъ на тѣлѣ только одинъ овчинный жесткій тулупъ: это помогало ему лѣтомъ страдать отъ жары, а зимою отъ холода, а сверхъ того, его жестоко мучили вши. Это опять таки подражаніе Ѳеодосію Печерскому, который, какъ уже упомянуто выше, никогда не мылъ тѣла водою. Монахъ Кипріанъ, основатель устюжскаго монастыря, старался побороть потребность сна. Съ этою цѣлью онъ во время ночной молитвы держалъ обѣими руками надъ головою увѣсистый камень. Когда дремота одолѣвала, камень, конечно, выскользалъ изъ рукъ падалъ на голову и, такимъ образомъ, будилъ Кипріана.

Но особенность русскаго православія заключалась не только въ глубокой вѣрѣ, что міръ во власти сатаны, и не въ томъ только убѣжденіи, что наше тѣло и тѣлесныя потребности отъ дьявола. Свыше 500 лѣтъ спустя послѣ Владимира князь Острожскій Константинъ, когда уже изобрѣтено было книгопечатаніе, рѣшилъ напечатать Библію. И тутъ оказалось, что во всей Россіи нѣтъ рукописной Библіи въ полномъ видѣ. Нѣкоторыхъ книгъ священнаго писанія совсѣмъ не оказалось; другія хотя и нашлись, но съ ошибками и извращеніями. Пришлось посылать нарочныхъ въ Константинополь, въ Сербію, въ Болгарію, чтобы собрать и исправить книги. Но этого

Антоній первымъ спустился въ пещеры и сталъ жить тамъ въ полномъ одиночествѣ («принялъ затворъ»). Его примѣру слѣдовали другіе монахи, углубляясь въ старинные подземные ходы и расширяя ихъ. Однако, за все время существованія лавры монахамъ удалось занять лишь небольшую часть этихъ ходовъ. Многія подземныя пещеры нынѣ лежатъ подъ частными домами Кіева. Въ Кіевѣ разсказываютъ, что нѣкоторые домовладѣльцы, открывъ при закладкѣ фундамента подземелье, провели туда стоки для нечистотъ и пользуются этими стоками по сей день. Однако, за вѣрность такихъ разсказовъ ручаться нельзя.

мало. Богатѣйшій князь Константинъ не могъ найти знающихъ людей, чтобы выполнить эту работу; онъ вынужденъ былъ пригласить людей, мало подготовленныхъ; одинъ изъ нихъ, напримѣръ, пишетъ о себѣ, прося извиненія за промахи и ошибки:

„Я составилъ, поскольку могъ при маломъ моемъ смыслѣ, ибо училища никогда не видѣлъ".

Иначе говоря, въ теченіе 500 лѣтъ даже высшее русское духовенство не имѣло возможности знать священное писаніе. И, видимо, не искало этой возможности — ибо иначе Константинъ могъ бы достать въ Россіи Библію. Но не только Библіи не знало духовенство. Сами духовныя лица жаловались, что они даже на счетъ церковныхъ правилъ ходятъ во тьмѣ, тщетно стараясь „узнать истину въ облакѣ греческой премудрости". При московскомъ князѣ Иванѣ III, т. е. опять-таки спустя 500 лѣтъ послѣ Владимира, былъ такой случай. Строили тогда въ Москвѣ Успенскій соборъ. Сначала постройкой завѣдывали русскіе вельможи. Соборъ былъ достроенъ, но развалился, прежде чѣмъ его освятили. Пришлось выписать архитектора изъ-за границы. Подъ наблюденіемъ иностранца Успенскій соборъ былъ построенъ заново и стоитъ въ Москвѣ до сего дня. При освященіи собора митрополитъ Геронтій совершилъ вокругъ стѣнъ крестный ходъ, при чемъ шелъ слѣва направо. Уже послѣ освященія Иванъ III сообразилъ, что ходъ былъ не по солнцу, а противъ солнца. Князю показалось, что это неправильно. И онъ сильно разсердился. Во гнѣвѣ онъ упрекалъ митрополита, что соборъ уже однажды развалился. „А теперь ты—говорилъ Иванъ III—не по правилу поступилъ и тѣмъ гнѣвъ Божій на насъ навлекаешь". Однако, часть духовенства заступилась за Геронтія, говоря, что онъ поступилъ правильно. Другая часть, наоборотъ, укоряла митрополита въ неправильности. Геронтій ничего убѣдительнаго не смогъ сказать въ свое оправданіе и былъ удаленъ. А князь приказалъ „доискаться", какъ надо совершать крестные ходы,—по солнцу или противъ солнца. Взялись за это дѣло духовныя лица, много и долго спорили, но—говоритъ лѣтописецъ—„не обрѣтоша истины". Между тѣмъ соборъ не развалился. Другихъ признаковъ гнѣва Божія не было.

И смущенный князь попросилъ Геронтія снова быть митрополитомъ:

— Дѣлай,—сказалъ онъ—какъ по твоему архипасторскому разумѣнію лучше.

Другой случай былъ при внукѣ Ивана III Иванѣ Грозномъ. Оказалось, что въ однѣхъ рукописныхъ книгахъ въ символѣ вѣры значатся слова: „И въ Духа Святаго истиннаго животворящаго", а въ другихъ: „И въ Духа Святаго, Господа животворящаго". Спрашивается, какъ правильно читать, чтобъ Господь не прогнѣвался? И опять долго спорили, но „не обрѣтоша истины". И рѣшили на нѣкоторое время читать оба слова, т. е. такъ: „И въ Духа Святаго, Господа истиннаго животворящаго".

Гораздо раньше, еще при правнукахъ Владимира, шелъ не менѣе жаркій споръ о средѣ и пятницѣ. Леонъ, епископъ Ростовскій, увѣрялъ, что въ среду и пятницу даже на Пасху и въ дни святокъ нельзя ѣсть скоромное. Другіе говорили, что въ среду и пятницу отмѣняется постъ, если въ эти дни случится какой-либо праздникъ. Третьи говорили, что по случаю однихъ праздниковъ постъ въ среду и пятницу можно отмѣнять, а по случаю другихъ—нельзя. Спорили долго и горячо. Истина была обрѣтена только тогда, когда вмѣшался константинопольскій патріархъ. И какъ онъ сказалъ, такъ и стали дѣлать. Любопытно, что нѣкоторые монахи, напр. кіевской лавры, мнѣніе Леона о средѣ и пятницѣ называли „ересью леонтіанскою". Между тѣмъ, въ рукописныхъ книгахъ той-же лавры встрѣчаются, напр., такія выраженія: „Пресвятый Духъ Антоній". И это приравниваніе основателя лавры къ Третьему Лицу Троицы не считалось, повидимому, „ересью".

Словомъ, русское духовенство, дѣйствительно, долгое время не могло разобраться „въ облакѣ греческой премудрости". Не могло разобрать уже по той хотя-бы причинѣ, что совершенно не было книгъ на понятномъ для него языкѣ. Библія и церковныя книги были на греческомъ языкѣ, но греческаго языка въ Россіи почти никто не зналъ. А о томъ, чтобъ перевести ихъ на русскій языкъ никто по настоящему не заботился. Въ свое время патріархъ константинопольскій Фотій позаботился о болгарской

епархіи. Приглашенные имъ братья Кириллъ и Меѳодій перевели съ греческаго языка на болгарскій наиболѣе употребительныя богослужебныя книги и нѣкоторыя книги священнаго писанія (какъ, напримѣръ, Псалтырь, Дѣянія и Посланія апостоловъ, Евангеліе). О русской епархіи никто изъ патріарховъ не позаботился. А такъ какъ богослуженіе на греческомъ языкѣ было бы совершенно непонятно въ Россіи, то константинопольскій патріархъ рѣшилъ, что въ русской епархіи всего лучше отправлять службы на языкѣ болгарскомъ по книгамъ, переведеннымъ Меѳодіемъ и Кирилломъ. Эти книги и привезъ съ собою первый русскій митрополитъ Михаилъ изъ Константинополя. Патріаршее рѣшеніе было до извѣстной степени основательно, такъ какъ болгарскій языкъ близокъ къ русскому. Но все таки болгарскія книги были мало понятны въ Россіи.

Для подготовки духовенства Владимиръ приказалъ открывать школы. Главное вниманіе въ этихъ школахъ пришлось обратить на то, чтобъ научить читать и понимать болгарскія богослужебныя книги. Но негдѣ было найти учителей, хорошо знающихъ болгарскій и русскій языкъ и способныхъ справиться съ этимъ дѣломъ. Первый митрополитъ Михаилъ былъ грекъ, не знавшій ни ни русскаго, ни болгарскаго языка. Другіе митрополиты, которыхъ назначалъ константинопольскій патріархъ, часто также не знали ни русскаго, ни болгарскаго языка. И уже по этой одной причинѣ не могли слѣдить, правильно переписываются и правильно-ли понимаются болгарскія книги. Да и нельзя сказать, что они очень хотѣли за этимъ слѣдить, хотя въ русской митрополіи то и дѣло возникали вопросы, которые ясно свидѣтельствовали, что церковныя правила на болгарскомъ языкѣ понимаются весьма странно. Напримѣръ, правило, которымъ женщинѣ во время ея маточныхъ выдѣленій запрещается входить въ храмъ, было понято въ томъ смыслѣ, что мать въ теченіе сорока дней не смѣетъ кормить грудью своего новорожденнаго ребенка: такъ какъ, молъ, въ это время у матери происходятъ обычныя родовыя выдѣленія, и слѣдовательно, она оскверняетъ ребенка, если кормитъ его. При попыткѣ слѣдовать этому изобрѣтенному малоумными людьми правилу

младенцы умирали отъ голода, либо отъ несвойственной младенческому возрасту пищи, а матери поражались мучительною, а иногда и смертельною болѣзнью—„грудницею“. Въ концѣ концовъ митрополиту Іоанну пришлось рѣшать вопросъ: запрещаетъ Богъ матерямъ 40 дней кормить новорожденнаго, или не запрещаетъ? И уже одно появленіе такихъ вопросовъ показывало, какъ необходимы церковныя книги на понятномъ языкѣ.

Наиболѣе умные изъ князей видѣли это. Напр., сынъ Владимира Ярославъ одно время намѣревался измѣнить болгарскія книги такъ, чтобы они были понятны русскому населенію. Но онъ не смогъ приступить къ этому дѣлу. Да и не зналъ, какъ приступить. Работавшіе въ Болгаріи подъ руководствомъ ученаго патріарха Фотія Кириллъ и Меѳодій должны были сначала написать азбуку болгарскаго языка, затѣмъ изучить и составить болгарскую грамматику и только послѣ этой огромной работы можно было приступить къ переводу книгъ съ греческаго на болгарскій. Но составленная Кирилломъ азбука не вполнѣ соотвѣтствовала русскому языку (нынѣ она называется церковно-славянскою). А своей азбуки у русскихъ не было. Она появилась только при Петрѣ Великомъ. Русская грамматика совершенно не была изучена. Впервые за изученіе ея серьезно принялся уже послѣ Петра Великаго Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Оконченъ же трудъ Ломоносова нѣмцемъ Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ уже при императорѣ Александрѣ I. При такихъ условіяхъ русская епархія надолго принуждена была довольствоваться болгарскими книгами. А школы, открываемыя, напр., князьями Владимиромъ и Ярославомъ, могли обучать только церковной, т. е. болгарской, грамотѣ, пригодной только для чтенія малопонятныхъ болгарскихъ книгъ. Отчасти по этой причинѣ школы эти быстро захирѣли. И такъ какъ духовенства было взять неоткуда, то населенію было предоставлено находить себѣ священниковъ своими средствами.

Обыкновенно, прихожане, когда имъ нуженъ былъ попъ, отыскивали мало-мальски грамотнаго человѣка, который хоть какъ-нибудь умѣетъ читать церковныя книги. Уговорившись съ нимъ, его везли къ архіерею

на рукоположеніе. И вотъ—жаловался, напр., новгородскій архіепископъ Геннадій — „приведутъ ко мнѣ мужика“, надо его рукополагать въ попы. «Я велю ему Апостолъ читать, а онъ и ступить не умѣетъ. Велю Псалтырь дать, и по тому еле бредетъ. Велю хоть ектеніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ совсѣмъ другое. Велишь учиться грамотѣ, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если откажешься посвящать такого въ попы, прихожане жалуются: такова земля, господине: не можемъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ». Черезъ 500 лѣтъ послѣ Владимира само высшее духовенство признавало, что если не посвящать въ попы безграмотныхъ, «церкви будутъ безъ пѣнія, а христіане будутъ умирать безъ покаянія».

Но само высшее духовенство, т. е. митрополитъ съ архіепископами и епископами, было не «гораздо грамотно». Около 1550 г., т. е. при Иванѣ Грозномъ, высшее духовенство на такъ называемомъ Стоглавомъ соборѣ вынуждено было, между прочимъ, рѣшить вопросъ о томъ, какъ правильно читать символъ вѣры. Въ рукописныхъ книгахъ, по ошибкѣ писцовъ, было много неправильностей и искаженій. И выходило такъ, что сколько разныхъ ошибокъ надѣлали писцы, столько и символовъ вѣры читается въ Россіи. Соборъ рѣшилъ, какъ, по его мнѣнію, надо читать. И когда ученый грекъ Максимъ познакомился съ этимъ рѣшеніемъ, то пришелъ въ ужасъ. Оказывается, высшее духовенство велѣло, напр., читать, вмѣсто «Маріи Дѣвы,» «Изъ Маріи Дѣвы», вмѣсто «чаю воскресенія мертвыхъ», «чаемъ воскресенія мертвыхъ»; вмѣсто «жизни будущаго вѣка», «и жизни будущая вѣки». Иначе говоря, митрополитъ, архіепископы и архіереи не знали даже первоначальныхъ правилъ грамматики того языка, на которомъ совершается богослуженіе. Не даромъ одинъ образованный монахъ Троицкой лавры, по имени Арсеній, со скорбью писалъ о русскихъ, что они «не знаютъ ни православія, ни кривославія», и «не божественному писанію», а «черниламъ слѣдуютъ».

«Черниламъ слѣдуютъ»,—т. е. стараются съ буквальною точностью соблюдать каждое правило, не понимая,

какой въ немъ смыслъ, и не умѣя отличить важнаго отъ неважнаго. Я уже упоминалъ, какъ даже великій князь московскій боялся, что Успенскій соборъ развалится отъ того, что митрополитъ совершилъ крестный ходъ не по солнцу. Такъ же размышляли и подданные князя. Было, напр., такое мнѣніе, что если аллилуія сказать два раза, то Богъ помилуетъ, а если произнести въ третій разъ, то, пожалуй, душа въ аду погибнетъ. Создалась увѣренность, что, если жениха и невѣсту обвести три раза вокругъ налоя, то Богъ благословитъ бракъ, а если два или одинъ разъ, то не благословитъ; если обвести справа налѣво, то бракъ закрѣпленъ; а если мужъ и жена пройдутъ вокругъ налоя три раза слѣва направо, то бракъ развѣнчанъ. Если Отче нашъ прочесть, какъ слѣдуетъ, то будетъ молитва Богу, а если прочесть «Отче нашъ» задомъ напередъ, то выйдетъ не безсмыслица, а молитва дьяволу. Среди простого народа появились самыя невѣроятныя молитвы.

Вотъ, напр., широко распространенная встарину молитва, мученику Антипу:

«Господи помилуй 40 разъ. На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви стоитъ мать пресвятая Богородица и преподобный Антипій, зубной исцѣлитель. Онъ проситъ и молитъ угодниковъ Божіихъ о рабѣ Божіемъ (имя рекъ): какъ у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у раба Божія (имя рекъ) зубы не болѣли,—во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь».

Или,—вотъ другая молитва тому же святому:

„Господи помилуй (40 разъ). Радуйся, стѣно и кореніе ея. Излій, Господи, болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ, да не обрушатся стѣною во вѣкъ, Христе Боже. И даждь помощь, Христе, и здравіе исцѣленіе главѣ и челюстемъ рабу твоему (имя рекъ) молитвами святаго священномученника Антипы и святой Богородицы и святыхъ безмездныхъ Космы и Даміана и всѣхъ святыхъ твоихъ. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь“.

То есть люди знахарскій заговоръ читали, какъ молитву, а молитву, какъ знахарскій заговоръ. Это было поистинѣ самое грубое идолопоклонство. Прихожане

приносили въ церковь свои иконы и каждый молился только своей иконѣ. И подобно идолопоклонникамъ, крещеные люди полагали силу молитвы въ буквѣ, въ словахъ. Черезъ семьсотъ лѣтъ послѣ Владимира даже духовныя лица страстно спорили о томъ, какъ надо писать и говорить: Исусъ или Іисусъ. И многіе искренно вѣрили, что если, напр., произносить Исусъ, то спасешься, а если Іисусъ, то погибнешь. Силу вѣры полагали не въ Богѣ, а въ „буквѣ". Въ старыхъ рукописныхъ книгахъ переписчики для облегченія труда наиболѣе употребительныя слова писали сокращенно, подъ титлами. Напр., вмѣсто: „Господи", писали: „Ги". Отъ этого порядка не смѣли отступить и въ печатныхъ книгахъ. Многіе полагали, что если написать слово Господь полностью, то впадешь въ тяжкій грѣхъ богохульства. Одно время было разногласіе о буквѣ: „о". По мнѣнію однихъ, чтобы молитва была услышана Богомъ надо пѣть: „О Господи помилуй"; а другіе думали, что буква „о" тутъ еретическая, и что Богъ только тогда услышитъ молитву, когда будешь пѣть: „Господи помилуй". Выходило такъ, что сила именно въ буквѣ и точкѣ. Но почему та или иная буква нужна, или почему не нужна,—этого даже высшее русское духовенство не могло понять и объяснить. И за объясненіями поневолѣ приходилось обращаться къ духовенству греческому.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Возвышеніе Московской церкви. Распри изъ-за обрядовъ.

По общему византійскому правилу, каждая варварская страна, вошедшая въ составъ Константинопольскаго патріархата, считалась подчиненной императору. На этомъ основаніи и русская епархія была записана въ число подвластныхъ императорамъ странъ. И русскіе

великіе князья, начиная съ Владимира, носили титулъ „стольника императорскаго“. На обязанность стольниковъ возлагалось подавать за обѣденнымъ столомъ императору кушанье и вино. Конечно, русскіе князья обязанности этой не выполняли и, по отдаленности отъ Константинополя, не могли выполнять. Они носили титулъ стольника, какъ почетное придворное званіе, подобно многимъ нынѣшнимъ дворянамъ, которые гордятся, если получатъ титулъ камеръ-юнкера или камергера. Византійскіе императоры называли русскихъ князей своими стольниками въ теченіи почти 350 лѣтъ.

Точно также, по общему византійскому правилу, русскіе митрополиты назначались константинопольскимъ патріархомъ. Исключенія бывали, но рѣдко. Напр., во время развратной императрицы Зои, при которой произошло раздѣленіе церквей, великій князь Ярославъ велѣлъ русскимъ архіереямъ посвятить въ митрополиты русскаго же отшельника Иларіона. Случалось, что патріархъ назначалъ митрополита изъ русскихъ уроженцевъ, по предварительному соглашенію съ княземъ. Но чаще всего митрополитами въ Россіи были греки. Естественно, что и архіереями они старались ставить также грековъ. Греками обыкновенно и разрѣшались всѣ тѣ споры и сомнѣнія, которыя возникали среди русскаго духовенства, малограмотнаго и незнающаго даже языка богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ, русская митрополія находилась въ полной зависимости отъ грековъ.

Первый митрополитъ изъ грековъ (Михаилъ) поселился въ Кіевѣ, какъ въ самомъ богатомъ русскомъ городѣ. Кіевъ свыше 200 лѣтъ оставался митрополичьимъ городомъ. Но затѣмъ многократно разоряемый русскими князьями во время междоусобныхъ войнъ, онъ въ 1240 г. былъ до тла сожженъ татарами. И митрополиты переселились во Владиміръ на Клязьмѣ, такъ какъ онъ сталъ великокняжескимъ городомъ. А когда московскіе князья сумѣли угодить татарскимъ ханамъ и получили отъ нихъ титулъ великихъ князей, митрополиты окончательно переселились въ Москву. И если прежде весьма трудно было русскому митрополиту изъ Кіева сноситься съ патріархомъ, живущимъ въ отдаленномъ Константинополѣ, то теперь всякія сношенія

стали гораздо затруднительнѣе. Патріархъ по году не имѣлъ свѣдѣній изъ Москвы, а въ Москвѣ не знали, что дѣлается въ Константинополѣ.

Къ этому неудобству прибавились и неудовольствія. При Владимирѣ Византійская имперія все-таки считалась могущественной. Но затѣмъ она довольно быстро пошла на убыль. Одно время ею совершенно завладѣли венеціанцы и французы (въ 1204 г.), такъ что самый Константинополь вошелъ въ составъ Римскаго патріархата, а константинопольскимъ патріархамъ пришлось переселиться въ Никею. Правда, черезъ 57 лѣтъ греки свергли иноземное владычество. Но Византійской имперіи уже не удалось оправиться. Ее сильно стали тѣснить турки. И въ то время, когда начали возвышаться московскіе князья, византійскіе императоры владѣли лишь небольшою областью возлѣ Константинополя, окруженною со всѣхъ сторонъ владѣніями турецкаго султана. Теперь московскому князю вовсе не было лестно называться императорскимъ стольникомъ. И вовсе не было пріятно, что во время церковныхъ службъ митрополитъ сначала поминаетъ византійскаго императора, какъ главнаго, а потомъ московскаго князя, какъ подвластнаго.

Московскій князь Василій I, наконецъ, запретилъ императора поминать, а патріарху написалъ: „мы имѣемъ церковь, а императора не имѣемъ и имѣть не хотимъ". Патріархъ сердито отвѣтилъ, что это княжеское распоряженіе противно закону Божію. Князь не рѣшился вести споръ дальше. Между тѣмъ Византійская имперія доживала послѣдніе дни. Турки постепенно приближались къ Константинополю. Императоръ не могъ надѣяться на помощь московскихъ князей, подчиненныхъ татарскому хану. И обратился къ папѣ, надѣясь, что онъ поможетъ. Папа на словахъ обѣщалъ оказать помощь, но требовалъ, чтобы весь Константинопольскій патріархатъ призналъ папское главенство. Императору оставалось лишь принять это условіе. Рѣшено было снова соединить западную церковь съ восточною подъ главенствомъ папы. Съ этою цѣлью обѣ стороны стали готовиться къ созыву новаго вселенскаго собора. Кстати митрополитъ московскій Фотій умеръ. И вопреки желанію князя, который настаивалъ, чтобы на мѣсто Фотія

былъ поставленъ Іона, императоръ велѣлъ назначить митрополитомъ Исидора, вполнѣ посвященнаго въ переговоры съ папою. Князь Василій II сильно обидѣлся, встрѣтилъ Исидора холодно,—однако, подчинился.

Какъ было условлено, Исидоръ получилъ приглашеніе на вселенскій соборъ. Взявъ съ собою епископовъ суздальскаго, тверского и еще нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, Исидоръ въ 1438 г. выѣхалъ въ Италію. Рѣшительныя засѣданія собора происходили во Флоренціи. Прежде всего начался споръ о томъ, отъ какого Лица Пресвятой Троицы исходитъ Духъ Божій,—только ли отъ Бога Отца, какъ утверждали греки, или отъ Отца и Сына, какъ говорило римское духовенство. Первые 7 засѣданій не привели ни къ чему. Тогда папа приказалъ ничего не отпускать участникамъ собора на содержаніе, представляя имъ кормиться за свой счетъ. Это побудило сократить пренія. Греки согласились признать, что Духъ святой исходитъ отъ Отца и Сына; затѣмъ была признана верховная власть папы надъ церковью. Когда дошло до подписи соборныхъ постановленій, нѣкоторые русскіе архіереи убѣжали изъ Флоренціи, но были пойманы папскими посланцами и наказаны побоями.

Исидору папа оказалъ особенное вниманіе. Онъ назвалъ его „митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи, легатомъ апостольскаго престола въ областяхъ Литвы, Ливоніи и Россіи, и въ городахъ, округахъ, мѣстечкахъ Польши“ *). Князю Василію папа послалъ особо любезное и почтительное письмо. Онъ давалъ понять князю, что если постановленіе флорентійскаго собора будетъ принято, то русскому митрополиту может быть подчинена

*) Дѣло въ томъ, что южная Россія (Малороссія) вмѣстѣ съ Кіевомъ отошла подъ власть Польскаго короля. И по настоянію польскихъ королей, Малороссія была выдѣлена изъ русской епархіи. И независимо отъ московскаго митрополита, константинопольскій патріархъ назначилъ митрополита кіевскаго. Московскій князь былъ очень недоволенъ этимъ. Называя Исидора митрополитомъ «кіевскимъ и всея Россіи» папа надѣялся и угодить московскому князю (я, молъ, тоже противъ раздѣленія русской епархіи на двѣ), и въ то же время не обидѣть польскаго короля (митрополитъ-то, дескать, прежде всего кіевскій, т. е. подвластный польскому королю, а потомъ уже «всея Россіи»).

и Литва, и Польша, и прибалтійская земля, занятая враждебными Москвѣ нѣмцами. Обѣщаніе это можно было, конечно, понимать и такъ: если, дескать, мнѣ не будешь покоренъ, то духовенствомъ московскимъ будетъ управлять „легатъ апостольскаго престола“ изъ Литвы, либо изъ Польши. Князь приказалъ Исидора посадить въ тюрьму. По княжескому желанію, въ митрополиты былъ поставленъ Іона. Между тѣмъ, папа, на мѣсто убѣжавшаго изъ тюрьмы Исидора, назначилъ митрополитомъ русскимъ Григорія Булгара, а посвятилъ Григорія въ митрополиты, согласно желанію папы, константинопольскій патріархъ Мамма. Іону же папа приказалъ „поймать и сковать“. Папскія руки на этотъ разъ оказались коротки. Московскій же князь Василій написалъ польскому королю по поводу папскаго и патріаршаго вмѣшательства въ избраніе митрополита:

„Кто намъ (князю) любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси архипастыремъ“.

Съ той поры назначеніе московскихъ митрополитовъ и епископовъ стало зависѣть исключительно отъ воли князя *). Большинство греческаго духовенства также отвергло постановленія флорентійскаго собора. Да и трудно было этимъ постановленіямъ имѣть силу, такъ какъ главнаго условія папа не выполнилъ: помощи византійскому императору не оказалъ. Въ 1453 г. Константинополь былъ взятъ турками и сталъ столицею Турецкой имперіи. Послѣ этого въ Россіи было постановлено: не принимать никого ни на митрополію, ни на епископскія каѳедры отъ константинопольскаго патріарха. И о грекахъ стали въ Москвѣ говорить, что они свою вѣру осквернили папизмомъ во Флоренціи и обасурманили въ турецкомъ плѣну. Болгарія также была завоевана турками. Патріархаты Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій давно уже находились подъ властью магометанъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ православныхъ странъ только Московское государство могло считаться не завоеваннымъ иновѣрцами, такъ какъ власть татар-

*) Кіевская же митрополія осталась подъ властью константинопольскаго патріарха.

скихъ хановъ надъ московскими князьями сильно ослабѣла. А когда при князѣ Иванѣ III окончательно было свергнуто татарское иго, Россія стала единственнымъ независимымъ государствомъ среди всѣхъ другихъ православныхъ странъ. И при томъ это было государство одно изъ сильнѣйшихъ въ Европѣ.

Стараясь сблизиться съ Иваномъ III, папа предложилъ ему жениться на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Зоѣ Палеологъ. Папа пріютилъ у себя Зою, какъ ревностную католичку, отъ которой уже отказалось нѣсколько жениховъ. Въ качествѣ свата, папою былъ отправленъ въ Москву пронырливый грекъ Юрій, который всячески убѣждалъ Ивана III, что Зоя православная, не выноситъ латинской вѣры и по ненависти къ католицизму отказала многимъ католическимъ королевичамъи принцамъ, хотѣвшимъ якобы жениться на ней. Князю мысль взять въ жены столь знатную дѣвицу понравилась. И онъ послалъ отъ себя къ папѣ сватомъ своего монетнаго мастера итальянца Баттисту, едва ли не болѣе пронырливаго, чѣмъ грекъ Юрій. Баттиста всячески убѣждалъ римское духовенство, что Россія жаждетъ присоединиться къ папскому престолу. Повѣривъ Баттистѣ, папа отправилъ византійскую царевну въ Москву съ радостью и съ надеждою на объединеніе церквей. Невѣста оказалась гораздо догадливѣе. По пріѣздѣ въ Россію, она назвала себя не католичкой, а православной, и не Зоей, а Софьею. Женившись на „византійской царевнѣ“, Иванъ III сталъ считать себя какъ бы наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ.

Тутъ кстати подвернулся перекочевавшій въ Москву сербъ Пахомій. Онъ сумѣлъ выдумать и написать цѣлое сказаніе о греческомъ императорѣ Іоаннѣ Палеологѣ (при которомъ былъ флорентійскій соборъ). По сказкамъ Пахомія, этотъ императоръ признавалъ московскихъ князей вполнѣ достойными высшаго титула. Вѣроятно, тому же Пахомію удалось придумать и другое сказаніе,—будто гораздо раньше Іоанна Палеолога византійскій императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ русскимъ князьямъ царскій вѣнецъ, „святыя бармы“ (ожерелье) съ своихъ плечъ, золотую цѣпь, „коробочку сердоликовую, изъ которой кесарь Августъ (первый

римскій императоръ) веселился", и много другихъ подарковъ. Это сказаніе понравилось. Внукъ Ивана III Иванъ Грозный, принявши царскій титулъ, приказалъ нарисовать картину, какъ греческій Мономахъ прислалъ бармы, и вырѣзать ее на новомъ царскомъ тронѣ. Правда, слишкомъ много поводовъ было сомнѣваться въ томъ, что старую княжескую корону и ожерелье можно считать „вѣнцомъ и бармами Мономаха". Пришлось запросить по этому поводу константинопольскаго патріарха. Его отвѣтная грамота не совсѣмъ понравилась. Но когда ее „немножко подскоблили", то оказалось, что царь Иванъ Грозный дѣйствительно вѣнчался на царство короною византійскихъ императоровъ.

Пригодилась тутъ кстати и еще одна сказка, сочиненная болгарскими монахами для болгарскихъ царей. Въ сказкѣ этой говорилось, что вотъ де былъ одинъ Римъ, гдѣ царствовалъ „кесарь Августъ". Но слава этого перваго Рима погибла. Вмѣсто него, выдвинулся второй Римъ—Константинополь. Но его слава меркнетъ. На мѣсто второго Рима станетъ третій Римъ — болгарскій городъ Тырновъ. Онъ будетъ столицей міра, такъ какъ болгарскіе цари покорятъ всю землю. А суждено имъ покорить землю потому, что они ведутъ свой родъ отъ Константина Великаго и отъ кесаря Августа. Будетъ Тырновъ столицей всего міра вплоть до второго пришествія Христова. Такъ что „четвертому Риму не бывать". Сказка эта нравилась болгарскимъ царямъ. Но Болгарія была завоевана турками. И старая басня перекочевала изъ Тырнова въ Москву. Здѣсь въ ней пришлось лишь измѣнить нѣкоторыя названія. И получилось, что „Москва — третій Римъ", а „четвертому не бывать", и что въ родствѣ съ „кесаремъ Августомъ" и Константиномъ Великимъ состоятъ не болгарскіе, а московскіе властители. Иванъ III довольно глухо говорилъ лишь о своихъ дѣдахъ, что они были „пріятелями прежнихъ римскихъ царей, которыя Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи». Его внукъ Иванъ Грозный былъ смѣлѣе. Онъ уже считалъ, что владѣтель первой столицы міра „римскій кесарь Августъ" посадилъ своего родственника Прусса королемъ въ Пруссіи, а правнукъ Прусса Рюрикъ сталъ княжить въ Россіи, а отъ Рюрика пошли

московскіе князья. Поэтому, молъ, московскій царь есть законный наслѣдникъ всѣхъ царствъ земныхъ. Онъ царь царей, ибо всѣ остальныя царства — его вотчины. Однажды Иванъ Грозный даже написалъ объ этомъ польскому королю Стефану Баторію. Тотъ ему посовѣтовалъ „басенъ не разсказывать“.

— Первый Римъ погибъ въ латинствѣ. Во второмъ Римѣ, т. е. въ Константинополѣ, „вѣра православная испроказилась махметовою ересью отъ безбожныхъ турокъ“. Третій Римъ—Москва.

Такого мнѣнія держался Иванъ Грозный; такъ же думало и близкое къ нему духовенство. Но первый и второй Римъ прославился многими святынями и мощами. А какія же святыни и мощи собрала Москва? „Въ вашей Московіи—говорили греки—за всѣ 500 лѣтъ, какъ Русь крестилась, и 40 угодниковъ не наберется“. Митрополитъ Макарій велѣлъ собрать свѣдѣнія объ инокахъ, юродивыхъ и вообще о всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые мѣстными жителями почитались, какъ угодные Богу. Такихъ насчитали 22. Они были соборомъ 1547 г. причислены къ лику святыхъ. Затѣмъ въ теченіе года Макарій собралъ свѣдѣнія еще о 17 угодникахъ. Соборомъ 1549 г. они также были причислены къ лику святыхъ. Кромѣ того, Макарій собралъ какія можно было сказанія о жизни святыхъ, о чудотворныхъ иконахъ, о знаменіяхъ божіихъ. Затѣмъ велѣлъ переписать наново всѣ, какія онъ зналъ, богоугодныя книги для чтенія. Все это составило 12 большихъ книгъ, по числу мѣсяцевъ. Названы эти книги Минеями для чтенія, или Четьими-Минеями. Для составленія Четьихъ-Миней Макарій потратилъ много труда. Самъ онъ сознавалъ, что въ его трудахъ, „можетъ быть, наряду съ истиннымъ помѣщено и ложное“. И, дѣйствительно, въ Минеяхъ Макарія духовенство впослѣдствіи нашло много сомнительнаго и неудобнаго. Между прочимъ, оказалось, напр., что Макарій велѣлъ помѣстить въ Минеи запрещенную соборами и наполненную многими суевѣріями книгу Еноха. По этой причинѣ макарьевскія, или большія, Четьи-Минеи долгое время не печатались. Изданіе ихъ въ полномъ видѣ начато лишь въ 1906 г. Археографической комиссіей. Но въ свое время труды Макарія показали, что „третій

Римъ—Москва“ обиліемъ чудотворныхъ иконъ и святыхъ угодниковъ можетъ соперничать съ Константинополемъ.

Впослѣдствіи персидскій шахъ Аббасъ (магометанинъ) прислалъ московскому царю въ подарокъ ветхую одежду, а въ письмѣ писалъ, что эту одежду носилъ Іисусъ Христосъ. Въ Москвѣ ее признали подлиннымъ хитономъ, о которомъ, по словамъ Евангелія, воины, распявшіе Христа, „метали жребій“. „Хитонъ“ былъ названъ „Ризою Спасителя“, положенъ на храненіе въ московскій Успенскій соборъ. Позже часть хитона взята въ церковь Петропавловской крѣпости, гдѣ содержатся политическіе преступники, и еще одна часть въ церковь Зимняго дворца въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, „третій Римъ—Москва“ обогатился новою святынею, въ память чего установленъ ежегодный (10 іюля) праздникъ „Ризы Спасителя“.

Затѣмъ, бояринъ Голицынъ купилъ въ Константинополѣ кусокъ ветхой ткани, который былъ признанъ частью одежды Богородицы. Его положили также въ московскій Успенскій соборъ. И въ честь новой святыни установленъ ежегодный (2 іюля) праздникъ „Ризы Божіей Матери“.

Помимо малочисленности святынь, было еще одно обстоятельство, которое мѣшало Москвѣ считать себя „третьимъ Римомъ“. Московскіе митрополиты зависѣли въ дѣйствительности только отъ царя. Но на бумагѣ они по прежнему считались подчиненными константинопольскому патріарху. Была мысль назвать митрополита тоже патріархомъ. Однако, требовалось получить на это согласіе другихъ православныхъ странъ. При сынѣ Грознаго Ѳедорѣ Ивановичѣ за дѣло взялся хитрый Борисъ Годуновъ, ставшій впослѣдствіи царемъ. Онъ воспользовался пріѣздомъ антіохійскаго патріарха Іоакима, прибывшаго въ Москву въ 1586 г. просить у царя „милостыню“. Денегъ ему дали, но предварительно взяли съ него согласіе на то, чтобы въ Москвѣ былъ патріархъ; Іоакимъ обѣщался склонить къ согласію и другихъ патріарховъ. На обратномъ пути Іоакимъ переговорилъ объ этомъ съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміей. Оба архипастыря между собою рѣшили

отправить въ Россію патріарха іерусалимскаго. Но вслѣдъ затѣмъ Іеремія лично и для всѣхъ неожиданно прибылъ въ Москву (1588 г.). На вопросъ Годунова о цѣли пріѣзда Іеремія отвѣтилъ, что пріѣхалъ просить на построеніе новаго храма. Такъ какъ не патріаршее дѣло разъѣзжать съ просьбами на построеніе храма, то неправдоподобность отвѣта давала понять, что цѣль у Іереміи другая. Онъ сталъ плакать и жаловаться, какъ тяжело ему жить подъ властью турецкаго султана. Догадливый Годуновъ предложилъ Іереміи перенести свой патріаршій престолъ въ Россію. Дѣло имѣло такой видъ, что Іеремія остается въ предѣлахъ своего патріархата и лишь переселяется изъ Константинопольской епархіи въ Московскую, а на это согласія другихъ патріарховъ не требуется. Іеремія отвѣтилъ, что онъ согласенъ. И такимъ образомъ, согласіе константинопольскаго патріарха на учрежденіе патріаршескаго престола въ Россіи было получено. Но когда Іеремія окончательно согласился на это, ему предложили жить во Владимірѣ, такъ что сноситься съ царемъ ему пришлось бы черезъ московскаго митрополита. Іеремія понялъ, что его хотятъ сдѣлать патріархомъ лишь по имени, и отвѣтилъ:

— Лучше ужъ вы сами поставьте себѣ патріарха, какого хотите.

Его поблагодарили за такое архипастырское благословеніе и отправили въ Константинополь. По настоянію Годунова, патріархомъ «всея Россіи» былъ объявленъ Іовъ, митрополитъ московскій (въ 1589 г.). Архіереи: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій, были названы митрополитами. Кромѣ этихъ 4 митрополитовъ, подъ властью Іова были 6 архіепископовъ и 8 епископовъ. Митрополитъ крутицкій считался помощникомъ патріарха. Въ слѣдующемъ 1590 г. собрались въ Константинополѣ щедро одаренные Москвою патріархи: константинопольскій, антіохійскій и іерусалимскій, 19 подчиненныхъ имъ митрополитовъ, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ. На этомъ соборѣ было постановлено о русскомъ патріархѣ:

«Да почитается и именуется впередъ съ нами патріархами и будетъ чинъ его въ молитвахъ послѣ іеруса-

лимскаго, а главнымъ и начальнымъ содержать апостольскій престолъ Константинополя, какъ и иные патріархи держатъ».

Такимъ образомъ, хитрецъ Годуновъ, отказавшись отъ Іереміи, оказался въ нѣкоторомъ проигрышѣ. У московскаго патріарха оказалось не первое мѣсто, какое приличествовало-бы Іереміи, если-бы онъ перенесъ свой престолъ въ Москву, а лишь пятое. Затѣмъ, область новаго патріарха была ограничена лишь предѣлами Московскаго государства. Вся же южная Россія съ городомъ Кіевомъ, находившаяся тогда подъ властью Польши, осталась въ Константинопольскомъ патріархатѣ. И кіевскихъ митрополитовъ ставилъ по-прежнему константинопольскій патріархъ. Наконецъ, Іеремія удержалъ за собою право на доходъ съ Московскаго государства. Особыми царскими указами подтверждалось, что «греки» могутъ въ опредѣленное время пріѣзжать въ Москву для полученія «милостыни». И получаютъ эту «милостыню» въ Россіи константинопольскіе патріархи по сей день.

Ко времени учрежденія въ Москвѣ патріаршества «третій Римъ» уже значительно отличался по обрядамъ отъ «второго Рима». Отвернувшись отъ константинопольскихъ патріарховъ, русское духовенство всѣ возникавшія сомнѣнія рѣшало своимъ умомъ. Оно, какъ выше сказано, по собственному разумѣнію внесло поправки въ символъ вѣры, старалось исправлять богослужебныя книги и ввело нѣкоторыя правила, основанныя на недостаточномъ пониманіи смысла и значенія церковныхъ книгъ. Такъ, митрополитъ Даніилъ гдѣ-то прочелъ: «если кто браду брѣетъ и умретъ, не подобаетъ его хоронить». Думая, что это правило установлено апостолами, онъ велѣлъ внести его въ Кормчую. По такой же ошибкѣ, Стоглавый соборъ при Иванѣ Грозномъ постановилъ: «Кто двумя перстами не крестится, да будетъ проклятъ,— такъ святые отцы рѣшили». Появился рукописный разсказъ какого-то Василія, какъ онъ видѣлъ во снѣ Божію Матерь. По словамъ Василія, Богородица сказала ему очень длинную рѣчь о томъ, что «аллилуію надо двоить», а кто «аллилуію троитъ», тотъ «языческому богу молится». На этомъ, между прочимъ, основаніи Стогла-

вый соборъ троекратное пѣніе: «аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже» приравнялъ къ ереси.

Однако, даже такіе легковѣрные люди, какъ митрополитъ Даніилъ, не рѣшались до всего доходить собственнымъ умомъ. Даже митрополитъ Даніилъ становился втупикъ, когда приходилось рѣшать, что въ той или иной рукописной книгѣ правильно, а что попало по ошибкѣ. Неволя заставляла звать на помощь ученыхъ грековъ. И когда одинъ изъ такихъ грековъ, по имени Максимъ, серьезно принялся за работу, его обвинили въ ереси. Кстати Максимъ неодобрительно отозвался о сынѣ Иванѣ III Василіи Ивановичѣ, когда тотъ удалилъ отъ себя жену и женился на другой. И добросовѣстный грекъ былъ преданъ суду духовнаго собора за умышленное и при томъ еретическое искаженіе церковныхъ книгъ. Тщетно Максимъ доказывалъ, что онъ не портилъ книгъ, а исправлялъ ошибки; тщетно убѣждалъ въ правильности своихъ исправленій, ссылаясь на то, какъ написано въ книгахъ на греческомъ и еврейскомъ языкахъ.

— «Ты хвалишься—отвѣтили отцы собора Максиму—греческими и жидовскими мудрованіями... а все это противно христіанскому житію и закону, и не подобаетъ христіанину вдаваться въ подобное мудрованіе».

Максима заковали въ цѣпи, посадили въ смрадную волоколамскую тюрьму, а потомъ въ теченіе тридцати лѣтъ гоняли изъ одной монастырской тюрьмы, въ другую. Впослѣдствіи Максимъ причисленъ къ лику святыхъ угодниковъ русской церкви (умеръ въ 1556 г.).

Духовенство горько жаловалось на недостатокъ сколько-нибудь годныхъ для церковной службы книгъ. При Иванѣ Грозномъ рѣшено было для новыхъ церквей скупить книги въ Москвѣ у частныхъ лицъ. Но когда скупленное стали разсматривать, то оказались явныя ошибки и искаженія. Пришлось большую часть книгъ просто сжечь. Между тѣмъ, книгъ все таки взять было негдѣ. Вспомнили совѣтъ Максима-грека, что надо завести типографію. Стали устраивать ее въ Москвѣ. На установку типографіи ушло больше 10 лѣтъ. Наконецъ, въ 1564 г. изъ типографіи была выпущена первая въ Россіи печатная книга—Апостолъ. Но тутъ оказалось,

что печатный Апостолъ различается отъ многихъ рукописныхъ. Возникло обвиненіе въ умышленномъ «растлѣніи богодухновенной книги». Типографщики — дьяконъ Иванъ и Петръ Тимоѳеевъ—успѣли убѣжать изъ Москвы отъ неминуемой смерти. А домъ, гдѣ помѣщалась типографія, былъ сожженъ. Но этимъ, разумѣется, не былъ рѣшенъ вопросъ, какому Апостолу вѣрить,—печатному или рукописнымъ, и если рукописнымъ, то какому же изъ нихъ, ибо всѣ они другъ отъ друга отличались. При томъ же, вмѣсто сожженной типографіи, пришлось ставить новую.

Стоглавый соборъ (1551 г.) постановилъ, чтобы иконописцы слѣдовали образцамъ знаменитаго въ русской иконописи монаха Андрея Рублева, иконы котораго славятся до сихъ поръ. На основаніи этого постановленія были написаны иконы Благовѣщенской придворной церкви. И живописцевъ, и руководившаго ими попа Сильверста немедленно обвинили въ ереси. Между прочимъ, дьяка Висковатова смущалъ одинъ образъ Спаситель: «Написанъ—говорилъ онъ,—образъ Спасовъ, да тутъ же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ». Шумъ поднялся такой, что пришлось созывать новый соборъ. Дьякъ Висковатовъ былъ осужденъ за своевольное вмѣшательство въ духовныя дѣла. Однако, споръ по существу остался не рѣшеннымъ убѣдительно.

Все чаще и чаще приходилось вспоминать старый совѣтъ новгородскаго архіепископа Геннадія Ивану Ш. «Люди у насъ просты,—говорилъ Геннадій—не умѣютъ по книгамъ говорить; такъ лучше ужъ о вѣрѣ никакихъ рѣчей не плодить, только для того (развѣ) соборъ созвать, чтобъ еретиковъ казнить, жечь и вѣшать». Изъ боязни, что станутъ плодиться рѣчи о вѣрѣ, духовенству запрещено было говорить устныя проповѣди, не одобрялось изученіе иностранныхъ языковъ, даже такихъ, какъ греческій и латинскій, безусловно необходимыхъ для самого же духовенства. Однако, «рѣчи о вѣрѣ плодились». Ихъ вызывала каждая новая книга, ибо въ ней оказывались существенныя различія со всѣми прежними книгами. О вѣрѣ заставляло говорить каждое новое явленіе, каждое новое событіе. Словомъ, нельзя,

оказалось совсѣмъ прожить безъ рѣчей о вѣрѣ. Трудно оказалось слѣдовать архипастырскому совѣту и на счетъ еретиковъ. Легко сказать: жги, вѣшай или казни еретика, Но какъ опредѣлить, кто еретикъ, а кто православный? Вонъ Максима грека въ тюрьмѣ сгноили, а онъ оказался угодникомъ Божіимъ.

Къ огорченію московскихъ архипастырей, предъ ними, какъ бѣльмо на глазу, стояла подчиненная константинопольскому патріарху кіевская митрополія. Отчасти подъ вліяніемъ Польши, отчасти въ виду необходимости выдерживать борьбу съ ученымъ католическимъ духовенствомъ, кіевской митрополіи пришлось заботиться объ устройствѣ школъ. А въ самомъ Кіевѣ была учреждена духовная академія, выпустившая не мало весьма образованныхъ для того времени людей. Здѣсь былъ впервые составленъ обстоятельно русскій катехизисъ православной вѣры, одобренный константинопольскимъ патріархомъ. Здѣсь, на сколько это оказалось возможнымъ, были свѣрены и исправлены рукописныя церковныя книги. Такимъ образомъ, устроенная при академіи типографія могла приступить къ печатанію книгъ по провѣреннымъ спискамъ. На всякій случай, въ Москвѣ было запрещено продавать и покупать книги кіевской печати. Но отъ этого положеніе московскихъ патріарховъ мало улучшилось.

Они носили званіе „патріарховъ всей Россіи". Они естественно стремились подчинить себѣ „Малую и Бѣлую Россію", входившую въ составъ кіевской митрополіи. И въ то же время совершенно не знали, какъ отнестись, напр., къ волновавшему тогда всѣхъ вопросу о различіи въ перстосложеніи: кіевляне крестились тремя пальцами, а москвичи двумя. Согласно рѣшенію Стоглаваго собора, кіевлянъ надо бы проклясть и объявить еретиками. Но это значило бы вызвать на рѣшительный споръ и духовенство греческое, и духовенство кіевское, и самого константинопольскаго патріарха. Все это, по сравненію съ московскимъ духовенствомъ, люди большой учености, и вступать съ ними въ споръ было опасно: неизвѣстно, кто окажется еретикомъ. Кромѣ того, въ виду постоянныхъ столкновеній съ поляками, было бы ужъ слишкомъ неумно разрывать съ подчиненною Польшѣ кіевской

митрополіей. Наоборотъ, приходилось политики ради поддерживать братскія по внѣшности сношенія съ кіевскимъ духовенствомъ и всячески подчеркивать, что Великая Московская Россія совершенно одинаковой вѣры съ Россіей Малой и Бѣлой.

Приходилось, очевидно, что-то предпринять. Но что именно? Въ 1617 г. царь Михаилъ Өедоровичъ изъ новой династіи Романовыхъ поручилъ извѣстному своими заслугами во времена самозванцевъ архимандриту троицкой лавры Діонисію заняться исправленіемъ требника. Помощникомъ Діонисія былъ, между прочимъ, Троицкій же старецъ Арсеній Глухой, знавшій и болгарскую грамматику, и греческій языкъ. Оба инока усердно принялись за работу. Имъ пришлось въ прежнихъ молитвахъ одно вычеркивать, другое измѣнять. Это было замѣчено. Старцы попали подъ судъ и объявлены еретиками. Арсенія велѣно было подвергнуть „жестокому заключенію", а Діонисія морили голодомъ, и въ праздничные дни водили въ кандалахъ по улицамъ Москвы на всеобщее поруганіе. Какъ разъ во время этого обычнаго московскаго правосудія пріѣхалъ за „милостыней" іерусалимскій патріархъ Өеофанъ. При разговорѣ съ царскимъ отцомъ патріархомъ Филаретомъ заморскій гость высказалъ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, Діонисій правъ, и что надо бы во всякомъ случаѣ поступать не столь рѣшительно съ такимъ почтеннымъ старцемъ, какъ Діонисій (который, кстати, будучи архимандритомъ, оказалъ большія услуги Михаилу Өедоровичу). Со стороны іерусалимскаго патріарха это былъ отвѣтъ на бахвальство, что только въ Москвѣ истинная вѣра, и что „Москва—третій Римъ". (Передъ иностранцами, пріѣзжавшими за помощью, москвичи особенно любили хвастать).

Получился весьма крупный скандалъ. Діонисій былъ осужденъ соборомъ, именемъ Духа Святого. И теперь оказывалось, что надо или сознаться въ своей ошибкѣ и опорочить соборное рѣшеніе, или осудить вмѣстѣ съ Діонисіемъ іерусалимскаго патріарха. У Филарета не хватало догадливости уладить это дѣло безъ шума. Онъ сдѣлалъ видъ, что не вѣритъ Өеофану и послалъ запросъ другимъ патріархамъ. Тѣ также отвѣтили, что

Діонисій правъ. Такимъ образомъ, патріарха „всея Россіи“ и созванный имъ московскій соборъ какъ бы вселенскій судъ гласно призналъ недоумками, которые даже въ требникѣ мало смыслятъ. Филарету оставалось лишь оправдать Діонисія и тѣмъ признать и себя и свой соборъ дѣйствительно недоумками.

Урокъ былъ жестокій. И послѣ него Москва нѣкоторое время старалась не „плодить рѣчей о вѣрѣ“, или, вѣрнѣе, не подымать шума. Преемникъ Филарета Іосифъ, выпуская по необходимости книги изъ московской типографіи, пытался угодить всѣмъ, не измѣняя буквъ и словъ, въ которыхъ тогдашнее благочестіе полагало силу молитвы. Его помощниками въ этомъ дѣлѣ были, между прочимъ, протопопъ Аввакумъ и попъ Никита. Лѣтъ двадцать удавалось Москвѣ отмалчиваться отъ насущной необходимости высказать свое мнѣніе о различіи между обрядами: московскимъ съ одной стороны кіевскимъ и греческимъ съ другой. Между тѣмъ событія не ждали. Отношенія къ полякамъ обострялись. Надо было готовиться къ рѣшительной борьбѣ съ Польшей. Были начаты переговоры о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ. Это значило также: присоединить кіевскую митрополію къ Московскому патріаршеству. Константинопольскій патріархъ слѣдилъ за ходомъ событій. И началъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

На Аѳонъ явился нѣкій іеромонахъ съ московскою книгою, гдѣ, между прочимъ, было изложено ученіе Стоглаваго собора о томъ, что креститься надо двумя перстами. Этимъ мелкимъ случаемъ и воспользовался константинопольскій патріархъ Парѳеній. Онъ велѣлъ созвать мѣстный аѳонскій соборъ. Соборъ постановилъ книгу сжечь, а каждаго, кто учитъ или будетъ учить двуперстному крестосложенію, предалъ анаѳемѣ. Соборъ происходилъ въ 1650 году. А въ 1652 г., какъ разъ, когда переговоры о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ приняли рѣшительный оборотъ, постановленіе аѳонскаго собора было сообщено царю Алексѣю Михайловичу. Парѳеній счелъ пока за лучшее, чтобъ сообщеніе это было сдѣлано не отъ его, патріаршаго, имени, а отъ аѳонскихъ монаховъ.

Въ Москвѣ переполошились. „Третій Римъ“ оказывался

уже преданнымъ анаѳемѣ. Правда, пока лишь на Аѳонѣ. Но было ужъ слишкомъ ясно, что это лишь любезность константинопольскаго патріарха, который не лишенъ возможности созвать общій соборъ, привлечь къ нему кіевскую митрополію, и вынести анаѳему отъ имени всего Константинопольскаго патріархата. Московскій патріархъ Іосифъ отъ огорченія скоропостижно умеръ. Преемникомъ ему царь назначилъ Никона, извѣстнаго въ Константинополѣ своею преданностью греческому обряду.

Мѣшкать было некогда. Въ 1553 году прибыли въ Москву послы отъ украинскихъ казаковъ съ окончательнымъ предложеніемъ присоединить Малороссію. Въ 1554 году вопросъ о присоединеніи былъ оффиціально рѣшенъ въ Москвѣ. И почти одновременно съ этимъ царь и Никонъ отправили пословъ въ Константинополь къ патріарху. Они писали патріарху, что въ Москвѣ соборомъ рѣшено „слѣдовать православному писанію восточныхъ учителей въ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Никонъ просилъ патріарха дать ему указанія, какъ рѣшить нѣкоторыя разногласія на счетъ обрядовъ и богослужебнаго чина. Этимъ онъ какъ-бы признавалъ надъ собою верховное руководство константинопольскаго патріарха, и одновременно какъ-бы успокаивалъ его относительно кіевской митрополіи. Константинопольскимъ патріархомъ въ это время былъ Паисій. Онъ далъ указанія на всѣ 25 пунктовъ, о которыхъ спрашивалъ Никонъ. Однако, счелъ необходимымъ указать болѣе важныя вещи, чѣмъ разногласіе въ обрядахъ:

„Твое преблаженство — писалъ Паисій Никону — сильно жалуешься на несогласіе нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и полагаешь, что эти различные чины растлѣваютъ нашу вѣру. Хвалимъ мысль, ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ намѣреніе: церковь не отъ начала пріобрѣла все теперешнее чинопослѣдованіе, а постепенно и въ разныхъ странахъ разновременно; раньше не имѣли мы ни тропарей, ни кондаковъ, ни каноновъ, однако все это не произвело раздѣленій, когда соблюдалась одна и та же вѣра, и страны съ различными порядками богослуженія не

считались еретическими и раскольническими. Такъ и нынѣ: не должно думать, будто развращается вѣра наша православная, если кто-либо творитъ богослуженіе свое немного иначе, чѣмъ другіе въ вещахъ несущественныхъ, т. е. не касающихся догматовъ вѣры".

Послѣдними словами, между прочимъ, дѣлался намекъ на исправленія въ символѣ вѣры, сдѣланныя при Иванѣ Грозномъ. И какъ-бы устраняя сомнѣнія, что рѣчь идетъ именно объ этомъ, Паисій отправилъ въ Москву греческій списокъ никео-константинопольскаго символа вѣры. Такимъ образомъ, Никону давалось понять, что въ Константинополѣ готовы считать простымъ неразуміемъ, какъ московскую анаѳему противъ тройной аллилуіи, такъ и аѳонскую анаѳему противъ двойной аллилуіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Паисій указывалъ, что онъ, какъ верховный пастырь кіевской митрополіи, готовъ принять рѣшительныя мѣры противъ догматическихъ различій, которыхъ московское духовенство, по невѣжеству своему, плохо умѣло понимать и обсуждать.

Изъ Москвы спѣшно былъ отправленъ за границу Арсеній Сухановъ съ приказомъ купить церковныхъ книгъ. Денегъ велѣно было не жалѣть. Арсеній счелъ особымъ долгомъ побывать на Аѳонѣ, гдѣ была произнесена анаѳема Москвѣ. По дорогой цѣнѣ купилъ онъ здѣсь свыше 500 книгъ и этимъ задобрилъ монаховъ. Около 200 рукописныхъ книгъ было куплено въ другихъ мѣстахъ. Разумѣется, разсмотрѣть все это быстро, и при томъ какъ разъ во время войны съ Польшею изъ-за присоединенной Малороссіи не было никакой возможности. Да и не было надобности все это разсматривать. Никонъ считалъ необходимымъ лишь исправить русскія богослужебныя книги такъ, чтобы они не различались отъ греческихъ. Для этой цѣли изъ всѣхъ привезенныхъ Сухановымъ книгъ оказались годными только 7. Кромѣ того, въ греческихъ рукописныхъ книгахъ были, конечно, такія же разногласія и ошибки, какъ и въ книгахъ русскихъ. Разобрать, что правильно и что неправильно, не было у Никона ни времени ни умѣнья. И за основаніе былъ взятъ новый греческій требникъ, напечатанный въ Венеціи въ 1602 г. По этому требнику, какъ уже одобренному константинопольскимъ

патріархомъ, и стали прежде всего исправлять русскій служебникъ.

Но „исправлять“ значило бы оставить значительную часть прежняго, отбрасывая и измѣняя лишь болѣе или менѣе крупныя разногласія. При исправленіи пришлось бы разсуждать, что въ русскомъ служебникѣ соотвѣтствуетъ венеціанскому требнику, а что противорѣчитъ. При такой работѣ была опасность, что малообразованные „исправители“ оставятъ безъ измѣненіи такія мѣста, въ которыхъ константинопольскій патріархъ усмотритъ различіе догматовъ. Однако, Никонъ нашелся, какъ преодолѣть это препятствіе. Большая часть венеціанскаго требника была заново переведена на старо-болгарскій языкъ, при чемъ всячески старались не отступить отъ подлинника. Поэтому-то получилось не исправленіе старыхъ книгъ, а во многихъ случаяхъ совершенно новый переводъ съ греческаго.

Для поясненія возьму хотя-бы такой примѣръ. Въ одномъ церковномъ славословіи Христу говорится (по старому кирилло-меѳодіевскому переводу), что Онъ былъ „во гробѣ плотски во адѣ же душою, яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ и на престолѣ *бяше* со Отцемъ и Духомъ“. „На престолѣ бяше“ по-русски означаетъ, что Христосъ былъ на престолѣ долго и продолжаетъ быть. Мысль здѣсь та, что Іисусъ Христосъ оставаясь неизмѣнно, какъ второе Лицо Троицы, на небесномъ престолѣ съ Отцомъ и Духомъ, въ то же время по человѣчеству былъ въ гробу, какъ мертвецъ, душою сходилъ въ адъ послѣ смерти на крестѣ и пребывалъ въ раю съ благоразумнымъ разбойникомъ. Переводчики Никона поставили, вмѣсто „на престолѣ *бяше*“, „на престолѣ былъ еси“. „Былъ еси“ по-русски означаетъ „былъ нѣкоторое время“ и пересталъ быть. Былъ нѣкоторое время и пересталъ быть, очевидно, во гробѣ и въ аду, но не на престолѣ. Такія чисто словесныя, грамматическія различія неизбѣжны въ двухъ разныхъ переводахъ. Но они были бы совершенно необъяснимы, если бы дѣло сводилось только къ исправленію ошибокъ.

Однако, Никонъ упорно увѣрялъ, что онъ лишь „исправляетъ“ книги. И у него вполнѣ резонно спрашивали:

— Зачѣмъ «та же рѣчь напечатана новымъ нарѣчіемъ? Гдѣ „отроцы“ были, тутъ „дѣти“, а гдѣ „дѣти“, тамъ „отроцы“; вмѣсто „креста“—„дерево“ вмѣсто „пѣвцы“—„пѣснословцы“... Чѣмъ сіе лучше?» Почему „Твои пѣвцы, Богородице“ — ересь, а „Твои пѣснословцы, Богородице“—не ересь?

Служебникъ въ новомъ переводѣ былъ одобренъ патріархами. Позже были подвергнуты на одобреніе патріарховъ и другія богослужебныя книги, „исправленныя“ Никономъ. Предстоялъ болѣе сложный и болѣе, казалось бы, необходимый трудъ — исправить Библію. По этому поводу еще во время переговоровъ о присоединеніи Малороссіи 14 мая 1649 г. была отправлена кіевскому митрополиту Сильвестру царская „грамата о присылкѣ въ Москву ученыхъ іеромонаховъ Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго для провѣрки славянской Библіи съ греческою“. Но въ концѣ концовъ было рѣшено воспользоваться уже существующимъ и принятымъ въ кіевской митрополіи изданіемъ Библіи Константина Острожскаго. Было ясно, что разъ константинопольскій патріархъ мирился съ Библіею Острожскаго, когда кіевская митрополія была подъ властью Польши, то вынужденъ мириться и теперь, когда она готова перейти къ Москвѣ. Въ 1663 г. Библія Острожскаго была напечатана московскою типографіей. Исправленіе Библіи было совершено почти сто лѣтъ спустя трудами кіевскихъ ученыхъ: Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, Симономъ Тодорскимъ, Іаковомъ Блонницкимъ, Варлаамомъ Лящевскимъ. Впервые исправленная Библія на славянскомъ языкѣ была издана въ Россіи въ 1751 г.

Предпринимая почти заново переводъ богослужебныхъ книгъ съ греческаго языка, Никону, разумѣется, пришлось окружить себя греческими учеными и слушаться ихъ совѣтовъ и указаній. Подъ ихъ вліяніемъ, онъ сталъ вводить греческіе амвоны, греческую иконопись, греческія церковныя одежды, греческіе напѣвы, греческія ноты и т. д. Впрочемъ, здѣсь необходимо сдѣлать оговорку. Церковные напѣвы, напр., заимствованы въ Россіи еще при Ярославѣ отъ грековъ. И первыми учителями церковнаго пѣнія были греческіе „доместики“, или „демественники“. (Доместикъ то же, что регентъ).

Демественники же научили русскихъ обозначать ноты такъ называемыми „крюками", то есть видоизмѣненными греческими буквами *). Напѣвы первыхъ демественниковъ (по преимуществу на одинъ голосъ), а также ихъ „крюки" удержались въ Россіи почти безъ измѣненіи. Въ Греціи же искусство пѣнія совершенствовалось. Введены были многоголосные напѣвы. Сообразно съ этимъ, понадобилось измѣнить и усовершенствовать нотные знаки. Такимъ образомъ, Никонъ ввелъ лишь новые греческіе напѣвы, вмѣсто старыхъ, тоже греческихъ, не совсѣмъ правильно называемыхъ въ Россіи „демественными". Такъ же надо сказать и о „никоновскихъ" амвонахъ, одеждахъ, иконахъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ Никонъ замѣнялъ старые греческіе образцы новыми греческими. Онъ предполагалъ послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ принять титулъ „папы Всероссійскаго" и добиться, чтобы за Всероссійскимъ папою было признано главенство надъ всѣми другими православными патріархами. Своею неумѣренностью онъ возбудилъ неудовольствіе царя, н закончилъ дни свои въ ссылкѣ.

Постоянное обращеніе къ восточнымъ патріархамъ съ просьбами о помощи и руководствѣ сопровождалось посылкою богатыхъ подарковъ. Это стоило дорого и лишало Московскій патріархатъ самостоятельности. Трудно сказать, насколько удалось бы Никону своимъ грекопоклонствомъ уладить вопросъ о подчиненіи кіевской митрополіи не Константинополю, а Москвѣ. По присоединеніи Малороссіи сложилось не такъ, какъ предполагали патріархи. Москвѣ удалось удержать за собою лишь часть кіевской митрополіи (по лѣвому берегу Днѣпра). Правобережная Украйна осталась подъ властью поляковъ и окончательно завоевана гораздо позже, при царицѣ Екатеринѣ II, когда константинопольскому духовенству по долгу подчиненія турецкому султану, пришлось не разъ совершать молебствія о дарованіи по-

---

*) Такое обозначеніе нотъ введено было еще во времена иконоборцевъ Іоанномъ Дамаскинымъ. Даровитый поэтъ и музыкантъ, Дамаскинъ, будучи монахомъ, создалъ много церковныхъ пѣснопѣній. Ему принадлежитъ, между прочимъ, пасхальный канонъ.

бѣды турецкимъ войскамъ надъ русскими. Тогда вопросъ о томъ, кому подчиняется кіевская митрополія, самъ собою рѣшился въ пользу Россіи. И константинопольскіе патріархи ничего не могли противъ этого подѣлать. И если Никонъ хотѣлъ устранить всякій поводъ для нихъ вмѣшаться въ малорусскія дѣла, то онъ зашелъ гораздо дальше, чѣмъ требовали обстоятельства.

Онъ и вообще зашелъ слишкомъ далеко. Согласно его желанію, патріархъ антіохійскій Макарій предалъ анаѳемѣ всѣхъ „двуперстниковъ". По его желанію, анаѳема была повторена патріархомъ сербскимъ, митрополитами никейскимъ и молдавскимъ, а, по ихъ примѣру, и московскимъ соборомъ, созваннымъ для одобренія сдѣланныхъ Никономъ исправленій. Такимъ образомъ, подъ анаѳемой оказались крестящіеся двумя пальцами армяне, съ которыми надо было жить въ мірѣ, такъ какъ на Кавказѣ приходилось вступать во враждебныя столкновенія съ персидскими шахами. Мало того, подъ анаѳемой оказались и нѣкоторые русскіе угодники, уже причисленные къ лику святыхъ,—напримѣръ, митрополитъ Филиппъ, замученный опричниками Ивана Грознаго. Далѣе, Никонъ приказалъ молиться только по новымъ книгамъ, а старыя отбирать и жечь. Многіе богобоязненные люди, свято вѣрившіе въ спасительную силу старыхъ „буквъ и точекъ", рѣшительно возстали противъ этого. И отказались признавать власть патріарха, а тѣмъ самымъ и власть царя, именемъ котораго патріархи дѣйствовали. Приверженцы старыхъ книгъ или старообрядцевъ велѣно было называть отколовшимися отъ церкви—„раскольниками". Противъ нихъ, какъ противъ ослушниковъ царской воли, начались жестокія гоненія, продолжавшіяся около 250 лѣтъ. Но этими гоненіями лишь подтверждалось, что церковь государства Россійскаго безсильна вернуть къ себѣ сердца многихъ потерянныхъ ею чадъ. И это была потеря уже не первая и не послѣдняя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Появленіе ересей и сектъ.

Доходы первыхъ епископовъ и священниковъ, пріѣхавшихъ изъ Греціи, были обезпечены Владиміромъ. На содержаніе епископовъ и митрополитовъ князья назначали имъ недвижимыя имущества или приказывали собирать особую подать „десятинную", т. е. въ размѣрѣ одной десятой части княжескихъ доходовъ. Судебныя пошлины и штрафы также шли въ доходъ архіереевъ. Старались князья обезпечить также и монастырскую братію. Напр., Кіево-печерскому монастырю еще при жизни его основателя Ѳеодосія были пожертвованы помѣстья. Между прочимъ, кіевскій князь Ярополкъ предоставилъ печерскимъ отшельникамъ собирать оброкъ съ жителей четырехъ волостей. Впослѣдствіи монастыри и архіереи жили, какъ крупные помѣщики. Когда царствовалъ Ѳеодоръ, сынъ царя Алексѣя Михайловича, то въ доходъ новгородскаго напримѣръ, митрополита были отданы монастыри въ Великихъ Лукахъ, въ Городцѣ, Холмогорахъ, Олонцѣ и на Вагѣ, имѣвшіе въ общей сложности до 1400 крѣпостныхъ дворовъ. Одно только названіе имѣній такого крупнаго монастыря, какъ Троице-Сергіевская Лавра, при царѣ Борисѣ Годуновѣ занимаетъ до 10 печатныхъ страницъ. Лавра имѣла до 100 тысячъ крѣпостныхъ душъ. Даже маленькія пустыни, какъ, напр., Троицкая Варнавина, бывшая въ доходѣ у Галицкаго архіерея, по описи 1681 г., имѣла 50 крѣпостныхъ дворовъ. Въ этой описи упомянуты только монастыри, отданные въ доходъ архіереевъ. Сюда не вошли крупнѣйшія обители, вродѣ Троицкой Лавры. Не вошли всѣ монастыри Кіевской митрополіи. Тѣмъ не менѣе оказывается, что у однихъ только монастырей, отданныхъ въ доходъ архіереямъ, было до 8000 крѣпостныхъ дворовъ. Такія богатства составились частью изъ помѣстій, пожалованныхъ царями и князьями, частью изъ имѣній, пожертвованныхъ благочестивыми богачами.

Собирали доходъ съ крестьянъ монастыри, какъ и всѣ прочіе помѣщики. Монастырскіе приказчики даже славились искусствомъ „править подати", т. е. вынуждать къ уплатѣ побоями. Для примѣра приведу хотя бы жалобу на приказчика Троице-Сергіевской Лавры Семена Иванова, посланнаго въ 1679 году „выправить" съ недоимщиковъ деньги. 6 Мая онъ пріѣхалъ въ одну монастырскую деревню, и деревенскихъ выборныхъ людей велѣлъ бить палками, пока общество не уплатитъ недоимокъ, „а цѣловальника Моисея Ѳедорова ударилъ полѣномъ по головѣ, сбилъ съ ногъ, избилъ до самаго увѣчья, причемъ говорилъ: „дай мнѣ полведра вина, а не дашь—прибью до смерти, не что де мнѣ сдѣлаешь". Деревня пожаловалась Лаврѣ. Монастырскій соборъ отвѣтилъ на жалобу: „а какъ бы они, крестьяне, платежи платили, тогда бы и на правежѣ не стояли", т. е. тогда бы ихъ и не били. Недаромъ еще при Иванѣ Грозномъ монахъ Вассіанъ жаловался, что иноки въ монастыряхъ „мірскими слезами сыты".

Но монастыри, а черезъ нихъ и архіереи, не только получили право взимать съ крестьянъ подати за обработку земли. Они получали также жалованье отъ государей и деньгами, и мѣхами и разными продуктами; сверхъ того, многіе монастыри, наравнѣ съ дворянами и боярами, получали право содержать кабаки [1]). Отсюда можно судить, какъ велики были доходы монастырей и высшаго духовенства. И немудрено, что въ нѣкоторыхъ новгородскихъ, напр., монастыряхъ, монахи за трапезой кушали „во всѣ субботы и воскресенья великаго поста икру, а въ недѣлю православія (т. е. въ первое воскресенье великаго поста), сверхъ того, еще или жареную лососину, или свѣжепросольную семгу". На сколько сладко питались иноки богатыхъ монастырей, можно судить по Троице-Сергіевской Лаврѣ. Братіи этого монастыря не хватало своего меда, и лавра покупала ежегодно меду до 1200 пудовъ,—на сладкіе квасы и на медвяныя вина. Даже на дорогу старцу, посланному съ какимъ-либо экстреннымъ порученіемъ, отъ лавры полагалось выда-

[1]) О монастырскихъ кабакахъ см. подробнѣе въ моей книжкѣ: «Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи».

вать «квасу медвянаго яндову большую 10 чашъ, мѣхъ квасу яшново, 4 мѣха квасу обышново, да ставецъ меду (вина)“. Конечно, всѣми этими благами пользовалась не низшая братія. Но сытная и привольная монастырская жизнь привлекала въ монастыри много народа, вовсе не склоннаго къ иночеству. Пожалуй, даже слишкомъ много, такъ что Алексѣю Михайловичу пришлось принять нѣкоторыя мѣры къ сокращенію монастырей, а Петръ I особымъ указомъ 1703 г. запретилъ строить новые монастыри.

Благосостояніе приходскаго духовенства не было обезпечено съ такою роскошью, какою пользовалось духовенство черное (монахи и архіереи). Однако, и о приходскомъ, бѣломъ, духовенствѣ русскіе государи заботились. Въ первое время послѣ принятія крещенія Владиміромъ доходы отъ требъ, конечно, не могли быть велики. И князья предоставили духовенству, между прочимъ: 1) судить всѣхъ мірянъ за преступленія противъ вѣры и церковнаго благочестія; 2) разбирать споры о наслѣдствѣ; 3) наблюдать за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ. Такимъ образомъ, каждый мірянинъ, непочтительный къ священнику, могъ попасть подъ церковный судъ. А постановленія церковнаго суда исполнялись гражданскою властью. При старыхъ взглядахъ на взяточничество, какъ на простой и безгрѣшный доходъ, уже одно это могло до извѣстной степени обезпечить приходскому духовенству безбѣдное существованіе. А какую роль могутъ играть чиновники, на которыхъ возложено провѣрять мѣры и вѣсы, это до сихъ поръ хорошо понятно русскимъ торговцамъ. Встарину же, повторяю, взгляды на мздоимство были проще. Когда, сверхъ этого, возросли доходы отъ требъ, то положеніе приходскаго духовенства стало настолько обезпеченнымъ, что появился даже особый промыселъ: богатые люди ставили попами своихъ слугъ и рабовъ, а доходы брали въ свою пользу. Передъ самымъ нашествіемъ татаръ константинопольскій патріархъ Германъ писалъ кіевскому митрополиту:

„Дошло до слуха смиренія нашего, что нѣкоторые въ странѣ русской сперва покупаютъ людей, потомъ, сдѣлавъ ихъ рабами своими, отдаютъ ихъ, оставляя

плѣнниками, учителямъ учить священной грамотѣ и ученію, и затѣмъ приводятъ ихъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ ихъ напередъ отъ рабскаго ига. Епископъ поставляетъ ихъ, и господа получаютъ черезъ нихъ корысть".

Патріархъ убѣждалъ „господъ" этого не дѣлать. И это постепенно прекратилось. Но непріятности между мірянами и духовенствомъ изъ-за мзды не прекратились. Между прочимъ, значительныя непріятности происходили изъ-за церковнаго вѣнчанія. Когда Владимиръ крестился, у грековъ дѣйствовалъ законъ императора Льва Мудраго, по которому вѣнчаться по-церковному обязаны были лишь люди свободнаго состоянія; крестьяне и рабы освобождались, въ виду ихъ бѣдности, отъ церковнаго брака. Этотъ законъ былъ перенесенъ и въ Россію. Т. е. люди высшаго класса вѣнчались по церковному, а простонародье было освобождено отъ этой требы, а стало быть и отъ платы за нее. Свыше ста лѣтъ спустя послѣ крещенія Владимира, византійскій императоръ Алексѣй Комненъ распространилъ обязательность церковнаго брака и на простонародіе, не исключая рабовъ и крѣпостныхъ. Такъ какъ русская митрополія подчинялась константинопольскому патріарху, то новый законъ Алексѣя Комнена сталъ закономъ и въ Россіи. Но простонародіе упорно считало, что церковный бракъ обязателенъ только для высшаго класса. Митрополиты, въ виду этого, приказывали уклонявшихся отъ церковнаго вѣнчанья въ случаѣ упорства отлучать отъ церкви. Дѣти же, рожденныя отъ невѣнчаннаго брака, лишались права наслѣдства. Впослѣдствіи, кромѣ платы священнику за совершеніе вѣнчальнаго обряда, установлена была особая „вѣнечная пошлина". При московскомъ князѣ Иванѣ III этой пошлины взималось при вѣнчаньи отъ 1 до 4 алтынъ, а при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ отъ 3 до 9 алтынъ. И когда вѣнечныя и нѣкоторыя другія пошлины были уничтожены, новгородскій, напр., архіепископъ гнѣвно угрожалъ: „я церкви затворю, и архіерейство съ себя сниму,—какое архіерейство, когда данное отнимаютъ?" Такъ же крѣпко держалось духовенство и за другіе свои доходы. И хотя нѣкоторые цари, какъ, напр., Иванъ Грозный, убѣждали

духовныхъ лицъ не „истязать мзду за духовныя требы“, однако, эти убѣжденія плохо дѣйствовали.

Но простымъ истязаніемъ мзды дѣло не ограничивалось. Нѣкоторыя духовныя лица отдавали церковныя деньги въ ростъ, подъ проценты. Съ должниковъ взималось 10 и больше процентовъ на церковныя деньги въ пользу духовенства. Ростовщичествомъ промышляли и монахи. И Стоглавому собору пришлось даже рѣшать вопросъ, — удобно ли монахамъ отдавать деньги въ ростъ, или неудобно. Долги встарину взыскивались побоями, и несостоятельный должникъ становился рабомъ заимодавца. Такимъ образомъ, отдавая церковныя деньги въ ростъ, духовенство обогащалось почти навѣрняка, безъ риску. Затѣмъ, пользуясь церковными деньгами, духовенство вело торговлю. Даже митрополиты отправляли своихъ слугъ съ товарами для торговли,—„дабы прибыло церкви Божіей въ подможеніе“. При чемъ нѣкоторые священники, пользуясь славой, что у поповъ товары „священые“, подъ видомъ, напр., свѣжей говядины продавали падаль. И тому же Стоглавому собору пришлось обсуждать вопросъ,—удобно ли, что священники продаютъ удавленину. И не даромъ одинъ изъ московскихъ митрополитовъ (Ѳеодосій) жаловался: „вотъ всякъ, кому работать не хочется, идетъ въ попы, а страстей плотскихъ не оставляетъ, потому что идетъ не Богу служить, а тѣло свое льготить“.

Гдѣ легкая нажива, тамъ и жизнь легкаа. О жизни русскихъ архіереевъ Максимъ Грекъ писалъ:

„Свѣтло и обильно напиваются по вся дни и пребываютъ въ смѣсѣхъ и пьянствѣ и всяческихъ играніяхъ, тѣшатъ себя гуслями и тимпаны и сурнами и воровъ срамными блудодѣяніями, а сиротъ и вдовицъ безщадно и безмилостивно расхищаютъ“. Дары, приносимые на церковь, „берутъ себѣ на украшеніе разное и свѣтлопированіе“.

Коломенскій архіепископъ Іосифъ „ѣздилъ въ домовыя свои и монастырскія вотчины съ монахами и домовыми людьми, и послѣ стола въ селахъ и погостахъ и на лугахъ предъ нимъ напився отецъ его духовный архимандритъ Голутвина монастыря, дьякъ и иные домовые люди смѣхотвореніемъ многимъ и кощуны вся-

кими боролися, и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ подолы непристойно оборочались"... На низшее духовенство Иванъ Грозный жаловался: „Монахи и попы пьютъ безчинно... Попы въ церквахъ дерутся между собою, а монахи въ монастыряхъ". „Монахи съ монахинями вмѣстѣ живутъ". „Попы и причетники въ церкви всегда пьяны; на божественномъ пѣніи безчинно стоятъ, дерутся, лаются, и сквернословятъ; пьяны во святой алтарь входятъ и до кровопролитія дерутся". Попу надо проскомидію служить, а онъ велитъ просвирнѣ надъ просвирками нашептывать, просвирня и приговариваетъ „надъ проскурою, якоже арбуи и чуди". Иванъ Грозный старался выражаться мягче. Въ дѣйствительности бывали случаи, болѣе серьезные, чѣмъ простое пьянство или простая драка, хотя бы и до кровопролитія. Для примѣра приведу жалобу крестьянина Окулова на монахиню Никольскаго дѣвичьяго монастыря: „Шли черезъ монастырь—говорится въ жалобѣ—братья мои: Семенъ и Маркъ Окуловы, а какъ были противъ кельи старицы Мароы Бутаковой, изъ кельи выскочила дочь ея старица Олена со многими невѣдомыми людьми, и брата моего Марка убили до смерти". Разслѣдованіемъ выяснено было, что монахини Мароа и Олена «въ кельѣ вино и пиво на продажу держали» и принимали «разныхъ людей», т. е. содержали непотребный притонъ. Также о Соловецкомъ монатсырѣ доносили царю, что «старцы съ берега привозятъ вино горячее, красное нѣмецкое вино и медъ всякій и держатъ это всякое вино по кельямъ». О монастырскихъ нравахъ можно судить по шутовской жалобѣ монаховъ Колязина монастыря царю на новаго архимандрита: «По архимандритову приказу—жалуются монахи—у монастырскихъ воротъ поставленъ съ шелепомъ кривой Фалалей, насъ, богомольцевъ твоихъ, за ворота не пускаетъ, въ слободы ходить не велитъ, скотнаго двора посмотрѣть, коровницамъ благословенья подать». Бѣлое духовенство порою не считало даже нужнымъ прикрываться наружнымъ благочестіемъ, и многіе доходили до такой откровенности, какъ шуйскій попъ Григорій, на котораго прихожане жаловались суздальскому архіепископу: „Попъ Григорій въ бесѣдахъ напивается пьянъ и

озорничаетъ. Всякою скаредною бранью мужской и женскій полъ бранитъ. Срамные члены свои на бесѣдахъ и по улицамъ ходя показываетъ». Въ самой Москвѣ даже духовникъ царя Алексѣя Михайловича, напр., о. Посниковъ оказался «мздоимцемъ неистовымъ» и сластолюбцемъ: «чужую жонку у себя многое время держитъ». А что дѣлалось вдали отъ Москвы, можно судить по тому, что въ тотемскомъ уѣздѣ, строитель Тафтенской пустыни старецъ Ѳерапонтъ оказался притоносодержателемъ и атаманомъ разбойничьей шайки.

Къ счастью, далеко не все духовенство было таково. Многіе священники и монахи были самыми образованными людьми встарину. Многіе изъ нихъ стремились жить справедливо. И искренно сочувствовали негодованію міряяъ противъ монашескаго и поповскаго лихоимства, противъ монашескаго и поповскаго разврата. Еще когда въ 1149 г. вь Кіевѣ появился манихейскій проповѣдникъ Мартинъ, его обличеніе поповской и монашеской неправды нашло широкое сочувствіе не только среди простого народа, но и среди многихъ духовныхъ лицъ. Высшее духовенство осудило Мартина. Онъ былъ сожженъ на кострѣ. Но недовольство противъ духовенства осталось, росло, и въ концѣ концовъ привело къ крупнымъ волненіямъ въ Псковѣ и Новгородѣ.

Въ 1371 г. въ Псковѣ замѣчена была „ересь". «Еретики» выдвигали противъ духовенства три обвиненія: 1) духовенство «много имѣнія собираетъ», 2) церковныя доходы беретъ въ свою пользу; 3) ведетъ «недостойную жизнь», т. е. духовныя лица много пьютъ, обижаютъ бѣдныхъ, обманываютъ и т. д. Изъ среды недовольныхъ духовенствомъ выдѣлялись: псковскій дьяконъ Никита и въ особенности цирюльникъ (по-старинному: стригольникъ) Карпъ. (Есть извѣстіе, что Карпъ раньше также былъ дьякономъ). По ремеслу Карпа, его единомышленники и послѣдователи были названы «стригольниками». Обличенія Карпа и Никиты имѣли такую силу, что потребовалось вмѣшательство константинопольскаго патріарха. Однако, и патріархъ не нашелъ, что возразить стригольникамъ. Такъ, патріархъ не сумѣлъ опровергнуть обвиненіе что духовенство мздоимствуетъ. Онъ лишь писалъ въ своемъ посланіи стригольникамъ: «Вы

говорите: много имѣнія сбираютъ. Но не вамъ, стригольникамъ, судить объ этомъ». Трудно было патріарху опровергнуть и другое обвиненіе, что духовенство присваиваетъ себѣ церковныя доходы. Наоборотъ, онъ вынужденъ былъ это признать справедливымъ, и лишь спрашивалъ стригольниковъ: «какъ смѣете вы укорять святителей за церковные расходы, когда апостолъ говорилъ: церковникъ церковію питается и алтарники съ алтаремъ дѣлятся?» Точно также, вмѣстоо твѣта на обвиненіе, что духовенство живетъ дурно, патріархъ спрашивалъ: «Если вы говорите: недостоинъ патріархъ, недостойны митрополиты, то, по вашему, нѣтъ ни одного попа на землѣ... Гдѣ вы возьмете по окаянной вѣрѣ вашей священника?». [1]) О томъ же, что руководители стригольниковъ живутъ справедливѣе духовенства,—чужого имѣнія не грабятъ, не пьянствуютъ, не развратничаютъ—патріархъ писалъ: «таковы же были и фарисеи; постились два раза въ недѣлю, не ѣли по цѣлымъ днямъ; однако, мытари и грѣшники съ исповѣданіемъ пришли ко Христу и спаслись, а фарисеямъ было сказано: горе вамъ, книжницы и фарисеи».

Карпу и Никитѣ, обличая духовенство, пришлось отвѣтить на вопросъ: что дѣлать, если попы и архіереи служатъ не Богу, а мамонѣ? Они рѣшили, что лучше совсѣмъ безъ поповъ, чѣмъ съ такими попами; лучше совсѣмъ не ходить въ церковь, чѣмъ смотрѣть, какъ пьяница и обидчикъ попъ обѣдню служитъ; лучше совсѣмъ не исповѣдоваться, чѣмъ каяться въ грѣхахъ развратнику, и т. д. Богъ де не пошлетъ благодати по молитвѣ мздоимца. Стараніями новгородскаго архіепископа наиболѣе даровитые стригольники частью казнены, частью умерли въ тюрьмахъ на пыткахъ. Карпъ и Никита были преданы анаѳемѣ и утоплены въ рѣкѣ Волховѣ. Однако, мысли ихъ остались. Остались и вопросы, на которые не далъ отвѣта даже патріархъ.

Уже на примѣрѣ дьякона Никиты можно видѣть,

---

[1]) Существуетъ предположеніе, что эти отвѣты стригольникамъ, присланные отъ имени патріарха, написаны русскимъ монахомъ Аѳанасіемъ, ученикомъ Сергія, основателя Троицкой лавры.

что вопросы эти смущали не только мірянъ, но и кое-кого изъ духовныхъ. Даже игуменъ троицкаго монастыря Аѳанасій однажды смутился и не зналъ, принять ли пожалованное княземъ село, или не принимать? Удобно ли монахамъ жить за крестьянскій счетъ, питаться крестьянскими слезами, или неудобно? Съ своими сомнѣніями Аѳанасій обращался, между прочимъ, къ митрополиту Кипріану. Но Кипріанъ уклонился отъ отвѣта, и посовѣтовалъ сдать село въ аренду какому-либо „богобоязненному мірянину: онъ бы пусть заботился о всемъ, въ монастырь же доставлялъ бы готовое рожью и другими вещами". Такимъ образомъ, митрополитъ какъ бы не понялъ, о чемъ его спрашивали. Позже среди духовенства образовалось два опредѣленныхъ мнѣнія; одни полагали, что монастырямъ не слѣдуетъ пріобрѣтать имѣній; къ этому склонялись главнымъ образомъ сѣверное духовенство, и въ особенности старцы заволжскихъ монастырей, руководимые Ниломъ Сорскимъ. Другіе полагали, что наоборотъ,—чѣмъ духовенство богаче, тѣмъ лучше; къ этому мнѣнію склонялось большинство духовенства, руководимое Іосифомъ Волоколамскимъ. Нилъ требовалъ, чтобы въ его монастырѣ каждый инокъ снискивалъ пропитаніе трудами рукъ, чтобы не только въ кельяхъ, но и въ церкви не было никакихъ драгоцѣнныхъ серебряныхъ и золотыхъ вещей; онъ не допускалъ даже сосудовъ серебряныхъ или золотыхъ. Іосифъ въ свой Волоколамскій монастырь принималъ лишь бояръ и богатыхъ людей, приносившихъ цѣнные вклады, и въ его монастырѣ монаху полагалось имѣть при себѣ нѣсколько слугъ.

Споръ іосифлянъ съ заволжскими старцами привлекъ къ себѣ вниманіе великаго князя московскаго Ивана III. Одно время Ивану III больше нравилось мнѣніе заволжскихъ старцевъ. Онъ отобралъ въ свою пользу часть земель, принадлежавшихъ новгородской архіепископіи. И какъ одинъ изъ самыхъ хозяйственныхъ московскихъ князей, ничего не имѣлъ противъ того, чтобы взять себѣ и всѣ вообще монастырскія и церковныя имѣнія. По этой, главнымъ образомъ, причинѣ онъ и сочувствовалъ мнѣнію Нила Сорскаго. Оказалось, однако, что споръ о томъ, удобно или неудобно

монахамъ владѣть помѣстьями, можетъ привести къ весьма сложнымъ послѣдствіямъ.

Единомышленники Нила Сорскаго, прозванные также „нестяжателями“, говорили: „монастыри, владѣя имѣніями и присвоивая себѣ крестьянскій трудъ, нарушаютъ заповѣдь евангельскую“. На это „іосифляне“, т. е. единомышленники Іосифа Волоколамскаго, резонно отвѣчали: заповѣди Христовы равно обязательны—какъ для монаховъ, такъ и для всѣхъ христіанъ; почему же вы, нестяжатели, „осуждаете только монастырскихъ за нарушеніе евангельскихъ заповѣдей, а на другихъ никакого зазора не кладете?“. Въ самомъ дѣлѣ, заповѣди Христа обязательны и для бояръ и для князей, и для самого царя. Если монастырямъ нельзя владѣть помѣстьями, то, вѣдь, и никому нельзя. Многіе „нестяжатели“ уклонились отъ отвѣта на столь опасный вопросъ. Но нѣкоторые отвѣтили. „Написано:—говорилъ, напр., Матвѣй Башкинъ—возлюби ближняго своего, какъ самого себя. А мы Христовыхъ рабовъ у себя (рабами) держимъ. Христосъ всѣхъ братьями называетъ, а у насъ одни въ кабалѣ, другіе закуплены, третьи—полные рабы. Я благодарю Бога,—у меня какія были бумаги на рабовъ, всѣ изодралъ и держу людей своихъ добровольно: хорошо ему,—и онъ живетъ у меня, а нехорошо—идетъ, куда хочетъ“. Но это значило, что коли заповѣдь Христову соблюдать, то надо всѣхъ рабовъ отпустить на свободу, а землю предоставить только тѣмъ, кто на ней трудится.

Разъ дѣло доходило до этого, возникалъ и другой вопросъ: «отцы вселенскихъ соборовъ тоже имѣли и помѣстья, и рабовъ и другимъ имѣть не запрещали. Что же и они, значитъ, заповѣдь евангельскую не исполняли? Многимъ нестяжателямъ благоразумнѣе казалось отвѣчать уклончиво. Другіе не считали возможнымъ уклоняться. И тотъ же, напр., Матвѣй Башкинъ объявилъ, что отцы вселенныхъ соборовъ не объ Евангеліи думали: „все для себя только писали, чтобы имъ всѣмъ завладѣть—и царскимъ и святительскимъ“. Однако, въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ написано, что противники вселенскихъ отцовъ были наказаны самимъ Богомъ, а сами отцы совершали чудеса. Объ Аріи, напр.,

разсказывается, что у него „утроба разсѣлась». Людямъ, въ родѣ Башкина, пришлось и на это дать прямой отвѣтъ, т. е. назвать разсказы даже о признанныхъ церковью угодникахъ — „баснями". Короче говоря, прямодушнымъ и послѣдовательнымъ нестяжателямъ пришлось признать, что они вѣрятъ только священному писанію и не признаютъ правильными постановленія соборовъ. А признавая только священное писаніе, и главнымъ образомъ Евангеліе, пришлось отвергнуть ученіе о трехъ ипостасяхъ, почитаніе иконъ, монашество, таинства и почти всѣ церковныя установленія; пришлось отвергнуть также рабовладѣніе и тѣ государственные законы, на которыхъ основано владѣніе землею. Очевидно, прямодушные и послѣдовательные нестяжатели не могли разсчитывать на сочувствіе московскихъ князей и царей.

Споръ стяжателей съ нестяжателями, начатый собственно при Димитріи Донскомъ во времена стригольниковъ, особенное значеніе пріобрѣлъ при правнукѣ Димитрія Иванѣ III, продолжался при сынѣ Ивана III Василіи III и при сынѣ Василія III Иванѣ Грозномъ. Матвѣй Башкинъ жилъ при Иванѣ Грозномъ. Но еще раньше его къ такимъ же приблизительно выводамъ, что надо вѣрить священному писанію, а не вселенскимъ соборамъ, пришли новгородскіе священники Діонисій и Алексѣй, архимандритъ Симонова монастыря Зосима и многія другія духовныя и свѣтскія лица. Слѣдуя священному писанію, единомышленники Діонисія и Алексѣя зашли такъ далеко, что они считали правильнѣе праздновать не воскресенье, а субботу. Отсюда и названіе ихъ: „субботники". Въ числѣ выдающихся „субботниковъ" былъ, между прочимъ, житель Новгорода Захаръ, котораго считаютъ евреемъ, пріѣхавшимъ будто бы изъ Кіева. Этимъ ловко воспользовался новгородскій архіепископъ Геннадій, чтобы объявить, что Діонисій и Алексѣй совращены въ ересь „жидомъ Захаріей, или Схаріей", пріѣхавшимъ въ Новгородъ съ другими пятью жидами якобы спеціально для совращенія православныхъ. Отсюда другое названіе субботниковъ: „жидовствующіе".

Въ первое время „субботники" обращали на себя

вниманіе главнымъ образомъ необыкновенною для того времени чистотою своей жизни. Въ 1480 г. Діонисій былъ переведенъ въ Москву и сталъ настоятелемъ Успенскаго собора; Алексѣй также попалъ въ Москву и сталъ священникомъ Архангельскаго собора. На ихъ сторону склонились нѣкоторые влiятельные вельможи и даже княгиня Елена, жена наслѣдника престола. Но все это было, пока субботники не вполнѣ опредѣлили себя. Когда же подъ вліяніемъ споровъ имъ пришлось яснѣе понять свои мысли и яснѣе высказать ихъ, положеніе измѣнилось. По настоянію Іосифа Волоколамскаго, они въ 1504 г. были преданы анаѳемѣ. Новгородскій архіепископъ Геннадій надѣвалъ имъ на голову большіе свертки береста и зажигалъ. И многихъ такимъ способомъ живьемъ пожогъ. Въ Москвѣ также многіе были сожжены (въ числѣ прочихъ юрьевскій архимандритъ Касьянъ съ братомъ), многіе сосланы и заточены, многіе умерли на пыткахъ. Нѣкоторые изъявляли раскаяніе. Но, по настоянію Іосифа Волоколамскаго, и раскаявшіеся были казнены. При Иванѣ Грозномъ Матвѣй Башкинъ и его единомышленники (между прочимъ, два игумена: Артемій и Нектарій) были просто сосланы въ монастырь.

На первый взглядъ, какъ будто странно, что среди людей, отвергавшихъ вселенскіе соборы, таинства, иконопочитаніе, оказывались игумены, архимандриты, священники. Нѣкоторые церковные писатели видятъ даже въ этомъ особую хитрость: „умышленно, дескать, еретики скрывали свои убѣжденія, чтобъ вѣрнѣе соблазнять православныхъ“. Однако, врядъ-ли можно тутъ предполагать хитрость. На Матвѣя Башкина первый доносъ сдѣланъ его духовникомъ, священникомъ московскаго архангельскаго собора Семеномъ. На исповѣди Башкинъ изложилъ Семену свой взглядъ, что жить надо по Евангелію. Смущенный его вопросами, свящ. Семенъ донесъ митрополиту, что хотя Башкинъ, какъ онъ самъ на исповѣди заявлялъ, въ „Святую Троицу вѣритъ, Спасителю, Богородицѣ и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ“, поклоняется, но мнѣнія имѣетъ странныя. Но затѣмъ Башкинъ уже въ пылу споръ яснѣе понялъ свои мысли,— отвергъ ученіе о Троицѣ, а разсказы о житіи святыхъ

назвалъ баснями. И сдѣлалъ это открыто, на соборѣ. Очевидно, онъ не обманывалъ своего духовника. Онъ вначалѣ говорилъ только, что надо жить по Евангелію. И лишь впослѣдствіи сообразилъ, къ чему его мнѣніе ведетъ. То же и о другихъ надо сказать. Они сначала признавали лишь то, что имъ казалось яснымъ, простымъ и несомнѣннымъ. Монахи, положимъ, съ крестьянъ аренду берутъ; это не по-евангельски, это надо измѣнить, а таинства, вселенскіе соборы и все прочее сюда какъ будто не касается. И пока люди даже не предполагали, что это можетъ сюда касаться, они объ этомъ и не думали и не говорили или, по крайней мѣрѣ, не обдумывали до конца. А когда подъ вліяніемъ возраженій и споровъ являлась нужда обдумать и высказаться опредѣленно, дѣло немедленно переходило на судъ и завершалось казнью или заточеніемъ. Такимъ образомъ, обѣ ереси—ересь жидовствующихъ и ересь Башкина—были подавлены въ сущности раньше, чѣмъ онѣ успѣли сложиться въ опредѣленное вѣроученіе.

Людей прямолинейныхъ и послѣдовательныхъ іосифлянамъ было легко устранять,—именно потому, что послѣдовательный и прямолинейный человѣкъ быстро договаривался до такихъ вещей, за которыми слѣдовала казнь. Правда, самъ Іосифъ Волоколамскій не сумѣлъ ничего отвѣтить на упреки, что его мнѣніе не согласно съ евангельскими заповѣдями. И совѣтовалъ лишь своимъ ученикамъ и единомышленникамъ, въ случаѣ разногласія съ Евангеліемъ, прибѣгать къ „богопремудростному и богонаученному коварству“, — т. е. объ одномъ умалчивать, другое незамѣтно переиначивать. Нѣсколько труднѣе было „богонаученнымъ хитрецамъ“ бороться съ противниками, уклончивыми и осторожными. Уклончивые „нестяжатели“ на первый взглядъ, какъ будто предлагали государямъ лишь отобрать у монастырей помѣстья. Такъ ихъ одно время готовъ былъ понимать, между прочимъ, Иванъ III. Іосифляне противъ этого возражали: „теперь, молъ, монахи ищутъ государева жалованья, дорожатъ доходами съ имѣній и потому государю покорны, а когда нечего имъ будетъ искать и нечѣмъ дорожить, тогда и государь отъ нихъ покорности не дождется“. Нестяжателямъ пришлось признать,

что это возраженіе до нѣкоторой степени основательно. Но—говорили они—въ томъ-то и польза для государства заключается, чтобы духовенство чувствовало себя независимымъ и могло, когда потребуется, подать государю совѣтъ и удержать его отъ слишкомъ поспѣшныхъ и неосторожныхъ дѣлъ. „Государя—возражалъ на это Іосифъ—Господь Богъ устроилъ, вмѣсто себя, и посадилъ на царскомъ престолѣ, предавъ ему судъ и милость и вручивъ и церковное, и монастырское, и власть надъ всѣмъ православнымъ государствомъ и всей русской землею“. „Государю надо быть — развивалъ эту мысль одинъ изъ учениковъ Іосифа Ивашка Пересвѣтовъ—грознымъ и самоупрямливымъ и мудрымъ безъ спрашиванья (совѣтовъ)“.

Нестяжателямъ пришлось на это отвѣтить, что, наоборотъ, государь долженъ „съ радостью, безъ высокоумной гордости съ христоподобной смиренной мудростью воздвигнуть отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ и безпрестанно держать при себѣ погодно всякихъ людей и всякій день“ совѣтоваться съ ними о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, споръ незамѣтно привелъ къ весьма крупнымъ политическимъ разногласіямъ. Нестяжатели въ концѣ концовъ вынуждены были вполнѣ опредѣленно высказаться за ограниченіе власти царя собраніемъ представителей отъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ. Іосифляне не менѣе опредѣленно высказались за полное „самовластіе“, самодержавіе государя. Потому и нужно — говорили они — сохранить церковныя и монастырскія имущества, чтобы духовенство жило въ полной зависимости отъ государя и безпрекословно исполняло всѣ его велѣнія. Послѣ этого царямъ стало совершенно ясно, къ чему могутъ повести мнѣнія нестяжателей. И если Иванъ III колебался, не зная, къ чему склониться, то внукъ его Иванъ Грозный вполнѣ сознательно сталъ на сторону іосифлянъ. Такимъ образомъ, благодаря Іосифу и его послѣдователямъ, русское правительство ни на одинъ шагъ не отступило отъ чистаго греческаго православія. Нельзя, однако, сказать, что эта побѣда православія надъ новшествами не сопровождалась крупнымъ урономъ для государственной церкви.

Прежде всего постараемся опредѣлить, откуда пришли эти новшества. Церковные писатели, обыкновенно, приписываютъ ихъ вліянію иноземцевъ: въ богумильство—говорятъ они—православныхъ совращали болгары,—стригольники явились подъ вліяніемъ иновѣрной Литвы, субботники отъ евреевъ, Башкинъ развращенъ еретическимъ ученіемъ социніанскимъ. Несомнѣнно, кое-что значило тутъ вліяніе иноземцевъ. Однако, это вліяніе не надо преувеличивать. Въ мнѣніяхъ того же хотя-бы Башкина, дѣйствительно много сходства съ социніанскимъ ученіемъ, послѣдователи котораго, между прочимъ,—въ Швейцаріи и Польшѣ—отвергли догматъ о трехъ ипостасяхъ и таинствахъ. Однако, Башкинъ былъ уже сосланъ въ монастырь, когда главному социніанскому вѣроучителю Фаусту Социну было всего 12 лѣтъ отъ роду. Во всякомъ случаѣ гораздо больше иноземцевъ содѣйствовали появленію новшествъ нравы и обычаи русскаго духовенства. Поборы духовенства, его неблагообразная жизнь и впослѣдствіи не разъ были одной изъ причинъ отпаденія мірянъ отъ церкви. Такъ, напримѣръ, уже при Екатеринѣ II въ Тамбовской губ. возникла „ересь однодворцевъ“, когда нѣсколько десятковъ человѣкъ (однодворцы) рѣшили въ церковь не ходить и таинствъ не признавать, на томъ основаніи, что „священники пьяницы, сквернословцы и сварливы“. Такъ оно бываетъ и до сихъ поръ.

Но не этимъ только объясняется появленіе новшествъ. Архіепископъ новгородскій Геннадій, между прочимъ, спрашивалъ у ростовскаго архіепископа Іосифа, не можетъ-ли тотъ прислать въ Новгородъ книги: Бытія, Пророковъ, Царствъ. У субботниковъ—жаловался Геннадій—„эти книги всѣ есть“. Архіепископу же приходилось ихъ разыскивать, какъ рѣдкія и мало извѣстныя, хотя книги Бытія, Пророковъ и Царствъ входятъ въ составъ Библіи. Точно также священникъ Семенъ, донося о странныхъ мнѣніяхъ Башкина, между прочимъ, разсказывалъ: „Матюша (т. е. Матвѣй Башкинъ) проситъ истолковать ему многое въ Апостолѣ“, а Семенъ сказалъ ему: я и самъ того не вѣдалъ, чего ты спрашиваешь“. И много такихъ было священниковъ, которые „сами того не вѣдали“, чѣмъ интересуются люди, кото-

рые стали читать Библію, и въ особенности Евангеліе, а также дѣянія и посланія апостоловъ. Со временъ Владимира духовенство держалось церковныхъ, главнымъ образомъ, богослужебныхъ книгъ и номокановъ — полагая силу вѣры въ обрядѣ и правилахъ. Углубляться же въ священное писаніе считалось даже опаснымъ дѣломъ. Когда одинъ изъ монаховъ Кіево-печерской лавры Никита Затворникъ научился языкамъ еврейскому, латинскому и греческому и углубился въ изученіе Библіи, братія сочла его бѣсноватымъ. Мнѣніе, что Библія — книга опасная, что ею „зачитаться можно", уцѣлѣло до сихъ поръ. Но съ теченіемъ времени люди естественно стали стремиться къ тому, чтобы проникнуть въ сущность христіанскаго ученія. Болѣе другихъ образованные міряне и духовные углублялись если не во всю Библію, то, по крайней мѣрѣ, въ Евангеліе. И съ ними неизбѣжно случалось то же, что съ Матвѣемъ Башкинымъ при Иванѣ Грозномъ и графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ наши дни.

Графъ Л. Н. Толстой разсказываетъ о себѣ, что онъ долгое время, по родительскому примѣру, говѣлъ, причащался, исполнялъ многіе другіе обряды, не задумываясь, почему они нужны. А затѣмъ вникъ въ Евангеліе и рѣшилъ, что обряды совсѣмъ не нужны, а нужно жить, какъ заповѣдалъ Христосъ, и что нынѣшнее церковное и государственное устройство совершенно не соотвѣтствуетъ евангельскому ученію. Нѣчто въ этомъ родѣ случилось съ Башкинымъ. Такъ же случалось и со многими другими, кто вникалъ въ священное писаніе. Происхожденіе всѣхъ такихъ ересей довольно хорошо объясняется исторіей одной женщины, Настасьи Зимы, дѣло которой разсматривалось духовнымъ и гражданскимъ судомъ въ 1717 г. Настасья научилась грамотѣ. По выходѣ замужъ, стала читать Евангеліе, сначала про себя, потомъ вслухъ, — мужу и сосѣдямъ. Распространился слухъ, что есть грамотная «жонка Настасья — Евангеліе читаетъ». Потребность узнать и услышать евангельское слово была такъ велика, что къ ней стали приходить люди дальніе, и она читала имъ Евангеліе. И когда начальство провѣдало о Настасьиныхъ чтеніяхъ, то оказалось, что уже она, ея мужъ и ея ближайшіе

знакомые «иконамъ и кресту не кланяются и за святыню ихъ не признаютъ, ибо это дѣло рукъ человѣческихъ, а молятся и другихъ учатъ молиться Богу духомъ и истиною“.

Года на 4 раньше Настасьи былъ открытъ въ Москвѣ такой же „еретикъ“. Дмитрій Тверитиновъ, по ремеслу лекарь. Тверитиновъ тоже „начитался Евангелія“ и сталъ ходить на базаръ въ овощной рядъ и проповѣдовать овощникамъ, что не надо кланяться иконамъ и мощамъ, не надо исповѣдоваться и причащаться,—все это попы отъ себя придумали; а надо поклоняться Богу духомъ и истиною, а не тѣломъ,—такъ въ писаніи сказано. Своею проповѣдью Дмитрій Тверитиновъ многихъ отторгъ отъ православія и привлекъ къ себѣ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ Тверитинова былъ открытъ начальствомъ нѣкто Алексѣй Поповъ, который тоже училъ «молиться духомъ и истиною, а иконамъ не должно покланяться—онѣ дѣло рукъ человѣческихъ». Одновременно съ Алексѣемъ Поповымъ, въ Астрахани былъ „сысканъ Артемій Ивановъ, который иконы называлъ идолами, таинства уничтожалъ (отрицалъ), а церковь называлъ вертепомъ разбойниковъ“. Вмѣстѣ съ Настасьей Зимою былъ подвергнутъ пыткѣ портной Алексѣй. И когда его вздернули на дыбу, онъ показалъ, что какъ-то разъ случайно встрѣтился съ попомъ изъ города Устюжны. И попъ ему говорилъ, что «надобно Бога познавать изъ Евангелія и кланяться ему духомъ и истиною, а не тѣломъ» и сказавши это, прибавилъ: «отъ другихъ поповъ ты этого не услышишь».

Словомъ, какъ только въ Россіи возникла потребность читать священное писаніе и вникать въ него, еретики стали появляться то и дѣло, словно грибы послѣ дождя. Избѣжать же этихъ постоянныхъ потерь церковь оказалась не въ состояніи.

Въ наши дни, напр., духовенство могло лишь потребовать отъ гр. Толстого, чтобы онъ вѣрилъ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ. Доказать же ему, что онъ ошибается, оно не сумѣло. И такъ какъ гр. Толстой заявилъ, что считаетъ истиннымъ Евангеліе, а не ученіе вселенскихъ соборовъ, то онъ былъ преданъ анаѳемѣ. Такъ же православная церковь поступила и съ Матвѣемъ

Башкинымъ, и съ архимандритомъ Касьяномъ и многими другими,—съ тою лишь разницею, что гр. Л. Н. Толстой оставленъ на свободѣ, Башкинъ былъ сосланъ въ заточеніе, архимандрита же Касьяна посадили въ клѣтку и сожгли на площади; другіе просто казнены, третьи замучены на пыткѣ. Но казни, пытки, ссылки и отлученія мало убѣждаютъ въ истинности православія.

Наиболѣе послѣдовательные нестяжатели мечтали сообразовать церковное и государственное устройство со священнымъ писаніемъ. Если бы правительство не истребило ихъ, они, быть можетъ, сами бы увидѣли, что объ этомъ удобнѣе лишь мечтать. Въ самомъ дѣлѣ, вселенскими соборами постановлено признавать книги, вошедшія въ Библію, боговдохновенными, священнымъ писаніемъ. Однѣ изъ этихъ книгъ написаны за много сотъ лѣтъ до Рождества Христова, другія спустя много десятковъ лѣтъ послѣ распятія Христова. Писались онѣ разными людьми, въ разныя времена и примѣнительно къ разнымъ обстоятельствамъ. Сверхъ того, онѣ прошли, какъ и богослужебныя книги, черезъ тысячи рукъ переписчиковъ и подвергались передѣлкамъ и вставкамъ. Немудрено, что въ нихъ есть разныя мысли и разныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ.

Толкуя священное писаніе, отцы церкви сочли необходимымъ признать, что на ряду съ нимъ имѣетъ силу и преданіе, т. е. частью устные, частью записанные разсказы о пророкахъ, о жизни Іисуса Христа и апостоловъ. И при помощи преданій, духовенство, обыкновенно, доказываетъ, что въ Библіи никакихъ разногласій и противорѣчій нѣтъ. Далѣе, благодаря преданіямъ, духовныя лица имѣютъ возможность доказывать то, что, если преданіе отвергнуть, противорѣчитъ прямому смыслу Библіи. Въ Евангеліи, напр., дѣйствительно говорится, что Богу надо покланяться въ духѣ и истинѣ, т. е. духовно, а не тѣлесно. Но духовенство признало правильными разсказы о томъ, что евангелистъ Лука писалъ иконы. Признало оно правильнымъ и разсказъ, какъ Христосъ запечатлѣлъ свое изображеніе на полотенцѣ для какого-то царя Авгаря. На основаніи, между прочимъ, этихъ изустныхъ вначалѣ разсказовъ и признается правильнымъ почитаніе иконъ. Однако, Евангеліемъ оба эти

разсказа не подтверждаются. И кто вѣритъ только Евангелію, тотъ неизбѣжно долженъ отвергнуть не только иконы, но и церковные обряды.

Но разъ человѣкъ отвергъ преданія, онъ имѣетъ дѣло только съ Библіей и съ ея противорѣчіями. И ему по неволѣ приходится своимъ умомъ рѣшать, что же въ Библіи истинно, и что не истинно.

Гр. Л. Н. Толстой, напримѣръ, вынужденъ былъ признать только Евангеліе. Апостола же Павла онъ считаетъ исказителемъ евангельскаго ученія. А книги, написанныя еврейскими пророками до Рождества Христова, вовсе отвергъ. Но и въ самомъ Евангеліи гр. Толстой нашелъ противорѣчія, и одни евангельскія слова онъ признаетъ подлинными словами Христа, а другія считаетъ вставками и искаженіями переписчиковъ и переводчиковъ. Субботники же, уцѣлѣвшіе со временъ Ивана III по сію пору, нынѣ признаютъ истинными только книги ветхозавѣтныя, написанныя еврейскими пророками до Рождества Христова. Но и въ этихъ книгахъ, разумѣется, они нашли много противорѣчій. И вотъ одна часть субботниковъ просто исключаетъ изъ книгъ нѣкоторыя слова, считая, что они вставлены „попами и архіереями"; а такъ называемые новые субботники, возникшіе подъ вліяніемъ вѣроучителя Сундукова [1]), считаютъ истинными главнымъ образомъ 5 книгъ: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Второзаконіе. Возможно, наконецъ, и такъ сказать, что вселенскими соборами признаны священными совсѣмъ не тѣ книги, какія слѣдовало бы. И сейчасъ въ Россіи есть секта, послѣдователи которой такъ именно и говорятъ: они вовсе отвергаютъ Библію и признаютъ священнымъ Талмудъ, въ которомъ, впрочемъ, тоже легко найти множество противорѣчій. Словомъ, разъ люди дошли до того, что не могутъ слѣпо слѣдовать за духовенствомъ, и разъ эти люди хотятъ дойти до истины на основаніи священнаго писанія, они могутъ спорить до безконечности. И дѣйствительно, послѣ нестяжателей отъ русской государственной церкви отдѣлилось множество сектъ. Въ боль-

---

1) Сундуковъ изъ крестьянъ с. Дубовки, Саратов. губ.

шинствѣ всѣ онѣ ищутъ истины въ писаніи. Однимъ кажется важнымъ одно, другимъ другое. Каждый считаетъ только свою вѣру правою. И мечутся люди. Тщетно „взыскуютъ града вышняго“, ибо не тамъ онъ, гдѣ они его ищутъ.

Іосифъ Волоколамскій не даромъ называлъ себя „богопремудростнымъ хитрецомъ“. Онъ понималъ, что умъ человѣческій совершенно не можетъ совмѣстить слова писанія и особенно слова евангельскія съ церковными правилами и постановленія соборовъ. И, какъ хитрецъ, онъ предлагалъ собственно устранить умъ и не доискиваться истины. „Мнѣніе—говорили іосифляне—всѣмъ страстямъ мать“. „Христіанину не подобаетъ вдаваться въ мудрованіе“. То есть: „не думайте о томъ, что говорится въ писаніи; не старайтесь понять; вѣрьте только тому, что вамъ говоритъ церковная власть; вѣрьте, что всякое велѣніе церковной власти исходитъ отъ Господа, такъ какъ верховнаго владыку церкви—царя „Господь Богъ устроилъ, вмѣсто Себя, и посадилъ на престолѣ“. Сообразно завѣту Іосифа и поступилъ свящ. Семенъ: къ нему, какъ къ духовнику своему, Башкинъ обратился съ своими сомнѣніями, и онъ, не отвѣчая на сомнѣнія, донесъ по начальству: „вотъ, молъ, человѣкъ, который опасенъ, ибо онъ думаетъ и сомнѣвается“. Церковь запретила думать, отказалась отвѣчать по существу на предлагаемые ей вопросы. И многіе думающіе, многіе прилѣпившіеся къ священному писанію стали отпадать отъ нея.

Іосифъ убѣждалъ Ивана III казнить „еретиковъ“. И цари вняли этому увѣщанію. Установлены были законы, полагавшіе за отпаденіе отъ православной церкви смертную казнь. Но мы уже на примѣрѣ старообрядцевъ видѣли, что законы эти не всегда возможно исполнить: отпавшихъ изъ-за различія обрядовъ такъ много было, что всѣхъ не казнишь. Такъ же много оказалось отпавшихъ изъ-за священнаго писанія. Вслѣдъ за субботниками появлялись духовные христіане, духоборы, молокане, штундисты и многіе другіе сектанты. И чѣмъ больше ихъ истребляла православная церковь, тѣмъ многочисленнѣе они становились. Между тѣмъ, передъ православною церковью выросталъ незамѣтно новый

противникъ. Его почти не знала Византія. Его появленія почти не предвидѣлъ Іосифъ Волоколамскій. Но онъ-то, подобно камню, которымъ пренебрегли строители, оказался во главѣ угла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ослабленіе церкви и учрежденіе синода.

Отцы первыхъ вселенскихъ соборовъ были учеными людьми своего времени. Они узаконили ту науку, которую знали, и выше которой, имъ казалось, ничего быть не можетъ. Они полагали, что позднѣйшимъ ученымъ придется лишь разъяснять и укрѣплять уже извѣстныя и установленныя соборами истины. Въ этомъ смыслѣ было установлено добавочное правило, что дѣло науки — служить постановленіямъ духовныхъ соборовъ. Однако, у науки нашлось другое дѣло. Людямъ понадобилось, напр., изслѣдовать землю, дознаться что она кругла, какъ шаръ, проплыть по океанамъ вокругъ этого шара, по дорогѣ открыть сначала одну невѣдомую дотолѣ часть свѣта—Америку и на ней невѣдомыхъ людей—индійцевъ, а затѣмъ и другую невѣдомую дотолѣ часть свѣта—Австралію и на ней также невѣдомыхъ людей—австралійцевъ, которые подобно индійцамъ, ничего не слышали ни объ Адамѣ и Евѣ, ни о Моисеѣ, ни о Христѣ. Между прочимъ, изъ Америки была привезена къ намъ картофель, о которой ученѣйшіе люди во времена Константина Великаго понятія не имѣли. Эти ученѣйшіе люди полагали, что земля „утверждена аки столпъ“. Господь—говорится въ извѣстномъ церковномъ пѣснопѣніи—„землю на водахъ основалъ“. А дабы она не потонула,—добавляли благочестивые русскіе люди,—ее три кита держатъ. Земля имѣетъ видъ плоскій—доказывалъ на основаніи священнаго писанія греческій монахъ Козьма Индикопловъ. И какъ разъ въ то время, когда Іосифъ Волоколамскій признавалъ всѣ такія мнѣнія православныхъ писателей

боговдохновенными, итальянскій ученый Христофоръ Колумбъ открылъ Америку.

Отцы первыхъ соборовъ полагали, что отъ сотворенія міра до Рождества Христова прошло только 5508 лѣтъ. И казалось, позднѣйшіе ученые будутъ лишь доказывать правильность этого исчисленія. Но людямъ понадобилось углубиться въ нѣдра земныя, чтобы доставать тамъ руду и уголь. Ученымъ пришлось изслѣдовать эти нѣдра. А изслѣдуя они открыли, что земля существуетъ уже милліоны лѣтъ.

Основываясь на Библіи, церковные люди полагали, что земля центръ міра, что только для нея и вокругъ нея движутся по тверди небесной солнце, луна и звѣзды, сотворенныя, какъ сказано въ книгѣ Бытія, въ четвертый день. И какъ разъ въ то время, когда іосифляне и нестяжатели одинаково признавали, что книга Бытія, наравнѣ съ другими книгами Библіи, написана по внушенію Божію, и что каждое слово въ ней истинно, именно какъ слово Божіе, астрономъ Коперникъ доказалъ, что земля—лишь небольшая планета, которая, въ числѣ многихъ другихъ планетъ, вращается вокругъ солнца. Астрономы, геологи, химики, естествоиспытатели, въ концѣ концовъ сплошь оказались еретиками, ибо совершенно отвергли ученіе Библіи о сотвореніи и устройствѣ міра. А тѣмъ самымъ они отвергли и основное постановленіе вселенскихъ соборовъ, что черезъ пророковъ и апостоловъ, написавшихъ Библію, самъ Богъ открылъ свою волю и свои дѣла людямъ. Еретики ученые пошли дальше: они даже ученіе Плотина, которое казалось несомнѣннымъ во времена Никейскаго и Константинопольскаго соборовъ, объявили однимъ изъ печальнѣйшихъ заблужденій человѣческаго ума. Правда, въ Западной церкви, гдѣ еретическая наука свила гнѣздо, ученые, дерзостно колеблющіе вселенскую вѣру до основанія, нерѣдко гибли за это на кострѣ. Но сжиганьемъ людей на кострахъ католическое духовенство не доказало своей правоты. Менѣе образованное русское духовенство при столкновеніи съ наукой оказалось еще безпомощнѣе.

Русское духовенство чувствовало, что съ европейскаго запада надвигается страшный врагъ православія.

И относилось ко всему западному съ нескрываемою враждою. Доходило до того, что въ Псковѣ, напр., подъ вліяніемъ церковныхъ людей, возникалъ вопросъ, можно ли ѣсть хлѣбъ и овощи, привезенныя „изъ нѣмецкой земли“. Митрополитъ разрѣшилъ употреблять ихъ въ пищу не иначе, какъ послѣ очистительной молитвы священника. Это было въ то время, когда московскіе князья и русскіе архіереи зависѣли отъ татаръ и съ великою благодарностью принимали подарки хана, хотя онъ былъ мусульманинъ, а нѣмцы—христіане. Сообразно взгляду, что западные, европейскіе христіане поганѣе, вреднѣе восточныхъ азіатскихъ магометанъ, были и поступки со всѣми вообще „нѣмцами“, подъ которыми разумѣлись и французы, и англичане и шведы, и итальянцы. Какъ-то разъ царь Иванъ Грозный разговорился съ богемцемъ Рокитою, прибывшимъ въ Москву въ свитѣ польскаго посланника. Рокита одобрительно отозвался о знаменитомъ нѣмецкомъ проповѣдникѣ Лютерѣ. Царь вспылилъ, ударилъ Рокиту хлыстомъ по лицу и сказалъ: „убирайся къ чорту съ своимъ Лютеромъ“. Другому иноземцу, пастору Ѳомѣ, Иванъ Грозный собственноручно расшибъ голову палкою и собственноручно спустилъ его въ прорубь подъ ледъ. Тотъ же Иванъ Грозный приказалъ въ 1576 г. устроить погромъ въ московской Нѣмецкой слободѣ, гдѣ, по распоряженію русскаго начальства, селились иноземцы, пріѣзжавшіе съ запада, и Нѣмецкая слобода была разграблена.

И опять любопытно: „нѣмцамъ“ запрещалось въ Москвѣ жить вмѣстѣ съ православными, мусульманамъ разрѣшалось. Но еще любопытнѣе, что глава русской православной церкви Иванъ Грозный какъ-то въ разговорѣ съ однимъ иностранцемъ сталъ сильно бранить русскихъ за ихъ невѣжество и грубость. „Государь,—возразилъ смущенный иностранецъ,—вѣдь, и вы русскій“.—„Я не русскій—отвѣтилъ на это царь.—Я нѣмецъ. Мой прародитель—нѣмецкій король Пруссъ“. И еще любопытная черта. Когда на престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ даже духовныя лица подчеркивали, что Романовы происходятъ отъ Андрея Кобылы—„выходца изъ нѣмецкой земли Прус-

сіи“. „Выходецъ изъ образованной Пруссіи“—это считалось какъ бы похвалой и доказательствомъ благороднаго происхожденія. Иначе говоря, русскіе смотрѣли на иностранцевъ съ невольнымъ уваженіемъ, какое внушаетъ человѣкъ образованный человѣку необразованному. „Русскіе убѣждены,—писалъ тайный католическій миссіонеръ Геральдъ—что мы видимъ на сто локтей подъ землею“. Естественно, Ивану Грозному было пріятно говорить о себѣ, что онъ тоже принадлежитъ къ людямъ, которые на сто локтей подъ землей видятъ. Но ему естественно было бояться такихъ страшныхъ людей.

Такъ же двойственно относилась Москва и къ образованію иноземцевъ. Сами духовныя лица непрестанно жаловались, что русская земля—земля темная, непросвѣщенная, неграмотная. Даже такой врагъ новшествъ, какъ новгородскій архіепископъ Геннадій, неукротимый истребитель субботниковъ, жаловался, что еретики очень искусны въ грамотѣ, а среди православныхъ нѣтъ людей, которые могли бы съ ними состязаться. Высшее духовенство скорбѣло, что „поповъ неграмотныхъ приходится ставить“, ибо грамотнаго взять негдѣ. Но когда царь Борисъ Годуновъ предложилъ основать школы и вызвать для этого ученыхъ людей изъ-заграницы, духовныя лица рѣшительно заявили, что это дѣло гибельное и черезъ него „встанетъ смута на русской землѣ“, и православная вѣра разрушится. Книги, изданныя при кіевской духовной академіи, запрещено было имѣть и читать подъ страхомъ отлученія отъ церкви. А когда Малороссія присоединилась къ Москвѣ, возникала мысль, что ради спасенія православія кіевскую академію всего лучше разрушить до основанія. Однако, разрушить ее оказалось нельзя, ибо въ Малороссіи православному духовенству приходилось бороться съ духовенствомъ католическимъ. А для этого надо было имѣть такія же знанія, какими обладало духовенство западное, и въ частности, духовенство польское. Послѣ присоединенія Малороссіи, московскому патріарху было необходимо вникнуть въ эту борьбу. Но патріархъ Іоакимъ, на котораго свалилась эта забота, „грамотѣ мало умѣлъ“. Коломенскій архіепископъ Іосифъ такъ о

немъ отозвался: „на соборахъ, браду уставя, сидитъ,— ничего не знаетъ, благовѣстить прикажетъ то такъ, то иначе, а поученіе станетъ читать,—только гноитъ, слушать нечего“. И когда старообрядцы стали говорить, что онъ „заразился латинскою ересью“ (т. е. перешелъ въ католичество), Іоакимъ безпомощно обратился съ просьбою къ правительству: „повелите, да не безчестится честь духовнаго чина отъ невѣждъ и досадителей многихъ“. Даже съ такимъ простымъ дѣломъ патріархъ безъ полицейской помощи не умѣлъ справиться. Гдѣ ужъ ему было вникать въ сложную борьбу польскаго католическаго духовенства съ православіемъ въ малорусскихъ областяхъ.

Между тѣмъ, за западнымъ рубежемъ земли русской дѣла сильно измѣнялись. Раньше тамъ была только „еретическая вѣра“ латинская. И относительно „латинской вѣры“ малоученое русское духовенство почерпало довольно точныя свѣдѣнія изъ старыхъ греческихъ книгъ, переведенныхъ на болгарскій языкъ. Напримѣръ, въ римскомъ патріархатѣ было принято, что Духъ Святой исходитъ не только отъ Бога Отца, но и отъ Бога Сына; принято было совершать проскомидію не на квасномъ хлѣбѣ, а на опрѣснокахъ, крестить обливаніемъ, а не крещеніемъ и т. д. Все это было извѣстно; извѣстно было, какъ надо возражать противъ римскихъ особенностей въ защиту греческаго обряда и ученія. Но съ теченіемъ времени римскій патріархатъ подвергся цѣлому ряду крупныхъ потерь. Отъ него отдѣлились: Англія, Швеція и большая часть нѣмецкихъ государствъ. Появились новыя христіанскія церкви: англиканская, лютеранская, кальвинистская. О нихъ русское духовенство знало лишь по наслышкѣ, съ пятаго на десятое. А главное—не знало, чѣмъ возразить противъ того же хотя бы лютеранства, какъ доказать его неправоту.

Между тѣмъ религіозные споры въ западномъ патріархатѣ оказали вліяніе и на русскую церковь. Напримѣръ, часть Новгородской области, возлѣ Балтійскаго моря и Ладожскаго озера, давно обращенная въ православіе, перешла въ лютеранство. „Лютеранская ересь“ оказалась, впрочемъ, не только въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ, Псковъ или Нарва; слѣды лю-

теранства занесены были и въ Москву. Въ царствованіе Михаила Θеодоровича въ главномъ городѣ Швеціи Стокгольмѣ была уже основана типографія, спеціально для печатанія духовныхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Напечатанный здѣсь въ 1628 г. лютеранскій катехизисъ проникъ въ Москву и привлекъ послѣдователей. Одновременно дѣлала успѣхи и „латинская ересь". Тайный католическій проповѣдникъ Францискъ Эмиліанъ доносилъ въ 1699 году своему начальству въ Римъ: „Народъ весьма охотно слушаетъ проповѣди... Многіе русскіе монахи суть (тайные) уніаты (т. е. признаютъ власть папы) или весьма близки къ уніи, а еще больше такихъ, которые имѣютъ прекрасное мнѣніе о нашихъ (католическихъ) дѣлахъ. И недалеко отъ Москвы есть цѣлый аруніатскій монастырь, надъ которымъ начальствуетъ архимандритъ, мужъ весьма ученый и святой жизни, который тайно вызываетъ себѣ изъ Польши кандидатовъ. Своимъ благоразуміемъ онъ умѣетъ все устроить прекраснѣйшимъ образомъ, и имѣетъ теперь въ своемъ монастырѣ все поляковъ; но такъ какъ они хорошо знаютъ русскій языкъ, то ихъ и считаютъ русскими. Да поможетъ Богъ его стараніямъ на радость святой католической церкви!" *). И это была не пустая похвальба. Самъ Петръ Великій жаловался на католиковъ, что они даже въ Москвѣ „многихъ въ свой законъ привели, а наипаче изъ мѣщанъ". И не одни католики имѣли такой успѣхъ. „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ — писалъ настоятель Законоспасскаго монастыря Сильверстъ Медвѣдевъ — происходитъ вѣры (православной) колебаніе"; въ ересь впадаютъ православные, читая „римскія, люторскія и кальвинскія книги на польскомъ языкѣ".

Было ясно, что съ запада на православную церковь надвигается страшный врагъ. Но что ему противопоставить? Какимъ оружіемъ съ нимъ бороться. Онъ ученъ. Значитъ, для борьбы съ нимъ тоже надо быть ученымъ. Но если завести школы, предоставить возможность

---

*) Изъ боязни, что письма будутъ перехвачены, тайные католическіе проповѣдники, обыкновенно, избѣгали называть имена и мѣста. Поэтому и въ приведенномъ донесеніи монастырь и архимандритъ не названы.

учиться наукамъ, то православная церковь поколеблется. Это предки наши понимали и чувствовали. И не даромъ русское духовенство предупреждало благочестивыхъ людей: „аще по-латыни научиться, съ праваго пути совратиться". Дѣло въ томъ, что встарину во всѣхъ европейскихъ высшихъ школахъ (въ томъ числѣ и въ кіевской академіи) преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ. И всѣ ученыя сочиненія писались и печатались также по-латыни. Такъ что пока человѣкъ не выучивался латинскому языку, онъ не могъ получить серьезныхъ знаній. А такъ какъ въ Московскомъ царствѣ, если не считать Малороссіи, негдѣ было научиться латинскому языку, то православная церковь до поры до времени спасалась отъ иноземнаго врага. Въ Россіи, дѣйствительно, никто почти не могъ получить доступъ къ наукамъ. Русская православная церковь такъ хорошо оградила себя отъ враговъ, что даже для замѣщенія патріаршаго сана у нея не находилось достаточно образованнаго человѣка. Но когда враги нахлынули черезъ Малороссію, черезъ Польшу, черезъ Швецію, Москва оказалась безпомощной. И ей по неволѣ пришлось обратиться за помощью къ кіевскимъ ученымъ.

Кіевскіе ученые появились при сыновьяхъ Алексѣя Михайловича въ Москвѣ во множествѣ. Оказалось, однако, что за счетъ чужихъ знаній долго не проживешь. Эта очевидная истина съ особою наглядностью, дала себя чувствовать, когда довольно неожиданно вспыхнулъ въ Москвѣ споръ о Святыхъ Дарахъ. Одинъ изъ кіевскихъ ученыхъ Епифаній Славинецкій высказалъ, что во время литургіи хлѣбъ становится тѣломъ Христовымъ, а вино кровью Христовой именно въ ту минуту, когда священникъ произноситъ про себя слова: „сотвори убо" (молитва эта произносится въ алтарѣ, когда пѣвчіе на клиросѣ поютъ: „Тебе поемъ, Тебе благодаримъ"). А другой кіевскій ученый Симеонъ Полоцкій возразилъ, что претвореніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь совершается въ ту минуту, когда священникъ вслухъ произноситъ слова: „Пріимите ядите" и „Пійте отъ нея вси". Заспорили объ этомъ Епифаній и Симеонъ, живя въ Москвѣ. Жители Москвы очень заинтересовались этимъ споромъ. А патріархъ Іоакимъ, не умѣя рѣ-

шить, кто правъ, обратился за помощью къ митрополиту кіевскому Гедеону:

„Споръ идетъ сильный,—жаловался Іоакимъ—а вѣрныхъ писаній обѣ стороны показать не могутъ, и тебѣ бы, сынъ, постараться, извѣстить нашу вѣрность“,—„хотимъ получить извѣстіе отъ вашихъ книгъ, потому что у васъ больше объ этомъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ“.

Митрополитъ сообщилъ патріарху свое мнѣніе и посовѣтовалъ „его святѣйшеству, яко отцу и архипастырю“, обратить вниманіе на „книгу о вѣрѣ единоистинной“, которая напечатана въ Москвѣ, и въ которой „его святѣйшество“ могъ бы найти, что ему нужно. То-есть „патріарху всей Россіи“ пришлось, какъ ученику, выслушать замѣчаніе, что онъ не знаетъ и не понимаетъ даже тѣхъ книгъ, которые изданы въ Москвѣ. Несмотря на горечь и оскорбительность этого замѣчанія, Іоакимъ былъ вынужденъ вторично обратиться къ кіевскому митрополиту за указаніями. Но Гедеонъ эту вторичную просьбу оставилъ безъ отвѣта.

Оставаться въ такомъ положеніи было немыслимо. И русскому духовенству по неволѣ пришлось, наконецъ, согласиться на учрежденіе въ Москвѣ духовной академіи. Но стараясь спасти православную церковь отъ страшныхъ иноземныхъ вліяній, оно предъявило такія требованія, какихъ нельзя было выполнить. Такъ, напр., патріархъ вначалѣ потребовалъ, чтобы въ академіи не преподавался латинскій языкъ, и чтобы обученіе всѣмъ наукамъ велось на языкѣ греческомъ. Но на греческомъ языкѣ не оказалось нужныхъ для этого книгъ. Да и негдѣ было найти учителей, такъ какъ сами греки учились въ школахъ латинскихъ и на языкѣ латинскомъ. Пришлось и въ московской академіи допустить латинскій языкъ. Русское духовенство настояло лишь на томъ, чтобы главное мѣсто занималъ все-таки языкъ греческій и церковный (т. е. болгарскій). Оттого московская академія и получила названіе славяно-греко-латинской. Далѣе, духовенство потребовало, чтобы въ учителя принимались только люди, о которыхъ константинопольскій патріархъ удостовѣритъ, что они вѣруютъ по-православному. Понадобилось же удостовѣреніе константино-

польскаго патріарха отчасти потому, что высшее русское духовенство сомнѣвалось въ своемъ умѣньи отличить православіе отъ кривославія. Наконецъ, московскія духовныя лица требовали, чтобы учителя академіи „небаловались возлѣ химіи и физики“, т. е. совсѣмъ не обучали свѣтскимъ наукамъ, какъ явно еретическимъ.

Патріарху пришлось согласиться на устройство академіи, между прочимъ, и вотъ по какой причинѣ. Хотя образованіе по иноземному образцу строжайше не допускалось въ Москвѣ, но потребность въ немъ была велика, и кое-какіе способы пріобрѣсти знанія появились. Такъ, еще при жизни Алексѣя Михайловича его любимый бояринъ Ртищевъ основалъ новый, Андреевскій, монастырь, населилъ его монахами изъ Польши, чтобы у москвичей было гдѣ получить образованіе. Симеонъ Полоцкій основалъ латинскую школу для преподаванія латинскаго языка. Затѣмъ была открыта греческая школа при типографіи. Сверхъ того, появились частные учителя. Изъ нихъ, напр., Иванъ Бѣлободскій, хотя и держался кальвиновой ереси, но ко всѣмъ вообще вѣрамъ относился не очень уважительно, а обучалъ своихъ учениковъ свѣтскимъ наукамъ. И по мысли патріарха, всѣ эти школы должны были исчезнуть, дабы академія была „единымъ общимъ училищемъ“ въ Великой Малой и Бѣлой Россіи. Сверхъ того, на академію духовенство возлагало, между прочимъ, такія обязанности: 1) слѣдить, чтобы никто не смѣлъ держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, и такимъ образомъ, чтобы никто не могъ получить образованіе, помимо академіи; 2) наблюдать, чтобы никто не имѣлъ еретическихъ книгъ, чтобы никто, кромѣ ученыхъ, не имѣлъ иностранныхъ книгъ, и чтобы никто не велъ споровъ о вѣрѣ по этимъ книгамъ; 3) и, наконецъ, академія должна была вообще слѣдить, нѣтъ ли гдѣ людей, опасныхъ для православія, и если они отыщутся — предавать ихъ сожженію на кострѣ.

Нашлись два греческихъ іеромонаха—братья Іоанникій и Софроній Лихуды. Оба получили образованіе въ Италіи, въ латинскихъ школахъ. Они брались поставить дѣло въ новой академіи такъ, какъ желательно московскому духовенству. И по рекомендаціи констан-

тинопольскаго патріарха Досифея, оба были приглашены въ Москву. Своего обѣщанія они, однако, не сумѣли выполнить. Имъ по неволѣ пришлось вести обученіе на латинскомъ языкѣ. И по неволѣ надо было знакомить учениковъ съ физикой и философіей. Московское духовенство насторожилось и сообщило о поведеніи Лихудовъ константинопольскому патріарху. Патріархъ написалъ Лихудамъ письмо. Онъ писалъ братьямъ-іеромонахамъ, что они поступаютъ, какъ Іуда-предатель. „Вы учите—укорялъ патріархъ—латинскому языку, чтобъ ввести въ простыя души латинское беззаконіе“. Оба патріарха—константинопольскій и московскій требовали отъ Лихудовъ, чтобы въ академіи преподавались только «благочестивыя науки», хотя ни тотъ ни другой не могли сказать, какія именно. Къ этому присоединились волненія въ академіи. Сынъ іеромонаха Іоанникія Николай Лихудъ увезъ дочь придворнаго кучера Марью Селифонтову, свою любовницу. Желая видѣть ее постоянно въ академіи, онъ потребовалъ отъ Марьи одѣться помужски и подъ видомъ ученика ходить на уроки. Марьѣ это не понравилось. Она убѣжала отъ Лихуда и донесла начальству. А начальство послало въ академію подьячаго со стрѣльцами арестовать Николая. Но въ академіи, когда арестованный Николай закричалъ, къ нему на помощь кинулись ученики и монахи, «схватили подьячаго, начали его бить, за волосы таскать». Тутъ подоспѣли было на выручку подьячаго стрѣльцы, но какой-то монахъ вооружился скамьею, собралъ учениковъ и вступилъ со стрѣльцами въ драку. Стрѣльцы потерпѣли пораженіе и были прогнаны за ворота. Ученые іеромонахи Лихуды сообразили, что дѣло плохо, и поспѣшили скрыться изъ Москвы, надѣясь убѣжать за границу. Но были пойманы и сосланы въ Ипатьевскій монастырь. Другихъ охотниковъ вести академію, согласно желанію высшаго московскаго духовенства, не нашлось. И академія запустѣла. Въ ней даже потолки обрушились, и печи развалились.

Случай съ Николаемъ Лихудомъ показываетъ, что въ православной московской академіи были далеко не благочестивые нравы. Но не это важно. Выяснилось гораздо болѣе важное обстоятельство, а именно то, что

православная церковь не может допускать никакихъ наукъ, даже тѣхъ, какими пользовалась въ своихъ школахъ церковь католическая. Старые люди были, значитъ, правы, когда говорили, что православный человѣкъ только при томъ условіи и остается православнымъ, если вмѣсто латинскихъ «хитрыхъ наукъ» изучаетъ часословъ и псалтырь, а, вмѣсто философіи,— октоихъ. Въ православной церкви оказывалось возможнымъ обучать только богослужебнымъ книгамъ. Только эта наука не была опасна.

И пока люди жили такъ, что имъ другихъ наукъ не требовалось, православная церковь стояла непоколебимо. Но съ теченіемъ времени жизнь измѣнялась. Число людей умножалось. Значитъ, нужно было улучшать обработку земли, чаще ѣздить, быстрѣе работать. Понадобились желѣзныя сохи, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, стальные косы и серпы, желѣзныя шины на колеса. Рѣдѣли лѣса. И если прежде доски вытесывались изъ бревенъ, то впослѣдствіи оказалось, что гораздо дешевле и лучше ихъ пилить. Понадобились пилы, рубанки и многія другія плотничьи и столярныя инструменты. Сдѣлалось необходимымъ добывать много желѣза и каменнаго угля. И слѣдовательно, нельзя стало обходиться безъ науки геологіи, хотя она, несомнѣнно, еретическая. Понадобились сложныя мастерскія для выдѣлки инструментовъ. И, стало быть, оказались необходимыми явно еретическія науки,—физика и механика. Многимъ людямъ понадобились часы. А для провѣрки и установки часовъ нужна совершенно еретическая наука—астрономія. Когда населеніе умножилось, понадобились врачи, аптеки, больницы, а, стало быть, понадобились и еретическія медицинскія науки. И такъ во всемъ, отъ мала до велика.

Католическая церковь не меньше православной старалась истребить еретическія науки. Но въ концѣ концовъ смирилась и научилась приноровляться. Она на опытѣ убѣдилась, что приноровляться не такъ ужъ трудно. Въ самомъ дѣлѣ,—теперь, напримѣръ, въ домѣ каждаго священника и даже во многихъ храмахъ вы найдете часы. Время-отъ-времени батюшка свѣряетъ ихъ въ почтовой или телеграфной конторѣ. А почтовыя

и телеграфныя конторы ежедневно свѣряютъ часы по указанію астрономовъ, наблюдающихъ за теченіемъ звѣздъ въ Пулковѣ, близъ Петербурга. Астрономія совершенно отвергаетъ то ученіе о звѣздахъ и планетахъ о небесной тверди, какое установлено отцами православной церкви. Но высшее духовенство дѣлаетъ видъ, что ему неизвѣстны эти еретическія свойства астрономіи, и оно оставляетъ пулковскихъ ученыхъ въ покоѣ. А приходскій священникъ даже не всегда знаетъ, что такое астрономія, чему она учитъ, и по чьему указанію свѣряются часы. Точно также почти въ каждой монашеской кельѣ теперь можно найти керосиновую лампу. Но монахъ, зажигая ее, часто даже не предполагаетъ, что прежде чѣмъ добыть керосинъ, нужно было произвести весьма сложныя геологическія изслѣдованія, и что наука, благодаря которой люди сумѣли произвести эти изслѣдованія, добыли нефть и выработали керосинъ, совершенно отвергаетъ православное ученіе о сотвореніи земли. И хотя эта наука исчисляетъ существованіе земли милліонами лѣтъ, однако во всѣхъ календаряхъ и святцахъ говорится, что отъ сотворенія міра до Рождества Христова прошло только 5508 лѣтъ, какъ установлено вселенскими соборами. И точно также до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ говорится. «Землю основавый на водахъ, утверди мя... Господи», «Тебе, на водахъ повѣсившаго всю землю» и т. п. Однако, всѣ духовныя лица, отъ первѣйшихъ митрополитовъ до послѣднихъ монаховъ, кушаютъ картофель, хотя этотъ овощъ появился у насъ, благодаря наукѣ, отвергнувшей церковное ученіе о землѣ, «основанной на водахъ многихъ». И такъ во всемъ. Нынѣ мы всѣ ѣдимъ пищу, добытую при помощи еретическихъ наукъ, носимъ одежду сотканную и сшитую на еретическихъ станкахъ и машинахъ, строимъ не только жилища, но и церкви изъ матеріаловъ, обработанныхъ еретическими средствами, еретическая фотографія помогаетъ каждому изъ насъ задешево имѣть свой портретъ; еретическія типографскія машины печатаютъ всѣ наши книги, въ томъ числѣ и церковныя; еретическіе паровозы и пароходы перебрасываютъ насъ изъ одного мѣста въ другое. Но внѣшность остается православная.

И когда нужно, мы читаемъ вслухъ никеоконстантинопольскій символъ вѣры, говоримъ церковному начальству, что ни въ чемъ не отступаемъ отъ постановленій вселенскихъ соборовъ.

Въ католической церкви исподволь складывалось такое отношеніе къ религіи: наружно и на словахъ подчиняйся постановленію соборовъ, а про себя—какъ хочешь. Болѣе преданное ученію святыхъ отцовъ православное духовенство долго не допускало такого двоемыслія. И Россія по неволѣ очутилась на помочахъ у «нѣмцевъ». Уже во время постройки Успенскаго собора, какъ мы видѣли, оказалась совершенно необходимой помощью заграничныхъ архитекторовъ. Понадобились заграничные врачи, такъ какъ въ Россіи даже патріарха и царя некому было лѣчить. Некому было отлить пушки,—понадобилось выписать заграничныхъ мастеровъ. Понадобились заграничные часовщики, заграничные слесаря, кузнецы, даже плотники. Въ началѣ своего царствованія Петръ I не нашелъ ни одного русскаго человѣка, который умѣлъ бы построить обыкновенную парусную лодку, чтобы на ней можно было лавировать въ случаѣ противнаго вѣтра. И когда такая лодка была построена живущими въ Москвѣ иностранцами, на нее сбѣгались смотрѣть, какъ на чудо. Въ Россіи никто не умѣлъ найти и использовать собственныя серебряныя руды и золотыя розсыпи. И русское правительство получало золото и серебро для монетъ лишь отъ еретиковъ-иностранцевъ въ обмѣнѣ за мѣха, за медъ, за шерсть и другіе продукты. До какой степени этотъ обмѣнъ былъ выгоденъ «еретикамъ», можно судить уже потому, что русскія мѣха въ Вѣнѣ, напр., продавались дешевле, чѣмъ въ Москвѣ. Россія должна была заграницей покупать сукна, ткани, желѣзныя и стальныя издѣлія, и платить за нихъ кожами, мѣхами, медомъ, т. е. опять таки въ три-дорога. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, приходили въ ужасъ отъ несообразности русскихъ цѣнъ. Оказывалось, напр., что въ Москвѣ пару куропатокъ можно было купить за 4 коп., рябчика за 1 копейку, теленка за 10—15 коп., а матерія на привычную для иностранца одежду стоила отъ 75 до 100 рублей.

Въ своемъ завѣщаніи патріархъ Іоакимъ убѣждалъ

«православныхъ царей» подвергнуть гоненію „проклятыхъ еретиковъ-иностранцевъ". Однако, онъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ, построенномъ проклятымъ еретикомъ. Пользовался услугами иностранныхъ мастеровъ, жившихъ въ Москвѣ. Носилъ одежды, сотканныя руками или машинами иностранцевъ. Получалъ золото и серебро, добытое тѣми же проклятыми еретиками. И проклиная ихъ, онъ въ сущности походилъ на человѣка, не подумавшаго, можно ли рубить сукъ, на которомъ сидишь. Правда, патріарху, которому важно и нужно было лишь сохранить въ чистотѣ постановленія соборовъ, нечего было дѣлать больше, какъ проклинать «еретиковъ». Но для людей съ другими заботами было ясно, что у еретиковъ надо учиться. А познакомившись съ еретическими науками, русскіе люди, какъ справедливо жаловался преемникъ Іоакима патріархъ Адріанъ, «совращались отъ стезей отцовъ своихъ» и говорили:

— «Для чего это въ церкви такъ дѣлается? Нѣтъ никакой въ этомъ пользы; человѣкъ это выдумалъ (а не Богъ установилъ»... На что всѣ эти посвященія, поминовенія усопшихъ, молебны?

Мало того, сближаясь съ еретическими науками, люди невольно замѣчали характерную особенность всякаго вообще духовенства. Поясню эту особенность на примѣрѣ. Мнѣ уже приходилось назвать тайнаго католическаго миссіонера Геральда. Однажды онъ вмѣстѣ съ другими католическими миссіонерами переѣзжалъ черезъ Днѣпръ. Ледъ проломился. Какой-то татаринъ при этомъ потонулъ. Миссіонерамъ же удалось спастись.

«Насъ—пишетъ Геральдъ—считали уже погибшими. Но съ нами была Божья помощь, и мы переправились безъ малѣйшаго вреда... Что же касается лошадей, то сначала казалось, что онѣ погибнутъ», занесенныя теченіемъ подъ ледъ, «но онѣ, какъ будто кѣмъ управляемыя, вдругъ поворотили противъ теченія, и всѣ какимъ-то чудомъ выбрались на берегъ, возвышавшійся надъ рѣкою почти на два человѣческихъ роста и вездѣ обрывистый». Въ этомъ Геральдъ видитъ доказательство, что католическимъ миссіонерамъ явно сопутствуютъ святые угодники и покровительствуетъ сама Божія

Матерь, такъ какъ она, молъ, желаетъ, чтобъ «Россія присоединилась къ святой католической церкви».

Или—еще случай. Князь Ѳедоръ Ромодановскій, очень не любившій католиковъ, 14 сентября 1698 г. участвовалъ въ пирушкѣ, на которой былъ царь съ нѣсколькими другими любимцами. На пирушкѣ случилась драка, и царь больно поколотилъ Ромадановскаго. Узнавши объ этомъ, миссіонеръ Геральдъ пишетъ:

„Кн. Ромодановскій—ожесточеннѣйшій врагъ католичества... И вотъ, по справедливому суду Божьему, случилось такъ, что онъ поплатился, а, можетъ быть, и еще больше поплатится“...

Такъ выходило, по мнѣнію католическаго духовенства. По мнѣнію же православнаго духовенства выходитъ иначе:

— По молитвамъ угодниковъ, католическіе миссіонеры, ѣхавшіе въ Москву сѣять плевелы своей нечестивой вѣры, едва не утонули въ Днѣпрѣ вмѣстѣ съ ихъ лошадьми и поклажей. Да и утонули бы, кабы имъ не помогла нечистая сила.

— За свою преданность православію и отвращеніе къ католицизму кн. Ромодановскій чудесно спасся отъ напрасной смерти изъ рукъ разгнѣваннаго царя.

Это суемудріе, это постоянное желаніе перетянуть Бога на свою сторону невольно наводило на мысль, что едва ли то или иное духовенство обладаетъ истиною. Сближаясь съ иноземцами, знакомясь съ ихъ науками, люди или вовсе уходили отъ православія, или становились къ нему равнодушны, т. е. исполняли обряды лишь по привычкѣ, по примѣру родителей, или даже ради удобства, чтобъ не навлекать на себя гоненій со стороны начальства. Церковь, понесшая цѣлый рядъ потерь, замѣтно становилась слабѣе. Патріархъ Никонъ желавшій принять титулъ папы, писалъ: „священство выше царства“, т. е. духовная власть выше власти царской, патріархъ выше царя. Никонъ надѣялся что въ случаѣ разногласія народъ станетъ на сторону патріарха, а не царя. Правда, эта надежда оказалась сильно преувеличенной. По желанію царя, Никонъ былъ преданъ суду и сосланъ, и это не вызвало особаго протеста со стороны народа. Однако, Алексѣй

Михайловичъ считалъ необходимымъ прислушиваться къ мнѣнію патріарха, и патріаршее слово имѣло большой вѣсъ. Зная объ этомъ, одинъ иностранецъ, когда ему было разрѣшено торговать табакомъ, сказалъ Петру I:

— Государь, а что думаетъ объ этомъ патріархъ?..

— Патріархъ пусть о вѣрѣ, а не о табакѣ думаетъ— отвѣтилъ Петръ.

И, дѣйствительно, хотя послѣдній патріархъ Адріанъ пытался вмѣшиваться, писалъ проповѣди противъ табаку, противъ иностранцевъ, противъ брадобритія, но его мало кто слушалъ, и на него не обращали вниманія. Когда Адріанъ умеръ, царь не разрѣшилъ выбирать новаго патріарха. Исполненіе же патріаршихъ обязанностей было возложено на митрополита Стефана Яворскаго. Стефанъ пытался противорѣчить Петру. Но попытки оканчивались тѣмъ, что онъ вынужденъ былъ умолять о прощеніи. Голосъ духовенства, очевидно, терялъ силу. И въ концѣ концовъ Петръ велѣлъ званіе патріарха вовсе упразднить. Управленіе церковными дѣлами было поручено постоянному собору изъ нѣсколькихъ назначенныхъ государемъ духовныхъ лицъ. Этому постоянному собору присвоено названіе: „святѣйшій правительствующій синодъ". Синодъ называется святѣйшимъ, такъ какъ по общему правилу православной церкви каждое постановленіе собора внушается Духомъ Святымъ. А дабы постановленія не противорѣчили видамъ и предположеніямъ правительства, главная власть сосредоточена въ рукахъ оберъ-прокурора, подъ руководствомъ котораго и правитъ церковными дѣлами синодъ. Оберъ-прокуроры назначаются государемъ, обыкновенно, изъ свѣтскихъ чиновниковъ. И такъ какъ направленіе церковныхъ дѣлъ стало зависѣть главнымъ образомъ отъ оберъ-прокурора, то синодъ сталъ однимъ изъ обыкновенныхъ правительственныхъ учрежденій— въ родѣ, напримѣръ, министерства внутреннихъ дѣлъ. И православное духовенство получило отъ еретиковъ насмѣшливо прозвище: „синодальная команда".

Синодъ былъ учрежденъ въ 1721 г. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (17 мая 1722 г.), послѣдовалъ между прочимъ, такой указъ «причту церковному и чину монашескому».

«Если кто при исповѣди объявитъ духовному отцу своему... измѣну или бунтъ на государя или на государство; или злое умышленіе на честь или здравіе государево и на фамилію Его Величества, то долженъ духовникъ донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ» [1]).

И священники должны были принести слѣдующую присягу:

«Азъ, нижепоименованный, обѣщаюся и клянуся Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Евангеліемъ, что долженъ есмь и по долженству хощу и всячески тщатися буду моему природному и истинному Государю Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему... Самодержцу Всероссійскому... вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и все къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать, и оборонять и защищать, и въ томъ живота моего въ потребномъ случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной и церковной во всякихъ случаяхъ касатися можетъ, старатися споспѣшествовать и вспомогать, со всякимъ усердіемъ и ревностью, елико конечная возможность достигнетъ; о ущербѣ же Его Императорскаго Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать, препятствовать и не допущать тщатися буду... и какъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода... о исповѣди изъяснено и утверждено, и о чемъ по тому объявленію доносить повелѣно, то буду доносить».

Священники дали эту присягу. И впредь стали такъ же присягать. И по одной этой присягѣ можно судить, какъ само правительство и само духовенство стало смотрѣть на Евангеліе, на ученіе Христа, на задачи церкви, и даже на такія важнѣйшія таинства, какъ исповѣдь. На-

---

1) См. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, томъ VI, № 4022.

помню кстати, что по Номоканону, «если духовный отецъ откроетъ кому-либо грѣхъ исповѣдывавшагося, то запрещается на три года; если епископъ или іерей заявитъ на сына своего духовнаго, что на исповѣди отъ него услышалъ, то совершенно нельзя вѣрить такому заявленію, по правилу 133 карѳагенскаго собора [1]). Святѣйшій патріархъ Лука подвергъ запрещенію архіепископа ираклійскаго, когда тотъ выступилъ свидѣтелемъ противъ своего духовнаго сына». Сравнивая эту выписку изъ Номоканона съ указомъ синода объ исповѣди, легко понять, какъ не только правительство, но и само духовенство стало смотрѣть на церковныя правила, и съ какими тяжкими потерями православная церковь перешла отъ временъ патріаршества къ временамъ святѣйшаго синода. Если само духовенство стало таково, то кто же, спрашивается, изъ знавшихъ и понимавшихъ православное ученіе вѣрилъ ему и считалъ его истиннымъ?

Въ такомъ смутномъ и ослабленномъ состояніи русская православная церковь перешла отъ временъ патріаршества ко временамъ святѣйшаго синода. Не мало важныхъ событій пережила за послѣднія 200 лѣтъ церковь, руководимая синодомъ. Въ теченіе этого же времени внѣ церкви и независимо отъ нея стали складывать новыя понятія о Богѣ и о вѣрѣ. Но о всемъ этомъ намъ придется говорить въ слѣдующихъ очеркахъ по исторіи восточной государственной церкви.

---

[1]) Карѳагенскій соборъ—одинъ изъ помѣстныхъ, постановленія которыхъ православная церковь считаетъ обязательными.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книги А. Б. Петрищева.

		Цѣна.
Беркадотъ. Драматическая поэма		— р. 50 к.
Складъ изданія: СПБ., Бол. Подъяческая, 39, книжный складъ «Общественная Польза».		
Замѣтки учителя		1 » — »
Складъ изданія: СПБ., Невскій 92, Книгоиздательство «Знаніе».		
Церковь и школа		— » 15 »
Два избирательныхъ закона		— » 10 »
Складъ изданій: СПБ., Баскова, 9, «Русское Богатство».		
Очерки и разсказы		— » 40 »
Изъ исторіи русской школы		— » 5 »
Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи		— » 5 »
Складъ изданій: СПБ., Пушкинская 15, книж. маг. «Прометей».		

Вышедшая изъ продажи книга того же автора «**Триста лѣтъ**» освобождена отъ ареста постановленіемъ С.-Петербургской судебной палаты 19 октября 1907 г., такъ какъ въ ней неусмотрѣно состава преступленія ни по одной изъ статей Уголовнаго Уложенія.

